

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№2 · 2004

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н.
Тел. (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149.
Кубанский государственный
университет

Дизайн обложки: С.Г.Ажгихин,
М.Н.Марченко
Оригинал-макет: Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
«Агропромполиграфист»,
350062 г.Краснодар, ул.Ковалева, 5.

Подписано в печать 25.07.04
Уч.-изд.л. . Усл. печ.л. 12,2.
Тираж 600 экз. Заказ № .

2-2004

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т. А. Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); **Л. А. Арутюнян**, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); **В. А. Бабешко**, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **А. А. Бодалев**, д-р психол. наук, проф., академик РАО; **А. А. Гаврилов**, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); **С. Деллер**, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США); **В. В. Знаков**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); **Я. Л. Коломинский**, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); **Л. Е. Лаптева**, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); **Е. В. Морозова**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ); **Х. Пилкингтон**, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания); **А. Л. Стризов**, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); **П. М. Хакуз**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); **А. Ю. Чирг**, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); **В. К. Шаповалов**, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); **В. Ю. Шпак**, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); **Е. Р. Ярская-Смирнова**, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; **Г. С. Курбатова**, отв. секретарь; **Т. Т. Авдеева**, д-р экон. наук, проф.; **В. П. Бедерханова**, д-р психол. наук, проф.; **А. И. Приходько**, д-р техн. наук, проф., **А. М. Ждановский**, канд. ист. наук, доц.; **А. А. Лузаков**, канд. психол. наук, доц.; **З. И. Рябикина**, д-р психол. наук, проф.; **В. М. Юрченко**, д-р филос. наук, проф.

2-2004

Содержание

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА	4
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА	
<i>Панин В.Н.</i> Политический процесс в арабском мире	6
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ	
<i>Гнедаш А.А.</i> Институционализация гендерного подхода в странах Европы	16
ЧЕЛОВЕК В МИРЕ	
<i>Санькова М.И.</i> Синдром «эмоционального выгорания» у социальных работников: теоретический анализ понятия	30
<i>Барсукова Т.И.</i> К вопросу о противоречии нравственного сознания и девиантного поведения подростка (виноват ли подросток?)	44
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	
<i>Кириченко М.М.</i> Личные подсобные хозяйства сельских жителей Краснодарского края: технология развития резервного рынка труда на селе	53
ТРЕТИЙ СЕКТОР	
<i>Рогозин Д.М.</i> Анализ эмотивной лексики молодежных общественных объединений	71
<i>Шестак Е.А.</i> Человеческие ресурсы некоммерческих организаций.	104
КАФЕДРА	
<i>Подвойский Д.Г.</i> Социологический реализм Эмиля Дюркгейма	112
<i>Кочурина Р.А.</i> О финансовом контроле за бюджетными средствами органами федерального казначейства	125
SUMMARY	131

Представление номера

.....

В открывающей очередной номер статье В.Н. Панин рисует динамичную картину сменяющих друг друга центростремительных и центробежных тенденций в отношениях между арабскими странами, прослеживает переход от деклараций о «собрании арабских земель» под эгидой идеи панарабизма к осуществлению более реалистичных проектов субрегиональных союзов и программ в политической, экономической и др. сферах по инициативе отдельных государств, борющихся за лидерство в арабском мире и т.д. Автор приходит к выводу о стагнационно-статическом характере политического процесса.

А.А. Гнедаш на материале истории ряда европейских стран дает подробный обзор эволюции законодательных технологий и типов политической риторики, направленных на обеспечение участия женщин в представительных органах власти, руководстве политических партий и выборных органах местного самоуправления.

М. Санькова анализирует семантику и употребление понятия «эмоциональное выгорание» применительно к профессии социального работника, приводит варианты систематизации симптомов, условий и факторов этого явления. Автор придерживается убеждения, что прояснение ключевого для статьи понятия облегчит разработку методик, овладение которыми позволит социальным работникам справляться с рисками профессии.

Применяя метод опроса в русле «парадигмы» минимальных групп и неопределенной выборки, Т.И. Барсукова информирует читателей о возможности проблематизировать эмпирически обнаруженную неконсистентность между негативными оценками предложенных в анкете видов девиантного поведения одноклассников и фундированными тревогой за будущее страны представлениями о широком распространении девиаций среди российской молодежи. В качестве одной из причин распространенности девиаций автор называет «слабую результативность государственных социальных институтов».

В статье М.М. Кириченко описываются тенденции изменений краевого законодательства и социально-экономической политики. Анализируются вероятные последствия ввода в действие краевого Закона «О государственной поддержке личных подсобных хозяйств на территории Краснодарского края» (от 24.03.2004) как первой за постсоветский период попытки по регулированию в

сфере ЛПХ. Используются материалы государственной статистики, экспертные интервью и другие данные, собранные автором в 1990–2004 гг.

Д.М. Рогозин, анализируя данные 45 полуструктурированных интервью с лидерами молодежных некоммерческих организаций г. Москвы, выделяет 259 опорных существительных и 376 эмотивных прилагательных; исследование употребления (сочетаемости) выделенных слов позволило автору компактно описать репрезентации в дискурсе некоторых тематических полей: организация, работа, люди, деньги, миссия. В приложении к статье дается словарь.

Е.А. Шестак представила обзор рекомендаций по формированию кадров для жизнеспособной некоммерческой организации.

В рубрике «Кафедра» в сокращении публикуется глава из готовящегося к печати учебника по истории социологии, написанного Г.С. Батыгиным и Д.Г. Подвойским. В главе рассмотрено вечно актуальное для социологии понятие «социального факта» в интерпретации Э. Дюркгейма.

Р.А. Кочурина приводит некоторые уловки, к которым прибегали пострадавшие от наводнений, произошедших на территории Краснодарского края в августе 2002 года, для незаконного получения компенсаций, и высказывается за ужесточение контроля за расходованием бюджетных средств.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В АРАБСКОМ МИРЕ

.....

В.Н.Панин*

Арабские страны существенно отличаются друг от друга размерами территорий, численностью населения, обеспеченностью природными ресурсами, емкостью внутреннего рынка, а поэтому процессы их индивидуального развития не могут протекать одинаково и одновременно. Становление межарабских политических отношений приходится на 1950–1960 гг. До этого субъектами международного права были лишь Йемен (с 1919 г.), Саудовская Аравия (с 1926 г.), Сирия (с 1941 г.), Ливия (с 1943 г.) и Иордания (с 1946 г.). После завоевания политической независимости к началу 1960-х гг. перед народами арабских государств во всем объеме встали сложнейшие проблемы выбора путей развития.

На протяжении последних четырех десятилетий сохранению взаимного притяжения арабских стран способствовал ряд факторов. Главными из них были сходство проблем, связанных с необходимостью преодоления отсталости, обретение политической и экономической независимости, укрепление национального суверенитета. Консолидирующе на арабов влияла и их принадлежность к единой исторической и социокультурной общности. Арабам свойственно в той или иной мере осознание себя частью единой нации, что служит питательной почвой для попыток практического осуществления арабского единства.

Дестабилизирующее воздействие на межарабский политический процесс оказывали рост социально-политической дифференциации государств, борьба за лидерство в арабском мире, столкновение местных «национализмов», вмешательство внешних сил.

Постоянной характеристикой межарабского политического процесса является противоборство центростремительных и центробежных тенденций.

* Панин Виктор Николаевич, канд. философ. наук, профессор кафедры управления, политологии и социологии Пятигорского государственного лингвистического университета, стажер Гарвардского университета (США). E-mail: panin@fas.harvard.edu

Процесс политических взаимоотношений стран Ближнего Востока протекает уже более сорока лет (с начала 1960-х гг.) – с момента достижения независимости всеми государствами этого региона. С точки зрения протекания политического процесса его условно можно разделить на три периода в зависимости от того, какие тенденции в нем преобладали – центростремительные или центробежные.

Ведущей политической тенденцией развития арабского мира в 1960-е гг. была определенная радикализация правящих сил, достигшая апогея в Египте во время правления Гамала Абдель Насера, когда прогрессивные преобразования стали носить антикапиталистический характер. Попытки консервативных сил приостановить или даже повернуть вспять начавшиеся процессы социальной радикализации не могли не повысить степень конфликтности в межарабских отношениях. Однако в целом мощные освободительные импульсы, действовавшие в арабском мире в то время, – свержение имамского правления в Северном Йемене, завоевание независимости Южным Йеменом, пробуждение арабского национального сознания – предопределили преобладание объединительных начал в системе межарабских отношений.

Вместе с тем усиление социально-политического размежевания образовавшихся в арабском мире национальных политико-государственных систем таило в себе объективную тенденцию поляризации межарабских отношений на два блока: республиканского направления (к нему следует отнести Египет, Сирию, Северный и Южный Йемен, Ирак, Ливию и Ливан) и монархического (Саудовская Аравия, Иордания, монархии Персидского залива).

Важную роль в этом процессе сыграл и внешний фактор – обострение глобального соперничества между США и СССР. Выражением этой тенденции явилось создание группировок как относительно либеральными, так и консервативными арабскими режимами. Процесс политического размежевания в арабском мире стимулировался извне. Западные державы во главе с США делали ставку на всемерную помощь монархическим силам региона, в первую очередь Саудовской Аравии. СССР и страны социалистического лагеря оказывали всемерную поддержку Египту, Сирии, Ливии и Южному Йемену.

Следует отметить, что арабо-израильская война 1967 г. и ее последствия кардинально повлияли на всю систему отношений стран региона. С одной стороны, поражение арабов в войне усилило арабский национализм, с другой стороны, различия в подходах арабских государств к проблеме урегулирования ближневосточного кризиса подготовили почву для обострения межарабских отношений, что и проявилось в 1970-е гг., с момента подписания Кэмп-дэвидского соглашения между Египтом и Израилем при посредничестве США.

В 1970-е гг. закончилось формирование системы межарабских отношений в ее современном виде. Определился круг ее участников – 18 независимых арабских государств. В этот период в них завершилось становление политических

систем, характеризующихся определенной устойчивостью в сравнении с другими освободившимися странами.

В начале 1970-х гг. арабские страны Ближнего Востока вступили в весьма сложный и противоречивый период своего развития. В первую очередь это было вызвано уходом с политической арены признанного лидера арабского мира Г.А. Насера – главного вдохновителя идей панарабизма. В результате охлаждения взаимоотношений Египта и СССР и переориентации первого на США произошло ослабление влияния стран социалистической ориентации в целом на весь регион Ближнего Востока, что вызвало изменение социально-политической расстановки сил в регионе. Это проявилось также и в возрастании влияния ислама на общественную жизнь как реакции на жестокое поражение в «шестидневной войне» 1967 г. Ярким примером исламизации явилась ливийская «культурная революция». Рост происламских настроений в арабском мире не в последнюю очередь был вызван усилившимся влиянием монархических аравийских режимов. Обращение к исламу вообще играет роль защитного механизма для арабского общества, отрицающего свое бессилие перед лицом чужой силы, угрожающей его существованию.

В 1970-х гг. появился новый феномен в социально-экономической и демографической сферах. Речь идет об арабской миграции в страны – экспортеры нефти, ставшей важным элементом политической и социально-экономической жизни региона. Основными экспортерами рабочей силы в середине 1970-х гг. были Египет (17,7%), ЙАР (15,5%), Иордания, включая палестинцев (13,3%), НДРЙ (3,5%), Сирия (2,8%), Судан (2,4%), Оман (1,7%), Тунис (1,5%), Марокко (0,1%), на втором месте стояли страны индийского региона – Индия, Пакистан, Бангладеш (18%) [3, с. 262] .

Стремление к преодолению противоречий в арабском мире находило выражение в попытках политического сближения на основах идей панарабизма. Так, 9 ноября 1970 г. правительства ОАР, Ливии и Судана подписали в Каире Тройственную декларацию об объединении, 21 ноября к ней присоединилась Сирия. 17 апреля 1971 г. во время встречи ливийского, сирийского и египетского руководителей в Бенгази была провозглашена Федеративная Арабская Республика (ФАР). Предусматривалось объединение трех стран в политической, экономической и военной областях, а также создание унифицированной структуры государственных органов. Судан отказался войти в федерацию из-за обострения отношений с Египтом и Сирией. Однако по причине серьезных разногласий между Египтом, Сирией и Ливией относительно перспектив развития ФАР это государственное образование оказалось мертворожденным, поскольку по существу при подписании данного акта борьба велась относительно лидерства в арабском мире и реальных предпосылок для создания подобной структуры не существовало.

Оценивая межарабские отношения в 1970-е гг. в целом, следует отметить явное преобладание в них центробежных тенденций. Происшедшая в тот пе-

риод перегруппировка сил на Ближнем Востоке оказала деструктивное влияние на арабский мир, изменила сложившуюся в регионе в 1960-е гг. ситуацию. Отсутствие доминирующего арабского блока, формирование «центров силы» различной политической ориентации, обострение борьбы за лидерство, все большее проявление местных «национализмов» и амбиций отдельных арабских лидеров привели к росту конфликтности в ближневосточном регионе.

К началу 1980-х гг. страны Ближнего Востока оказались неоднородными как по уровню социально-экономического развития, так и по политической ориентации. В этот период продолжали действовать основные тенденции, проявившиеся в предыдущее десятилетие. Начало промышленной эксплуатации нефтяных ресурсов, так называемый нефтяной фактор и вызванная этим идеология потребления, в той или иной степени распространились на все страны арабского мира и привели к определенному экономическому сближению, заметному расширению масштабов движения рабочей силы и капиталов. Вместе с тем, хотя нефтяной бум содействовал оживлению региональных экономических связей, гораздо в большей степени он интенсифицировал взаимодействие национальных экономик арабских стран.

Важнейшим следствием нефтяного бум и «нефтяного процветания» стало не возрастание панарабских тенденций и создание общерегиональных доктрин, а дальнейшее политическое обособление отдельных нефтедобывающих государств, занятых решением собственных проблем в экономической, социальной и политической областях. Процесс социально-экономической и политической диверсификации привел в начале 1980-х гг. к тому, что стремления к социальному обновлению, модернизации, тенденции к сближению и достижению арабского единства стали уступать дорогу узким религиозным и идеологическим взглядам, анахроническим политическим доктринам.

1980-е гг. были отмечены новым небывалым всплеском религиозных настроений, усилением тенденции исламизации общества, оказывающей возрастающее влияние на политическое положение отдельных стран и региона в целом.

Подъем политического ислама на рубеже 1970–1980-х гг. не только не остановил начавшиеся дезинтеграционные процессы, но, напротив, активизировал их. Если национализм в 1960-е гг. служил сплочению арабов, иногда успешно противодействуя центробежным тенденциям, то исламизм лишь усилил их, несмотря на все разговоры лидеров исламских движений о мусульманском единстве.

Одной из главных особенностей общественной жизни арабского общества во второй половине 1980-х гг. стали усилия по преодолению дезинтеграционных процессов, достигших своего апогея в начале десятилетия и наиболее наглядно проявившихся летом 1982 г. в период израильского вооруженного нападения на Ливан.

Перевод ирано-иракского конфликта в 1988 г. в политическую плоскость означал ослабление одного из основных дестабилизирующих факторов на Ближнем Востоке. Лидеры арабских стран, учтя опыт прошлого, приступили к поискам новых принципов объединения, среди которых основными стали: перенос центра тяжести в экономическую область, деполитизация внешних связей и создание различных субрегиональных объединений.

Наблюдаемая в арабском мире тенденция перехода от охватывающих широкие сферы деятельности, всеобъемлющих институтов к более практичным, ограниченным по масштабам субрегиональным формированиям, началась с создания в 1981 г. шестью государствами Персидского залива Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [8, с. 79]. Причина подобных шагов – неспособность Лиги арабских государств (ЛАГ) стать форумом, посредством которого могли быть достигнуты цели каждого отдельного арабского государства. ЛАГ, созданная более полувека назад на основах идей панарабизма, так и не выполнила своей первоначальной задачи – создания единого арабского рынка, который послужил бы основой для воссоединения арабской нации. Более того, устав ЛАГ не отвечает тем переменам и событиям, которые происходили в арабском обществе и на международной арене. Например, уже то, что в Лиге решения должны приниматься на основе консенсуса, привело к почти полному параличу всей ее деятельности.

Одной из альтернатив ЛАГ было создание в 1981 г. узкокорпоративной группировки ССАГПЗ с доминирующими позициями в ней Саудовской Аравии. Члены организации разработали реалистическую программу многосторонней производственной и коммерческой кооперации и специализации, позволившей им добиться поэтапного углубления интеграции. Постепенно деятельность ССАГПЗ становилась разнообразнее, затрагивая и военно-политическую сферу. В 1984 г. была выработана единая оборонная стратегия и созданы вооруженные силы «Щит полуострова» [7, с. 8]. С одной стороны, создание ССАГПЗ было вызвано своего рода коллективной защитной реакцией на внешнюю угрозу в условиях обострения ситуации в зоне Персидского залива в связи с ирако-иранской войной. С другой стороны, согласованный подход государств – членов ССАГПЗ к вопросам специализации и взаимодополняемости их хозяйственного развития и отношений с третьими странами позволил аравийским экспортерам нефти менее болезненно преодолеть переход от эйфории нефтедолларового бума к более сбалансированному социально-экономическому развитию.

В конце 1980-х гг. были созданы благоприятные условия для укрепления межгосударственных отношений в регионе Магриба. Это было обусловлено как потребностями дальнейшего социально-экономического развития, так и возросшим пониманием необходимости формирования координированного подхода к отношениям с ЕЭС в преддверии образования в нем к 1992 г. единого внутреннего рынка. В феврале 1989 г. на встрече руководителей Алжира, Марокко, Туниса, Ливии и Мавритании в Маракеше (Марокко) был подписан

договор о создании Союза Арабского Магриба (САМ). Целью этой субрегиональной организации провозглашалась координация внешнеполитической и экономической деятельности стран-участниц, предусматривающая, в частности, свободное перемещение людей, товаров и капитала. В рамках САМ были учреждены консультативная палата Магриба и суд для разрешения спорных вопросов [5, с. 56].

О развитии стремления к единству свидетельствовало и возвращение Египта в арабские ряды. Оно было узаконено решением внеочередной сессии Совета ЛАГ в Аммане в ноябре 1987 г., которая, отказавшись от традиционного принципа консенсуса, предоставила право каждой стране самостоятельно решать вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Египтом [6, с. 6]. Возвращение Египта в арабские ряды позволило ему выступить в роли создателя третьей крупной субрегиональной группировки арабского мира – Совета арабского сотрудничества (САС) в составе Египта, Ирака, Иордании и ЙАР. Идея создания САС была вызвана к жизни реальной ситуацией и конкретной расстановкой сил в арабском мире. САС имел целью противостояние фактически закрытым ССАГПЗ и САМ. При его создании учитывались и такие факторы, как особое положение Сирии, конфликтующей с Египтом и Ираком в борьбе за лидирующую роль на Ближнем Востоке, острые внутренние конфликты в Ливане и Судане, сложность обстановки в НДРЙ. Хотя при создании САС доминировали политические цели, задачи экономического сотрудничества заняли важное место в его деятельности.

Образование субрегиональных группировок, которые объединили 15 арабских государств, охватывающих три четверти территорий стран – членов ЛАГ и вобравших около четырех пятых их совокупного населения, свидетельствовало о постепенном переходе арабских государств от утопических планов реализации арабского единства путем декретируемого государственного слияния к более реалистичным проектам, в основе которых лежало поэтапное углубление политического и экономического сотрудничества.

Важнейшим фактором, определяющим характер социально-политических процессов в арабском мире в 1990-е гг. и начале XXI столетия, является разложение «традиционного общества». Это выступает своего рода защитной реакцией ближневосточного общества на нарастающие процессы глобализации и интернационализации в области международных отношений. В совокупности эта перестройка материальной и духовной жизни общества выражается в процессе модернизации, идущем во всем арабском мире, независимо от избранных путей развития.

Чем выше уровень модернизации, тем быстрее идет процесс разложения традиционного ближневосточного общества. Процесс модернизации во многом определяет постепенное повышение материальных и культурных условий жизни. Уровень жизни основной массы населения, как правило, непосредственно связан с уровнем модернизации. Правда, арабский мир являет собой

одно из самых ярких исключений из этого правила. Здесь, вследствие получения высокой нефтяной прибыли, целая группа стран в состоянии обеспечить уровень жизни и потребления, намного превышающий реальный уровень их модернизации. Да и сам уровень далеко не одинаков. Он зависит как от исходного базиса, т. е. уровня модернизации, достигнутого к концу колониальной эпохи, так и от ее темпов в постколониальный период. К тому же надо иметь в виду, что сам процесс модернизации протекает различно в разных странах и в значительной мере определяется рядом факторов субъективного порядка, в частности, избранной моделью развития с ее религиозными, социальными и политическими приоритетами.

В арабских странах все еще сохраняется дуалистическая организация общественной и экономической жизни. Она выражается в одновременном существовании на одной и той же территории социальных групп современного и традиционного общества. Проблема «современного» и «традиционного» в арабском обществе и государственных системах на сегодня является одной из главных при анализе особенностей развития политического процесса в арабском мире и определении перспектив его развития.

Вряд ли есть основания полагать, что воинственный, наиболее нетерпимый ко всему современному, исламский радикализм пользуется поддержкой большинства населения, которое уже привыкло к некоторым плодам цивилизации. По существу в арабском мире на одной и той же территории в одно и то же время бок о бок существуют два различных общества: традиционное и современное, каждое со своими социальными структурами, своими формами общественного сознания, ценностными установками. «Этому, – как отмечал российский востоковед Л. А. Фридман, – соответствуют две различные формы социальности: гражданско-общественная и традиционно-общинная. Одна основана на индивидуалистических отношениях современного типа, другая – на корпоративно-коллективистских началах, опутанных сетью многообразных и многослойных связей традиционного типа: этнонациональных, религиозных, сословно-клановых, локально-религиозных, групповых, межличностных и т.д.» [1, с. 187].

Эволюция арабских политических систем и ход политического процесса в последние десятилетия показывают, что, несмотря на сохранение большинства традиционных институтов и норм жизни, политическая модернизация все же пробивает себе дорогу, расчищая место для последующих шагов в своем развитии. При этом в процессе модернизации политических структур могут преобладать как внутренние, так и внешние факторы.

Внешний фактор, например, сыграл важную роль в ускорении модернизации политических структур в государствах Персидского залива, равно как и в активизации национально-освободительной борьбы в ближневосточном регионе в целом. Обобщающим показателем незавершенности процесса модернизации является все еще непреодолимая бедность значительных масс населения.

Поскольку бедность и нищета обратно пропорциональны уровню модернизации, то их изживание соответствует темпу и ходу самого процесса структурной трансформации ближневосточного общества.

Своеобразием социальной ситуации в арабских странах является относительно привилегированное положение социальных слоев современного общества. В результате все слои традиционного общества противостоят им, порождая основную группу противоречий, возникающих в процессе модернизации. По мере модернизации сопротивление традиционализма нарастает. Особое негодование традиционных слоев вызывает процесс вестернизации, идущий параллельно с возникновением новых социальных структур. Однако, будучи объективным процессом, он не зависит от чьей-либо воли и идет самопроизвольно, везде и всюду, отмечая своим развитием распад «традиционного общества».

Итогом эволюции сосуществования двух типов социальных и политических укладов стало создание сложной политической системы, все элементы которой опираются на традиционное, этническое, родо-племенное, кастовое, региональное деление. В подавляющем большинстве арабских стран та или иная часть населения принадлежит к племенам. Наиболее яркий пример общества, в котором родо-племенная структура приниживает буквально всю жизнь, – государства Аравийского полуострова.

В группе традиционных структур к родо-племенным близко примыкают клановые, региональные, этнические и конфессионально-корпоративные. Собственно этнические проблемы в арабских странах не играют такой роли, как во многих других регионах мира – в большинстве там проживает только арабское население. Этническая проблема существует лишь в Ираке и Сирии, где проживают курды. И курдская проблема, по нашему мнению, становится в ряд наиболее сложных проблем Ближнего Востока. В большей степени этнические проблемы и различия сопряжены с религиозными, причем последние довольно часто выдвигаются на первое место.

Исторический опыт показывает, что даже в условиях пресловутого «исламского взрыва» ни религиозный, ни этнический факторы не являются всегда определяющими, равно, как и другие факторы «традиционного» цикла. Учет факторов современного типа сегодня не менее важен, чем когда-либо, и не меньше, чем в любом другом обществе. Социальные отношения, взаимодействие политических течений, национализм, социальная психология, влияние внешнего фактора – эти составляющие складываются вместе с традиционными факторами в сложный узел проблем, определяющих ход развития политического процесса в ближневосточном регионе.

Главными итогами изменений в политических системах арабских стран является становление и развитие нескольких типов независимых государств, играющих все более заметную роль в мировом сообществе, модернизация системы управления, государственных институтов, политических партий, обще-

ственных организаций при одновременном сохранении многих традиционных форм организации общественно-политической жизни, традиционной системы общественных отношений. Иорданский политолог Камель Абу Джафер выделил следующие особенности современного арабского государства: невнимание госструктур к важнейшим нуждам народа; выполнение особой роли аппаратом безопасности; маргинализация интеллигенции; установление сильной единоличной власти [2, с. 5].

В большинстве арабских стран лидеры находятся у власти длительное время, что позволяет говорить об относительной устойчивости арабских режимов, начиная с 1970-х гг. Сирийский лидер Хафез Асад пребывал у власти около 30 лет. В Ираке правящая группировка руководила страной с 1968 по 2003 г. В Иордании король Хусейн правил с 1953 по 2001 г. Ливийский лидер Муамар Кадафи находится у власти с 1969 г. Марокканский монарх Хасан II занимал трон около сорока лет. Бургиба стоял у власти в Тунисе с 1956 по 1987 г.

Авторитарная стабильность – так можно определить тенденцию, преобладающую в арабском мире с конца 1970-х гг. Личная роль лидера цементирует политическую систему стран различного уровня развития и различного типа.

В отношении перспектив демократизации государств арабского мира есть основания полагать, что ни либеральная демократия (иллюзия 1950-х гг.), ни повсеместный устойчивый авторитаризм (конец 1960-х – первая половина 1970-х гг.), а именно колебания между авторитаризмом и частичной демократизацией (либерализацией) представляют собой наиболее долговременную тенденцию развития политических систем в большинстве арабских стран.

Набирающие силу интеграционные процессы на Ближнем Востоке, которые происходят в общем контексте усиления глобальной взаимозависимости государств и народов, создают предпосылки для снижения уровня конфронтационности в регионе. Учитывая чуткую реакцию ближневосточного общества на изменения в международной расстановке сил, можно предположить, что наметившиеся со второй половины 1980-х гг. позитивные тенденции в межгосударственных отношениях благотворно скажутся на межарабском политическом процессе. Итоги независимого развития арабского мира на протяжении четырех минувших десятилетий свидетельствуют о значительных изменениях, происшедших в этот период в экономическом, социальном и политическом облике арабских стран.

За четыре десятилетия взлеты и падения пережил не только арабский национализм, но и исламизм, который завоевал положение одной из наиболее значимых составляющих в жизни современного арабского общества.

Характеризуя состояние стабильности на Ближнем Востоке, важно учитывать, что арабские общества в течение столетий развивались крайне медленно, циклично воспроизводя себя. Об этом свидетельствуют существующие до сих пор такие архаичные формы государственного устройства, как теократическая и абсолютные монархии. Смысл межгосударственных отношений во

многих случаях заключается в стремлении найти союзника с тем, чтобы навязывать всем остальным свою согласованную волю. Следствием этого отчасти является создание субрегиональных объединений типа ССАГПЗ, САМ, САС. Немаловажную роль здесь играет и борьба за лидерство в арабском мире между Египтом, Сирией, Саудовской Аравией и до недавнего прошлого Ираком, что во многих случаях на уровне межгосударственных отношений приводило к состоянию долговременной конфронтации. Примером могут служить египетско-саудовские, ирако-кувейтские и йемено-саудовские отношения. Подобное состояние конфронтации характерно для всех арабских стран в отношении Израиля. Это дает веские основания полагать, что современное состояние стабильности политического процесса на Ближнем Востоке можно охарактеризовать как стагнационно-статическое.

Библиографический список

1. *Стоклицкий С.А., Фридман Л.А., Андрукович П.Ф.* Экономические структуры арабских стран. М.: Наука, 1985.
2. *Abu Zaber K.* The Nature of State in the Middle East. Exter, 1997.
3. *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements.* N.Y., 1993.
4. *Mahan A.* The Persian Gulf and International Relations. L.: National Review, 1902.
5. MEED. 1999. 3 March.
6. Middle East. 1997. December.
7. Middle East. 1994. November.
8. *The Politics of Arab Integration / Ed. G. Luciani.* L.: Helm, 1988.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

.....

А. А. Гнедаш*

В последнюю четверть XX в. политическими субъектами во многих странах, где произошло повышение уровня представленности женщин в парламентах, были предприняты специальные меры и стратегии, непосредственно направленные на скорейшее установление фактического равноправия между мужчинами и женщинами в области принятия решений. Эти стратегии применялись в целях достижения определенной процентной доли женщин в составе политических партий, парламентов и/или общественных наблюдательных советов, органов исполнительной власти. Эффективность таких мер в разных странах различна и по-прежнему служит предметом дискуссий. Сегодня мировой опыт свидетельствует о наличии нескольких принципиальных подходов, используемых партиями, государственными и общественными организациями для повышения представленности женщин в органах власти. Российские исследователи Е. В. Кочкина и М. М. Кириченко выделяют несколько подходов [3, с.19]. Рассмотрим их подробнее.

1. **Гендерно-нейтральный подход** в продвижении женщин партиями в ходе выдвижения кандидатов на выборы как в одномандатных округах, так и по партийным спискам. Суть гендерно-нейтрального подхода заключается в подчеркнутом игнорировании партиями вопроса гражданского пола кандидатов; фактически данный подход продвигал на выборах кандидатов-мужчин, так как женщины выдвигались партиями довольно редко и составляли в среднем от 5 до 10 % депутатов парламентов. Он был свойственен партийной практике и избирательному законодательству большинства стран до 1970-х гг., но для ряда стран характерен и сегодня.

2. **Система поддерживающих действий** («affirmative actions») – партийная политика явственно выражаемых и подтверждаемых практическими действиями намерений относительно поддержки и продвижения женщин. Реализуется

* Гнедаш Анна Александровна, преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. E-mail: ana_gnedash@lenta.ru.

через партийную поддержку различных форм побуждения женщин к инициативе и выдвижению своих кандидатур на выборах на руководящие посты через организацию финансовой помощи женщинам-кандидатам, посредством проведения специальных курсов, семинаров, конференций для женщин, проявивших желание разделить с мужчинами властные функции, и т. п.

3. Третья, более радикальная форма – **политика «позитивной дискриминации»** («positive discrimination»). Ее механизмом является гендерное нормирование – количественные нормы участия во властных структурах, применимые к обоим полам в различных, от 10 до 50 %, пропорциях. Позитивная дискриминация используется прежде всего для восстановления ущемленных прав и уравнивания стартовых возможностей. В основном она рассматривается как вынужденная временная мера, рассчитанная на ускоренное устранение «исторической несправедливости» в отношении граждан-женщин. В большинстве случаев гендерное нормирование вводилось первоначально на уровне рекомендаций и целевых установок, взятых на вооружение партиями. На 2001 г., по данным ЮНИФЕМ, гендерные нормы (именуемые иногда квотами) для женщин в парламентах или в партийных списках применялись, как минимум, в 30 странах (издание Мирового банка). В рамках этой формы автор выделяет три различных вида нормирования, различающихся по целям и принципам формирования квот.

3.1. *Партийное нормирование* (квотирование) на уровне уставов партий. При этой системе указывается пропорция женских и мужских фамилий в списках кандидатов, иногда эта норма сопровождается указанием гарантий пропорциональности размещения женских и мужских фамилий по партийному списку при выдвижении в одномандатных округах. Этот подход применялся большинством социал-демократических партий в странах Западной Европы начиная с 1970-х гг. и в настоящий момент используется большинством партий этих стран. В 1980-х гг. большое число развивающихся стран также пошло по этому пути.

3.2. *Гендерное нормирование* (квотирование) в электоральном законодательстве на уровне составления списков кандидатов, существующее в двух разновидностях. Первый вариант – с указанием только на состав по признаку пола, т. е. определение минимального процента кандидатов от одного из гражданских полов либо через использование указания на численное соотношение, например, «не могут различаться больше чем на один». Второй вариант может дополнительно регламентировать не только соотношение мужских/женских имен, но и их последовательность в списке.

3.3. *Квотирование мест* в парламентах. В настоящее время законодательно закреплено только в 5 странах.

4. **Политическая разнарядка**. В отличие от предыдущих форм правовой регламентации политическая разнарядка (один из типов квотирования) применялась негласно. Эта форма была распространена в странах социалисти-

ческого блока. Как известно, разрядка устанавливалась в виде 30% квот для женщин на национальном и 40–50% квот на местном уровне. В некоторых постсоветских странах в том или ином виде существует и поныне. Внешне совпадает с описанным принципом квотного продвижения в органы власти, но специфические моменты этого подхода, присущая лишь ему формально-символическая репрезентация женщин позволяют классифицировать его как исторически уникальный и отдельный вид.

Данные подходы активно используются в западных странах для увеличения числа женщин в органах власти и управления, в то же время продвижение женщин на выборные должности и в исполнительные органы имеет некоторые особенности.

Представительные органы, политические партии и местные выборные органы

Всеобщее избирательное право положило начало участию женщин в политической жизни. В десяти из пятнадцати стран Европейского союза и в Норвегии женщины получили право голоса в начале XX в., нередко в результате упорной борьбы. Принимая участие в парадах, сидячих забастовках, демонстрациях, голодовках и маршах, женщины требовали равных политических прав, и к 1920 г. в большинстве названных стран их требования были удовлетворены. В 1919 г. первая женщина – леди Астор – стала депутатом британского парламента, имеющего многовековую историю.

В трех странах избирательное право было предоставлено женщинам сразу же после Второй мировой войны (Франция, Бельгия, Греция), в то время как в Испании и Португалии этот процесс завершился лишь в период восстановления демократии в конце 1970-х гг.

В гражданской и политической сферах меры по вовлечению женщин в политику включают в себя образовательные программы, профессиональную подготовку и позитивные действия по отбору женщин-политических лидеров.

В плане политического лидерства к наиболее высоким позициям относится должность в составе национального правительства. В 1995 г. в пятнадцати странах, входящих в Европейский союз, женщины — члены кабинета министров составили 16%: среди 537 членов правительств стран ЕС было 84 женщины [10, с. 79]. Среди названных стран выделяются лидеры: в Швеции и Норвегии правительственные посты разделены поровну между женщинами и мужчинами; в Финляндии, Дании и Нидерландах свыше одной трети численности кабинета министров представлено женщинами. Однако в Греции, Италии, Португалии и Британии доля женщин в составе кабинета не превышает 10%. Страны Северной Европы вновь попадают в число лидеров, а страны Южной Европы (к которым примыкает и Британия) оказываются в конце списка и характеризуются неразвитостью политики в отношении женщин. Что касается

Франции и Бельгии, то по числу женщин-политиков они значительно отстают от лидирующих стран.

Можно заметить определенную корреляцию между численностью женщин-парламентариев и количеством женщин в составе кабинета министров. Так, в Скандинавских странах женщины занимают 33–42% мест в парламенте [6, с. 34]. Вслед за ними идут Нидерланды, Германия и Австрия. В трех странах – Греции, Франции и Британии – женщины-парламентарии составляют менее 10%. Ирландия лишь ненамного опережает эти три страны, имея 14% женщин в парламенте и более 20% – в правительстве. Большинство исследований, посвященных положению женщин в парламенте, показывает, что в странах, имеющих пропорциональную систему политического представительства (особенно по партийным спискам), избирается больше женщин-парламентариев, чем в странах с мажоритарной системой. Многомандатные избирательные округа, где может быть избрано более одного кандидата, способствуют успеху женщин на выборах в отличие от одномандатных, где избирается только один кандидат. Две из трех европейских стран с наименьшим числом женщин-парламентариев – Франция и Великобритания – имеют именно одномандатную избирательную систему. Вместе с тем проведение выборов по партийным спискам само по себе не гарантирует женщинам победы, поскольку их кандидатуры могут находиться в самом конце списка, играя чисто «декоративную» роль.

Представленность женщин в верхней и нижней палатах парламентов стран – членов Европейского союза составляет соответственно 18 и 10% [5, с. 56]. Интересно отметить, что в Европейском парламенте женщин значительно больше, чем в национальных парламентах. В девяти из пятнадцати государств Европейского союза женщины составляют треть от числа депутатов, избранных в Европейский парламент. В одиннадцати странах в состав Европарламента было избрано более 25% женщин [11, с. 70]. Эта разница в числе женщин-парламентариев особенно заметна в таких странах, как Греция, Франция и Великобритания, поскольку представительство женщин в составе национальных делегаций Европарламента вдвое больше, чем в национальных парламентах этих стран. Более широкое использование системы пропорционального представительства при выборах в Европарламент является одной из важных причин избрания женщин в состав его депутатов (по сравнению с национальными парламентами). Примечательно, что в отличие от Британии Франция при выборах в Европарламент использует систему пропорционального представительства.

В большинстве европейских стран доля женщин в составе региональных парламентов и местных советов варьирует от 10 до 25% [2, с. 56].

Предположение, что женщинам проще победить на выборах в местный совет, чем в парламент (поскольку на местном уровне используются менее жесткие избирательные критерии, а сами эти должности не требуют полной занятости и их легче совместить с воспитанием детей), представляется верным для

таких стран, как Бельгия и Франция. В других странах – членах ЕС отмечается большее число женщин на высших политических позициях. Это, вероятно, объясняется тем, что здесь используется более централизованный процесс отбора кандидатов, позволяющий применять политику позитивных действий.

Женщины скандинавских стран придавали большое значение расширению своего влияния в муниципальных советах, потому что именно там конкретно решаются многие проблемы, затрагивающие их повседневную жизнь. Кроме того, женское участие на муниципальном уровне всегда было более низким, чем на парламентском.

В Финляндии в 1972 г. женщины составляли 15% членов муниципальных советов, тогда как их доля в парламенте превысила 21% [3, с. 204]. Активное участие в кампании за увеличение женского муниципального представительства в этой стране принял Совет по вопросам равенства (СВР). С конца 1970-х – начала 1980-х гг. по его инициативе начали создаваться муниципальные комитеты по вопросам равенства.

Во время муниципальных выборов 1984 г. СВР провел разъяснительную кампанию среди избирателей, обращая внимание на отрицательные последствия отсутствия женщин в местном управлении и доказывая, что его эффективность возрастет, если доля женщин среди муниципальных советников будет соответствовать гендерному составу населения округов. Подготовленный по заказу Совета плакат «Прочитай это перед тем, как будешь голосовать» распространялся по библиотекам, женским и детским консультациям, муниципальным офисам. Лозунг «Женщина! Голосуй за женщину!» встречал все большее понимание среди женской части электората. В результате муниципальных выборов 1984 г. доля женщин среди советников выросла до 25%. В 1988 г. она достигла 27%, в 1992 г. – 30% [3, с. 210].

На муниципальные выборы 1996 г. СВР обратился к политическим партиям с призывом использовать принцип гендерного паритета при выдвижении кандидатур. Он также требовал равномерного распределения финансовой поддержки среди кандидатов обоего пола. Эти выборы характерны тем, что женщины, составляющие 52% жителей Финляндии, голосовали более активно, чем мужчины. В результате доля женщин в муниципальных советах достигла 31,4%. Особенно значительным был рост представительства женщин в городских муниципалитетах. Аналогично в Норвегии во второй половине 1980-х гг. 9 крупнейших муниципалитетов страны, включая ее столицу Осло, имели от 40 до 50% женщин [10, с. 156].

Значительные расхождения в политическом представительстве женщин в разных странах объясняются тем, что в одних странах политика позитивных действий используется правительствами или политическими партиями, в то время как в других она не имеет места. Все страны, где уровень представительства женщин в законодательных органах высок, в той или иной форме проводят политику позитивных действий. Так обстоит дело, в частности, в сканди-

навских странах, где политические партии и правительства направляют свои действия на вовлечение женщин в политику. В 1980-е гг. большинство партий этих стран ввело квоты для женщин, а шведское и датское правительства провозгласили основным принципом своей политики равенство между женщинами и мужчинами. В 1992 г. правительство Нидерландов приняло решение о введении дополнительных мер, направленных на расширение участия женщин в политической и общественной жизни, что явилось важным шагом в развитии «дружественной женщинам политики» (women-friendly initiatives). В программе политических действий, представленной правительством парламенту, было предложено к рассмотрению девятнадцать специальных мероприятий. В этом же политическом направлении выдержан и закон, принятый в 1994 г. в Бельгии, согласно которому были введены законодательные процедуры, способствующие включению женщин в избирательные списки. В соответствии с этим законом доля кандидатов одного пола в составе партийных списков не должна превышать двух третей [7, с. 105].

Положительный эффект политики позитивных действий можно продемонстрировать на примере Италии, где в 1993–1995 гг. произошло увеличение доли женщин в составе депутатов местных советов.

Сравнительный анализ, проведенный Межпарламентским союзом, свидетельствует, что при проведении выборов в законодательные органы обязательными или рекомендованными по закону гендерными квотами пользовались 22 партии, тогда как 51 партия использовала квоты в соответствии с собственными установками при проведении выборов на внутрипартийные посты [10, с. 23].

Различия в применении мер позитивной дискриминации автор объясняет тремя главными факторами: партийной идеологией, организационными структурами, конкуренцией между партиями.

Политика позитивной дискриминации чаще всего вводилась в Западной Европе в 1980–1990-е гг. социал-демократическими (в Германии – 40%), лейбористскими (в Норвегии – 40% квота, в Англии лейбористской партией используются так называемые женские короткие списки), социалистическими (во Франции – 20% квота), коммунистическими партиями и партиями зеленых [3, с. 89]. Эти механизмы используются при выдвижении кандидатов в депутаты и при назначении во внутрипартийные руководящие органы. Главная причина большей предрасположенности левых партий к проведению политики позитивной дискриминации – их эгалитарная идеология. Практически все левые партии оправдывают данный механизм в целях осуществления быстрых перемен, хотя считают данные меры чрезвычайными и временными, необходимыми для того, чтобы те меньшинства, которые на протяжении длительного времени были слабо представлены в политике, преодолели неблагоприятные обстоятельства, с которыми они сталкиваются в борьбе за выборные посты.

Партии правых и центра чаще полагаются на риторические стратегии равенства и некоторые позитивные действия. Противниками позитивной дискриминации выступает и большинство стран в Центральной и Восточной Европе.

Как утверждают некоторые ученые, принятие решений, относящихся к процессу выдвижения кандидатов, варьируется в зависимости от степени институционализации и централизации внутри политических партий. В формальных структурах процесс выдвижения кандидатур регламентирован весьма детальными, бюрократическими и стандартизированными внутренними партийными правилами. Важное значение этих правил для распределения власти внутри партии может вызвать острый конфликт вокруг предлагаемых перемен. Процедура номинации в неформальных системах относительно закрыта. При этом процедура варьируется от одного выдвижения к другому.

В централизованных системах главную роль играет партийное руководство национального уровня – исполкомы и лидеры партий и фракций. В региональных системах главная роль принадлежит партийным лидерам регионального уровня. В локализованных системах принятие решений происходит на уровне местных отделений.

Как влияет эта типология на изменение результата? Если риторическую стратегию и стратегию позитивных действий могут использовать в процессе выдвижения кандидатов партии каждого типа, то позитивная дискриминация действует более эффективно в формально-локализованных системах. Бесплезно думать об использовании позитивной дискриминации при выдвижении кандидатов в крупных партиях Соединенных Штатов или Канады. Соответственно, позитивная дискриминация в форме квот принимается серьезно в регламентированной правилами бюрократической культуре, где решения различных органов внутри организации должны быть стандартными. В Социал-демократической партии Германии решения о том, кто выдвигается, принимаются на местном уровне. Однако это происходит в рамках позитивной дискриминации, эффективно способствующей увеличению доли женщин-кандидатов и их продвижению вверх в партийных списках. В Швеции решения об использовании позитивных действий одинаково эффективны во многих партиях.

Поскольку позитивная дискриминация успешно осуществляется партиями левых и партиями зеленых, другие партии внутри политической системы могут последовать их примеру. в Швеции в конце 1960-х гг. социал-демократы были первыми, кто поддержал избрание женщин, приняв рекомендации о том, что представительство каждого пола должно быть на уровне не менее 40% [7, с. 190]. Преобладающее место социал-демократов в политической жизни заставило другие партии соревноваться с ними и даже превзойти их как защитников равенства. В результате произошла конвергенция тенденций в шведских партиях.

Правительство и исполнительная вертикаль

В качестве инструмента продвижения гендерного равенства правительства всех северных стран в 1970–1980-е гг. стали принимать национальные планы действий по обеспечению равного статуса государственных служащих. В планах обычно определяется ориентация правительства на повышение представленности женщин в государственных структурах и описывается, как продвижение гендерного равенства будет учитываться при проведении социальной политики, в области образования и культуры. Различия между планами действий зависят от того, является ли их первостепенной целью политика по подбору персонала в государственных учреждениях, как в Дании, или же содержание самой политики, как в Исландии. В планах Норвегии, Швеции и Исландии отразились соответствующие правительственные программы по гендерному равенству; они послужили почвой для новых инициатив в этой области.

Норвегия была первой из северных стран, которая включила в Закон о гендерном равенстве положение, согласно которому оба пола должны быть представлены по меньшей мере двумя членами во всех государственных советах и комитетах. В 1988 г. положение было переработано и разрешено применение радикальных квот, обеспечивающих минимальное представительство пола в 40% [5, с. 41].

В Дании Совет по обеспечению равного статуса сосредоточил внимание на гендерном дисбалансе государственных комитетов. В Законе о комитетах и Законе о советах отмечалось, что необходимо стремиться к сбалансированному гендерному составу. Однако формулировки были весьма расплывчатыми – требовалось выдвижение равного числа женщин и мужчин в качестве кандидатов в комитеты, после чего министр, отвечавший за определенный комитет, производил действительные назначения. Сама формулировка положений означала, что их применение в значительной степени зависело от отношения к гендерному равенству соответствующего министра. Некоторые министры отказывались одобрять состав комитета из-за непропорциональной представленности как мужчин, так и женщин, в то время как другие относились к гендерному дисбалансу более снисходительно. Закон встретил активное сопротивление со стороны социальных партнеров, в частности, Федерации датских профсоюзов.

В Финляндии вопросы равноправия женщин и мужчин регулируются законом 1986 г., осуществление которого в совокупности с выполнением международных обязательств в этой области отнесено к приоритетам государственной политики. В соответствии с законом должностные лица обязаны целенаправленно и планомерно способствовать развитию равноправия женщин и мужчин. Законом предусматривается, что в государственных комитетах, совещательных и других соответствующих органах, а также в местных органах власти (за исключением выборов) должны быть представлены как женщины, так и мужчины – каждая из этих категорий не менее 40% [10, с. 73].

Основным практическим инструментом государственного регулирования в указанной области является утвержденная в 1989 г. и постоянно обновляющаяся правительственная программа развития равноправия. Министерства и другие государственные учреждения имеют аналогичные программы, являющиеся составными частями правительственной. О ходе выполнения этих программ представляются ежегодные отчеты. Вследствие целенаправленной политики в последние годы роль женщин в общественно-политической жизни Финляндии неуклонно возрастает. В правительстве 6 министерских портфелей из 18 имеют женщины, занимая такие ключевые посты, как министр иностранных дел, обороны, транспорта. В целом среди госслужащих доля женщин на ноябрь 2000 г. составляла 41% [2, с. 85]. В руководящих советах, в государственных учреждениях и на предприятиях, контрольные пакеты акций которых принадлежат государству, в настоящее время по закону требуется равное представительство мужчин и женщин.

В исландском законе (1985 г.) появилась поправка о необходимости сбалансированного гендерного состава, а в плане правительственных действий по гендерному равенству была поставлена задача на период 1993–1997 гг. обеспечить 30% представительство женщин.

В Швеции с начала 1980-х гг. вопросы равноправия составляют один из важнейших компонентов государственной политики. Правовой основой для ее проведения служит Закон о равноправии 1991 г. (с поправками от 1998 г.), нацеленный на занятость, условия труда и возможности служебного роста. Закон состоит из двух основных частей: положений, требующих от работодателя, в том числе государства, активных действий по обеспечению равенства на рабочем месте, и норм, запрещающих дискриминацию служащих по признаку пола. В практическом плане Закон предусматривает разработку работодателями ежегодных планов мероприятий по обеспечению максимально сбалансированного представительства между полами. В административном отношении контроль за соблюдением законодательства возложен на министра по вопросам равноправия и государственную комиссию по равноправию. Важную роль в защите прав женщин играет омбудсмен по вопросам равноправия на рынке труда.

Очередным и более сложным этапом в повышении роли женщин в управлении обществом шведы считают достижение равного представительства полов на руководящем уровне в исполнительной власти. В Швеции низкий уровень представленности женщин в структурах государственной власти вызвал обеспокоенность. Для улучшения ситуации был составлен план последовательных действий [3, с. 49]:

- 1) регулярная статистическая отчетность перед парламентом о положении женщин в государственных органах управления;
- 2) этапные ориентиры в повышении пропорционального представительства женщин (достижение 30% представительства женщин в 1992 г., 40% – к 1995 г.

и равенства – в 1998 г.; если бы не удалось обеспечить равное представительство, планом предусматривалась система квот);

3) специальные мероприятия по достижению этих целей: контроль за правительственными назначениями со стороны министра по равноправию, государственная финансовая поддержка целевых программ неправительственных организаций по стимулированию женского представительства в структурах исполнительной власти и др.

Со времени принятия правительственной программы число женщин в «высших» эшелонах власти заметно возросло и в 2000 г. составило: в правительстве – 50% (11 из 22 членов нынешнего кабинета министров – женщины на уровне заместителей министров). В целом в 2001 г. женщины составляли половину общего числа занятых в госслужбе, занимая при этом около 25 % руководящих и старших должностных постов [7, с. 114].

В Австрии участие женщин в управлении делами государства рассматривается как важная составная часть демократической модели государственного устройства. За период с 1985 по 1995 г. были приняты такие нормативные акты в области равноправия, как программа содействия женщинам, находящимся на госслужбе, закон о равном отношении к мужчинам и женщинам на госслужбе, закон о создании бюро уполномоченных по делам женщин в федеральных землях и крупных городах. Законодательство подчеркивает необходимость учитывать количественное соотношение между служащими женского и мужского пола при формировании комиссий, принимающих кадровые решения в отношении госслужащих. В 1998 г. 30% членов федерального правительства Австрии составляли женщины (женщины занимают 3 из 13 министерских постов и 1 из 2 должностей статс-секретарей). Женщины возглавляют министерства образования и культуры, здравоохранения и защиты прав потребителей, министерство по делам женщин, а также статс-секретариат в австрийских МИД. Доля женщин среди австрийских госслужащих в целом составляет 25–30% [7, с. 96].

В Ирландии в 1986 г. правительство подготовило документ «Политика равных возможностей и указания для госслужбы» в дополнение к «Белой книге по госслужбе». Этот документ в настоящее время является обязательным для ознакомления всех лиц, поступающих на госслужбу. В нем содержатся рекомендации для кадровых служб органов государственной власти и комиссий по отбору старших и высших должностных лиц, в которых подчеркивается необходимость обеспечения равных прав мужчин и женщин не только при приеме на работу в госаппарат, но и при решении вопросов продвижения по службе.

Контроль за соблюдением положений упомянутого документа осуществляет совместный комитет, состоящий из представителей специального отдела министерства финансов и профсоюзных организаций госслужащих. Комитет готовит ежегодные доклады о своей деятельности.

Таким образом, инструменты выравнивания гендерного состава государственных структур значительно различаются в северных странах. В Норвегии, Финляндии и Швеции предполагается использование квот при формировании состава соответствующих органов, а в Дании и Исландии имеются только рекомендации по выдвижению номинантов обоих полов. Эти два инструмента можно было бы охарактеризовать как равенство результатов и равенство возможностей.

Благодаря предпринимаемым усилиям представительство женщин в структурах государственной власти выросло во всех странах, хотя и в разных масштабах [6, с. 45]. Наивысший процент участия характерен для Швеции и Норвегии, а наименьший – для Исландии. В 1995 г. женщины в Норвегии составляли 39%

Типология современных государств по степени реализации в них принципа равенства

Показатель степени развитости политики равенства полов	Страна	Религия	Тип семьи в некоторых странах	Характеристики
Высший	Швеция, Финляндия	Лютеранство	«Слабая» модель семьи с мужчиной-кормильцем	1. Число женщин-парламентариев выше «критической массы», необходимой для оказания активного воздействия на гос. политику и соц. технологии 2. Активное государственное вмешательство в борьбу за гендерное равенство 3. Государственный сектор предоставляет услуги по уходу за детьми, обеспечивает доступность образования, мед. помощи и соц. обеспечения
Средний	Нидерланды (наряду с Австрией, Германией, Люксембургом)	Смешанная (католицизм/протестантизм)	«Переходная» модель семьи с мужчиной-кормильцем	1. Хорошо развитая система соц. обеспечения и относительно низкий уровень участия женщин в общественной жизни 2. Стимулирование занятий женщинами оплачиваемыми видами деятельности 3. «Теперь мы все уже равны, больше не требуется серьезных усилий», «хорошая семейная политика означает хорошую политику равенства»

Показатель степени развитости политики равенства полов	Страна	Религия	Тип семьи в некоторых странах	Характеристики
Ниже среднего	Франция, Бельгия	Католицизм	Выраженная роль «мужчины-кормильца»	<ol style="list-style-type: none"> 1. По уровню развития соц. страхования, обширным программам помощи семье и детям приближаются к лидерам, но значительно уступают им по степени политического представительства женщин 2. Рудиментарное государство всеобщего благосостояния
	Британия	Протестантизм		<ol style="list-style-type: none"> 1. Очень незначительное число женщин-парламентариев 2. Значительная доля женщин в составе рабочей силы 3. Незрелая гос. система по уходу за детьми. Принцип «самопомощи» и сокращение до минимума расходов на социальную сферу 4. Развитая система поддержки позитивных действий 5. Изменчивая позиция лейбористской партии в отношении резервирования для женщин мест в парламенте 6. Наибольшие гендерные различия в оплате труда
	Ирландия	Католицизм		<ol style="list-style-type: none"> 1. Пассивная роль государства в деле обеспечения равенства, незначительное участие женщин в политической жизни 2. Небольшой удельный вес женщин в составе рабочей силы 3. Судебные органы наделены специальными полномочиями по устранению проявлений дискриминации 4. Мощная система по стимулированию работодателей, стремящихся реализовать принцип равенства 5. Активная деятельность профсоюзов по совершенствованию законодательства о равенстве

Показатель степени развитости политики равенства полов	Страна	Религия	Тип семьи в некоторых странах	Характеристики
Низкий	Испания, Италия	Католицизм		<ol style="list-style-type: none"> 1. Политика равенства не входит в число приоритетов 2. Представительство женщин в парламенте сильно ограничено 3. Низкий удельный вес женщин в составе рабочей силы 4. Сопrotивление действиям в защиту принципа равенства, так как действия социал-демократических правительств и католические воззрения по вопросу о представительстве женщин на рынке рабочей силы являются противоположными
	Греция, Португалия	Православие, католицизм		<ol style="list-style-type: none"> 1. Политика равенства находится в зачаточном состоянии 2. Возложение ответственности за обеспечение благосостояния на институт семьи 3. Низкий уровень ВНП не позволяет оказывать широкомасштабную соц. поддержку

в правительственной администрации; в Швеции – 42% в правительственной администрации и 38% в региональном правительстве. В Финляндии и Дании на долю женщин в государственных комитетах приходилось 28%. В 1996 г. в Исландии эта цифра достигала 23%.

Женское движение, политические партии и правительство страны – вот три главные силы, которые формируют установку на отбор и назначение женщин на высокие государственные посты.

В начале 1990-х гг. подходы к типологизации государств всеобщего благосостояния получили новое направление* – одним из основных критериев классификации становится степень реализации гендерного равенства. Автор объединяет некоторые моменты предложенных ранее классификаций, но основным выделяет показатель степени развитости политики равенства полов, рассчитывающийся по рейтинговой системе, которая учитывает такие моменты, как:

* Были предложены классификации по целому ряду оснований: идеологические установки (Эспинг-Андерсен), географическое положение, язык, религия (Кастельс), статус кормильцев (Льюис). При этом полученные классификации частично пересекаются.

- число женщин в парламенте и правительстве (критической массой считается доля женщин выше 30%);
- государственное вмешательство в область гендерного равенства и проводимая политика в данном направлении;
- наличие государственных институтов в области политики равенства;
- развитость социальных институтов и системы социального обеспечения, предоставляющих женщинам возможность наравне с мужчинами заниматься политической и управленческой деятельностью;
- доля женщин в составе рабочей силы, равенство в оплате труда;
- отношение общества к вопросам равенства.

Реализация принципа равенства стала неотъемлемым атрибутом государственной политики европейских стран. Тем не менее отношение к данной проблематике со стороны правительств постоянно менялось, о чем свидетельствует практика создания/упразднения министерств и ведомств, ответственных за проведение политики равенства [2; 10] и «скачущие результаты» женского представительства в органах власти и управления.

Библиографический список

1. *Брайсон В.* Политическая теория феминизма / Пер с англ. О.Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001.
2. *Воронина О.А.* Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.
3. Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004.
4. Гендерные истории Восточной Европы: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Гаповой. Минск: ЕГУ, 2002.
5. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы. Исследование Всемирного банка / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2001. 408 с.
6. Женщины в социально-политической жизни мира // Вопросы статистики. 2000. № 3.
7. *Канапьянова Р.М.* Философия гендерного соотношения в структуре административно-управленческой элиты. Алматы: Жибек Жолы, 1998. 189 с.
8. *Константинова В.* Пути обеспечения равных возможностей политического участия мужчин и женщин: Научный отчет ЦГИ ИСЭПН РАН. М.: МЦГИ, 1999.
9. *Мальшева М.М.* Современный патриархат. М.: Academia, 2001. 352 с.
10. Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / Под ред. Ф. Гардинер. М.: Идея-Пресс, 2000. 312 с.
11. *Степанова Н.* Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы // Общественные науки и современность. 1999. № 4.

СИНДРОМ «ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ» У СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ

.....

М.И. Санькова*

Труд подразделяется на труд в обычных бытовых условиях, труд в тяжелых и необычных условиях, труд в условиях повышенного риска. По определению С.И. Ожегова, риск – это возможная опасность; рисковать – значит подвергаться риску, ставить себя перед возможной неприятностью; рискованный – содержащий в себе риск, опасный [4]. Процесс трудовой деятельности в ситуациях особого риска может приводить к снижению как трудоспособности человека, так и эффективности труда, а также к негативным изменениям психики и утрате ценностных ориентаций в труде. Нарушения могут затрагивать разные грани трудового процесса – профессиональную деятельность, личность профессионала, профессиональное общение [10]. Эти нарушения обычно заключаются в том, что человек не может использовать имеющиеся у него личностные возможности и средства в связи с состоянием психической усталости или утрачивает свои трудовые умения и навыки, в результате чего происходят нарушения и деформации профессиональной деятельности, снижается результативность труда в целом [9]. Профессия «социальный работник» тоже сопряжена со специфическим риском, так как в своей деятельности он имеет дело с неблагополучными, переживающими стресс, страдающими людьми, за здоровье и жизнь которых он берет на себя моральную ответственность [8; 10]. Социальный работник, помимо профессиональных знаний, умений и навыков, в значительной мере использует свою личность, являясь своего рода «эмоциональным донором», что тоже относится к факторам профессионального риска.

Неблагоприятные условия труда, а также несоблюдение требований, предъявляемых к профессиональным и личным качествам, необходимым для эф-

* Санькова Мария Игоревна, магистрант факультета социальной работы Московской высшей школы социально-экономических наук.

Данная работа представляет собой краткое изложение результатов дипломной работы, выполненной под руководством кандидата психологических наук, доцента Е.В. Улько на кафедре социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета по специальности «Социальная работа».

фективного осуществления профессиональной деятельности, влекут за собой различные нарушения, деформации и профессиональные болезни. Так, социальным работникам, по роду своей деятельности вовлеченным в длительное напряженное общение с другими людьми, свойственно, как и другим специалистам системы «человек – человек», профессиональное состояние, называемое синдромом «эмоционального выгорания» [10].

Цель работы – рассмотреть влияние специфики трудового процесса на некоторые аспекты личности и профессиональные качества социальных работников.

Понятие синдрома «эмоционального выгорания»

Термин «эмоциональное выгорание» (от английского burnout*) был введен американским психиатром Г. Дж. Фрейденбергером в 1974 г. для характеристики «психического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном общении с клиентами, в эмоционально нагруженной атмосфере при оказании профессиональной помощи», или «истощения энергии у профессионалов в сфере социальной помощи, чувствующих себя перегруженными проблемами других людей» [2; 7; 10; 11].

Первоначальные исследования этого явления носили в основном описательный и эпизодический характер. В 1981 г. Кристина Маслач, одна из ведущих специалистов по изучению «эмоционального выгорания», отходит от абстрактного понятия «энергия», используемого Фрейденбергером для раскрытия сущности данного явления, и определяет «эмоциональное выгорание» как «синдром физического и эмоционального истощения, включая развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе и утрату понимания и сочувствия по отношению к клиентам». То есть вместо понятия «энергия» К. Маслач вводит более конкретное и расширенное понятие «синдром», под которым понимается сочетание признаков (симптомов), имеющих общий механизм возникновения и характеризующих определенное болезненное состояние (и не только психологическое) организма. К. Маслач подчеркивает, что выгорание – это «не потеря творческого потенциала, не реакция на скуку, а скорее, эмоциональное истощение, возникающее на фоне стресса, вызванного межличностным общением». Это состояние наблюдается у многих профессионалов, работающих в сфере оказания помощи [3; 6; 7; 10; 22].

К. Кондо определяет синдром «эмоционального выгорания» как дезадаптированность к рабочему месту из-за чрезмерной рабочей нагрузки и неадекватных межличностных отношений. Этому определению соответствует и данное им толкование понятия «выгорание», которому подвержены прежде всего те, кто «альтруистически и интенсивно работает с людьми» [10].

* В психологической литературе встречается и другой перевод – «психологическое старение».

Таким образом, если сравнить определения термина «эмоциональное выгорание», то можно сделать вывод о том, что и Г. Дж. Фрейденбергер, и К. Кондо не дают полного раскрытия сути данного явления в своих определениях, затрагивая лишь одну из сторон его проявления, в отличие от Маслач, определение которой наиболее полно раскрывает сущность данного явления. Таким образом, под «эмоциональным выгоранием» понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся у специалистов социальной сферы.

Сущности данного профессионального состояния были посвящены исследования многих зарубежных ученых, таких, как Е. Махер, П. Торнтон, А. Пайпс и др. [10].

Синдром «выгорания» широко известен и исследуется в зарубежной психологии, что же касается отечественной науки, данный феномен как самостоятельный рассматривался довольно редко [6; 7].

Обобщая описания данного синдрома, зарубежные авторы К. Маслач, П. Торнтон, А. Пайпс [10; 18; 21], выделяют основные его составляющие [7].

1. Эмоциональное истощение — чувство эмоциональной истощенности и усталости, вызванное собственной работой.

2. Деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. В частности, в социальной сфере деперсонализация проявляется в бесчувственном, негуманном отношении к клиентам, приходящим для лечения, консультации, получения образования и других социальных услуг. «Клиенты воспринимаются не как живые люди, а все их проблемы и беды, с которыми они приходят к профессионалу, с его точки зрения, есть благо для них» [22].

3. Редукция профессиональных достижений – возникновение у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней.

Предложенные три компонента «выгорания» в какой-то степени отражают специфику той профессиональной деятельности, в которой впервые был обнаружен этот феномен. Особенно это касается второго компонента выгорания, а именно деперсонализации, отражающей нередко состояние сферы социального обслуживания людей и оказания им помощи.

Симптомы «эмоционального выгорания»

Выявление синдрома «выгорания» требует прежде всего рассмотрения показателей, или симптомов данного явления. К. Кондо отмечает, что эмоционально напряженная работа сопровождается чрезмерной тратой психической энергии, приводит к психосоматической усталости (изнурению) и эмоциональному истощению (исчерпыванию). В результате появляются беспокойство (тревога), раздражение, гнев, пониженная самооценка на фоне учащенного сердцебиения, одышка, желудочно-кишечные расстройства, головные боли,

пониженное давление, нарушение сна; как правило, возникают и семейные проблемы. К. Маслач в качестве симптомов данного синдрома выделяет чувство эмоционального истощения, изнеможения; симптомы дегуманизации, деперсонализации; негативное самовосприятие, а в профессиональном плане — утрату профессионального мастерства. В 1983 г. Е. Махер в обзоре обобщает перечень симптомов «эмоционального сгорания»: усталость, утомление, истощение; психосоматические недомогания, бессонница, негативное отношение к клиентам; негативное отношение к самой работе; скудность репертуара рабочих действий; злоупотребления химическими агентами: табаком, кофе, алкоголем, наркотиками; отсутствие аппетита или, наоборот, переедания; негативная Я-концепция; агрессивные чувства (раздражительность, напряженность, тревожность, беспокойство, взволнованность до перевозбуждения, гнев); упадническое настроение и связанные с ним эмоции (цинизм, пессимизм, чувство безнадежности, апатия, депрессия, ощущение бессмысленности); переживание чувства вины.

Таким образом, симптомы «эмоционального выгорания» подразделяются на физиологические, поведенческие и психологические [11; 18; 20]. Настоящее «выгорание» включает в себя определенную степень всех этих компонентов. Некоторые из признаков и симптомов являются бессознательной попыткой получить облегчение без идентификации проблемы [18].

Физиологические симптомы подразделены на три категории [11]:

а) неопределенное чувство напряжения во всем теле: головные боли, тошнота, мышечное перенапряжение, хроническая усталость, чувство истощения, восприимчивость к изменениям показателей внешней среды, астенизация, низкий жизненный тонус, упадок сил, постоянное утомление и слабость;

б) психосоматические расстройства: язвы, расстройства желудочно-кишечного тракта, проблемы с сердцем, бессонница, избыток или недостаток веса, увеличивающаяся восприимчивость к болезням;

в) физические реакции на стресс: учащенный сердечный ритм, одышка, повышенное кровяное давление, высокий уровень холестерина и т. д. [18; 27].

Поведенческие симптомы проявляются в том, что работа для человека становится все тяжелее и тяжелее, а способность выполнять ее все меньше и меньше; работник рано приходит на работу и остается надолго или поздно приходит на работу и рано уходит; работа берется на дом [18; 27]. Кроме того, они проявляются в гиперактивности, чрезмерном курении, злоупотреблении кофеином, алкоголем и наркотическими веществами. Страдающие от «выгорания» имеют тенденцию к изоляции от рабочего окружения и стремятся быть менее вовлеченным в дела организации.

Набор *психологических симптомов* может быть подразделен на чувство депрессии, гнева и фрустрации, нарушение познавательных и двигательных функций организма, включая недостаток концентрации внимания и чувство постоянного беспокойства; чувства беспомощности, безнадежности, безыс-

ходности; плаксивости, вплоть до безудержного рева; депрессии; недостаток эмоциональной энергии, необходимой для активной ежедневной жизни; неопределенное чувство будто что-то не так, чувство скуки, сниженный уровень энтузиазма, чувства обиды, разочарования, неуверенности, чувство вины, невостремленности, раздражение; обращение внимания на несущественные детали; подозрительность; чувство всемогущества; ригидность; неспособность принять решение; дистанцирование от коллег; повышенное чувство ответственности за клиентов; негативное отношение к самому себе, работе и в жизни в целом; самокритичность [18; 27].

Стадии проявления синдрома «эмоционального выгорания»

Сила и степень синдрома «эмоционального выгорания» зависит от особенностей человека. Но несмотря на то, что выгорание – процесс сугубо индивидуальный, выделяются несколько классификаций стадий эмоционального выгорания.

По классификации Спаниоль и Капуто, построенной на внешних проявлениях «эмоционального выгорания», на первой стадии симптомы проявляются в легкой форме и выражаются в заботе о себе, например, путем расслабления или организации перерывов в работе.

На второй стадии «выгорания» симптомы проявляются регулярно и труднее поддаются коррекции. Обычные способы лечения здесь неэффективны. Человек может чувствовать себя истощенным даже после хорошего сна или выходных. Для заботы о себе ему требуются дополнительные усилия.

Признаки и симптомы третьей стадии «выгорания» являются хроническими. На данной стадии могут развиваться физические и психологические проблемы, например, язвы и депрессии; попытки заботы о себе, как правило, не приносят результата, а профессиональная помощь может не дать быстрого облегчения. Человек может подвергать сомнению ценность своей работы, профессии и жизни в целом [6; 7].

В классификации К. Маслач, построенной на внутренних психосоматических проявлениях, также выделяются три стадии [19; 22].

На первой стадии «выгорания» человек истощен эмоционально и физически, жалуется на головные боли, простуду и пр.

Для второй стадии характерны два набора симптомов: 1) развивается отрицательное, циничное, обезличенное отношение к людям, с которыми он работает (включая и персонал, и клиентов); 2) возникают негативные мысли относительно себя из-за чувств, которые профессионал испытывает к клиенту. Чтобы избежать этих негативных чувств, человек уходит в себя, выполняет только минимальное количество работы и не хочет ни с кем ссориться; могут проявляться признаки и симптомы одной или обеих групп.

Заключительная стадия, полное «выгорание», которая, согласно Маслач, обнаруживается нечасто, выливается в полное отвращение ко всему на свете.

Человек обижен на самого себя и на все человечество. Жизнь кажется ему неуправляемой, он не способен выражать свои эмоции и не может сосредоточиться [22].

Приведенные классификации сходны по общей идее.

Факторы, влияющие на процесс выгорания

Зарубежными авторами [2; 6; 7; 10; 11; 17; 18; 20] предлагается следующая схема факторов синдрома «эмоционального выгорания»:

- социально-демографические (возраст, пол, уровень образования, семейное положение, стаж работы);
- индивидуальные (личностные особенности, выносливость, локус контроля, стиль сопротивления стрессу, самооценка, нейротизм (тревожность), глубина контакта с клиентом, участие в принятии решений; обратная связь, экстраверсия);
- организационные (условия работы, рабочие перегрузки, дефицит времени, продолжительность рабочего дня, содержание труда, число клиентов, взаимоотношения в коллективе и ролевая двойственность).

По результатам зарубежных исследований особо чувствительны к «выгоранию» молодые люди (19–25 лет) и люди старшего возраста (40–50 лет) [6]. Склонность к «выгоранию» молодых объясняется эмоциональным шоком, который они испытывают при столкновении с реальной действительностью, часто несоответствующей их ожиданиям, а уязвимость старших объясняется их возрастными физическими и психологическими особенностями [10].

Менее заметно влияние пола. Ряд исследователей считает, что мужчины в большей степени подвержены процессу выгорания, чем женщины [24], в то же время другие исследователи приходят к совершенно противоположным заключениям [14; 16]. Однако установлено, что у мужчин более высокие показатели по деперсонализации, а женщины в большей степени подвержены эмоциональному истощению [14; 16; 24]; ученые связывают эту разницу, с одной стороны, с преобладанием у мужчин инструментальных ценностей, а с другой – с большей эмоциональной отзывчивостью и менее выраженным отчуждением по отношению к своим клиентам у женщин [24]. Кроме того, считается, что женщины испытывают более высокие нагрузки еще из-за того, что выполняют домашние обязанности [6]. Имеются исследования, свидетельствующие о наличии связи между семейным положением и «выгоранием»: более предрасположены к «выгоранию» не состоящие в браке, особенно мужчины, причем холостяки сильнее предрасположены к «выгоранию», чем разведенные мужчины [19].

Есть некоторые данные о положительной связи между уровнем образования и степенью «эмоционального выгорания». Причиной этого могут служить завышенные притязания у людей с более высоким уровнем образования; однако эта связь наблюдается только в отношении деперсонализации, а эмоциональное истощение не зависит от данного фактора [19]. Редукция же

профессиональных достижений дает совершенно обратную картину, имея наибольшие значения у испытуемых со средним, нежели высшим образованием. Исследователи интерпретируют эти корреляции сложностью взаимоотношений между уровнем образования и содержанием выполняемого труда.

К индивидуальным особенностям относят выносливость, индивидуальные стратегии сопротивления «выгоранию», локус контроля, самооценку, активный и пассивный образ жизни, а также мотивы выбора профессиональной деятельности.

Оказывается, «выгоранию» сильнее всего подвержены динамичные, талантливые, харизматичные, целеустремленные мужчины и женщины, т. е. те, кто выкладывается на все 100 %, за какое бы дело они ни взялись [18].

Г. Дж. Фрейденбергер называет склонными к «выгоранию» людей, которые перегружены ответственностью и повседневными обязанностями: это те, кто работает слишком много в течение продолжительного времени с очень большой интенсивностью. Способствуют «выгоранию» и стремление к непрерывному успеху, или гиперответственность; наличие небольшого количества интересов помимо работы или их отсутствие; уверенность человека в том, что он является единственным, кто способен сделать эту работу [7; 10].

К. Маслач пишет о том, что данное явление присуще ряду профессионалов, деятельность которых весьма различна, но всех их объединяет близкий контакт с людьми, который с эмоциональной точки зрения часто очень трудно поддерживать продолжительное время. Так как клиенты обращаются к социальному работнику за помощью, за лечением или поддержкой, они говорят о себе то, что не является предметом их счастья или гордости, то, что они предпочли бы держать в секрете, то, что их смущает и о чем трудно рассказать кому-либо еще [18; 22].

Ряд ученых считает, что личностные особенности гораздо сильнее влияют на развитие «выгорания» не только по сравнению с демографическими характеристиками, но и факторами рабочей среды. Остановимся на более важной из них – личностной выносливости. Данная характеристика в зарубежной психологии определяется как способность личности быть высокоактивной каждый день, осуществлять контроль за жизненными ситуациями и гибко реагировать на разного рода изменения. Практически все авторы отмечают, что выносливость связана со всеми тремя компонентами «выгорания»: эмоциональным истощением, деперсонализацией, редукцией профессиональных достижений [1].

Другое популярное направление исследований за рубежом – выявление связи между «выгоранием» и индивидуальными стратегиями сопротивления выгоранию. Обзор работ, посвященных данной теме, показывает, что высокий уровень «выгорания» тесно связан с пассивными тактиками сопротивления стрессу и, наоборот, люди, активно противодействующие стрессу, имеют низкий уровень «выгорания» [6; 7]. Обнаружены и некоторые половые различия в использовании стратегий сопротивления «выгоранию». Так, Грингласс отмеча-

ет, что женщины продуктивнее, чем мужчины, используют стратегии избегания стрессовых ситуаций [6].

Самооценка, хотя и предрасполагает к «выгоранию», но сама может быть отражением факторов окружающей среды или даже отражением воздействия «выгорания». Установлено, что люди, ведущие бурную жизнь, постоянно преодолевающие трудности, испытывающие потребность держать все под своим контролем, более подвержены влиянию стрессовых факторов; при этом женщины данного типа «выгорают» сильнее, чем мужчины [16].

Наличие положительной связи между эмоциональной сензитивностью и «выгоранием» подтверждено рядом исследований. Так, люди, способные эмоционально воздействовать на других, «заражая» их своей энергией, но не чувствительные к эмоциям других, имеют большой риск получить «выгорание», что в конечном счете отрицательно отражается на продуктивности их работы [7].

Также выделяют связь мотивации с «выгоранием»: человек, не заинтересованный в выполнении своей работы, «выгорает» намного быстрее, чем тот, у кого высокая мотивация к данному труду.

К организационным факторам относят условия и содержание труда, степень самостоятельности, глубину контакта с клиентами, взаимоотношения в коллективе и ролевую амбивалентность.

Основной упор в изучении влияния условий труда на «выгорание» был сделан на временные параметры деятельности и объемы выполняемой работы. Практически все исследования дают сходную картину, свидетельствующую о том, что повышенные нагрузки в деятельности, сверхурочная работа стимулируют «выгорание» [12]. Макгрес и Рид обнаружили зависимость между продолжительностью рабочего дня и «выгоранием» [23]. Перерывы в работе оказывают положительный эффект и снижают риск «выгорания», но этот эффект носит временный характер: уровень «выгорания» частично повышается через три дня после возвращения к работе и полностью восстанавливается через три недели [28].

Под содержанием труда исследователи «эмоционального выгорания» понимают количественные и качественные аспекты работы с клиентами: количество клиентов, частоту их обслуживания, степень глубины контакта с ними. Данные относительно взаимодействия между «выгоранием» и количеством клиентов, обслуживаемых за определенный период, не однозначны; наличие положительной связи между этими переменными подтверждается не во всех исследованиях [15; 23].

Более определенную тенденцию обнаруживает сопоставление глубины контакта с клиентами и острота их проблем, которые обычно способствуют возникновению «выгорания». Наиболее ярко показано влияние этих факторов в профессиональных видах деятельности, где острота проблем клиентов сочетается с минимизацией успеха в эффективности их решения. Это работа с хроническими больными или людьми, страдающими неизлечимыми заболеваниями

(СПИД, рак и пр.). При этом отмечается, что любая критическая ситуация с клиентом, независимо от ее специфики, является тяжким бременем для работника, отрицательно воздействуя на него и приводя в конечном итоге к «выгоранию» [6].

С «выгоранием» тесно связаны степень самостоятельности и независимости сотрудника в работе и возможность принимать важные решения. Практически все исследования подтверждают отрицательную корреляционную зависимость между указанными переменными и «выгоранием».

Проведенные исследования обнаруживают также важность обратной связи, отсутствие которой соотносится со всеми тремя компонентами «выгорания», приводя к повышению уровня эмоционального истощения и деперсонализации, снижая профессиональную эффективность [25].

Принципиальное значение имеет стимулирование работников; эта проблема рассматривалась в русле категории вознаграждения работников за их труд – материального и морального, в виде одобрения со стороны руководства и благодарности клиентов. Практически все исследователи отмечают, что недостаточное вознаграждение (денежное и моральное) или его отсутствие способствуют возникновению «выгорания» [13; 26]. При этом некоторые исследователи считают, что для работников в предотвращении выгорания важно не абсолютное количество вознаграждения, а его соотношение с собственным затраченным трудом и трудом своих коллег, что в данном контексте обозначается как справедливость [21].

Что же касается взаимоотношений в коллективе, то социальные работники, получающие социальную поддержку со стороны руководства и коллег, могут лучше сопротивляться стрессовым воздействиям и тем самым быть менее подверженными «выгоранию».

Наконец, последние из организационных факторов, имеющие тесные взаимоотношения с «выгоранием» – ролевой конфликт и ролевая амбивалентность. Под ролевым конфликтом понимается противоречие между функциями работника, которые он выполняет. Ролевая амбивалентность предполагает отсутствие значимой информации для эффективного выполнения деятельности, т. е., чем сильнее противоречие между функциями работника и чем меньше информации он получает, тем быстрее человек «выгорает».

Таким образом, исследователи более или менее согласованно выделяют три группы факторов «эмоционального выгорания» и обнаруживают неоднозначные их влияния на человека; устойчивость и подверженность выгоранию во многом зависит от личностных качеств человека, его положительных либо отрицательных установок на свою жизнь и работу в целом.

«Эмоциональное выгорание» в процессе трудовой деятельности

Рассмотрим проявление «выгорания» с точки зрения функционирования организации. «Выгорание» как эмоциональное состояние может быстро рас-

пространяться среди сотрудников через психологический механизм заражения. Как и у человека, у организаций проявляются различные симптомы этого явления. В. Е. Орел выделяет следующие [7]:

- высокая текучесть кадров;
- снижение вовлеченности сотрудников в работу;
- поиск «козла отпущения»;
- антагонистический групповой процесс и наличие парных группировок;
- режим зависимости, проявляющийся в виде гнева на руководство, беспомощности и безнадёжности;
- развитие критического отношения к сотрудникам;
- недостаток сотрудничества среди персонала;
- прогрессирующее падение инициативы;
- рост чувства неудовлетворенности от работы.

«Выгорание» в организации повышается, если на работника возлагается ответственность за принятие решения при отсутствии соответствующих полномочий, если имеет место неадекватная обратная связь о выполненной работе, чересчур жесткая конкуренция, а также периоды, когда организация находится в процессе реорганизации [18].

По мнению К. Маслач и М. Лейтер, особенность подхода которых заключается в сосредоточении на взаимодействии личностных и ситуационных факторов, «эмоциональное выгорание» является следствием несоответствия между личностью и работой. Увеличение этого несоответствия повышает вероятность возникновения «выгорания». Авторы рассматривают «выгорание» как проявление эрозии человеческой души в целом, независимо от типа профессиональной деятельности. Они выделяют шесть сфер такого несоответствия.

1. Несовпадения между требованиями, предъявляемыми к работнику и его ресурсам. Основным является предъявление повышенных требований к личности и ее возможностям. «Выгорание» может привести к ухудшению качества работы и разрыву взаимоотношений с коллегами.

2. Несовпадение между стремлением работников иметь большую степень самостоятельности в своей работе, определять способы достижения тех результатов, за которые они несут ответственность, и жесткой и нерациональной политикой администрации в организации рабочей активности и контроля за ней. Результат этой активности — ощущение бесполезности своей работы и отсутствие ответственности за нее.

3. Несовпадение работы и личности ввиду отсутствия вознаграждения, что переживается работником как непризнание труда.

4. Несовпадение личности и работы ввиду потери чувства положительно-го взаимодействия с другими людьми в рабочей среде. Люди процветают в обществе и лучше функционируют, когда они получают одобрение, утешение, поддержку, радость, хорошее настроение от тех людей, которых они любят и

уважают. К сожалению, в некоторых видах деятельности работники изолированы друг от друга или поддерживают лишь формальные контакты. Однако наиболее деструктивным элементом в обществе являются постоянные и не решаемые конфликты между людьми. Они продуцируют постоянное чувство фрустрации и враждебности и уменьшают вероятность социальной поддержки.

5. Несоответствие между личностью и работой в результате отсутствия представления о справедливости на работе. Справедливость обеспечивает признание и закрепление самооценности работника.

6. Несоответствие между этическими принципами личности и требованиями работы.

Данный подход представляется перспективным, поскольку позволяет найти совокупное влияние различных факторов в каждом конкретном случае «выгорания», обеспечить адекватные превентивные меры и перейти от рассмотрения «выгорания» к его устранению [20].

Процесс «выгорания». Если обратить внимание на вопрос о развитии процесса выгорания, то оно коварно в самом начале. Человек, подверженный выгоранию, часто мало осознает его симптомы; коллегам, как правило, более понятно, что происходит. В этом случае необходимо позаботиться о нем. Иногда полезен разговор с уважаемым сотрудником, который поможет ему увидеть то, что происходит в последнее время. Но не всегда человек, страдающий от «выгорания», способен увидеть себя со стороны и понять, что происходит. Личность нуждается в поддержке, понимании и комфорте, а не в конфликтах [7].

Срок наступления, проявления и последствия «выгорания» зависит как от индивидуальных особенностей, так и от окружающей обстановки. В некоторых видах профессиональной деятельности стрессы неизбежны. Кроме того, люди действительно нуждаются в определенном уровне напряжения для того, чтобы делать дело и получать от него удовлетворение. Так что некоторая доля давления необходима, и поэтому стресс не является причиной «выгорания». Люди чаще всего преуспевают на стрессовой работе, требующей постоянного стремления к успеху, если они чувствуют свою значимость и поощряются за свою работу, если они уверены в том, что их работа имеет важное значение. Стресс становится вредным и ведет к «выгоранию», если он достигает исключительно высоких уровней, когда человек, находящийся под его воздействием, чувствует, что не может с ним справиться. Он «выгорает» тогда, когда работа теряет смысл и когда продолжительный стресс перевешивает вознаграждение и поддержку. Люди по-разному реагируют на стресс, но почти все они будут испытывать его в том случае, если на них оказывать сильное бесконтрольное постоянное давление без соответствующей поддержки. Кроме того, по мнению Кери Чемисс, «у людей, которые испытывают скуку или фрустрацию от работы, наблюдаются изменения в химическом составе крови, они-то больше всего предрасположены к раковым заболеваниям» [6].

Наиболее склонны к «выгоранию» молодые люди, которые недавно закончили обучение и впервые приступили к профессиональной деятельности. В течение первых шести месяцев работы многие из этих людей начинают «выгорать». Они приходят в уныние, испытывают фрустрацию, разочарование и потребность сменить работу, что характерно для «выгорания». Склонность молодых к «выгоранию» объясняется эмоциональным шоком, который они испытывают при столкновении с реальной действительностью, часто не соответствующей их ожиданиям [7]. Один из источников этих ожиданий – набор сложившихся мнений о профессионализме и работе профессионалов, которые формируются у нас под влиянием господствующей культуры. Например, мы ожидаем, что профессионал, закончив обучение и получив диплом, автоматически становится компетентными и способен справиться с любой проблемой. И, конечно, молодые профессионалы сами ожидают от себя компетентности. Они чувствуют себя неадекватными, когда сталкиваются с ситуациями, к которым не были подготовлены. Но проблема состоит не только в их собственных нереальных ожиданиях, но и в наших ожиданиях, заложенных культурой.

Также склонны к «выгоранию» профессионалы, работающие в сфере оказания помощи. Это люди, работа которых так или иначе требует вовлечения в прямой непрерывный контакт с различного рода клиентами – здоровыми людьми, пациентами, детьми, заключенными и др. Деятельность этих профессионалов по своему характеру весьма различна, но всех их объединяет близкий контакт с людьми, который с эмоциональной точки зрения часто очень трудно поддерживать продолжительное время. Трудно, потому что час за часом, день за днем, год за годом, они имеют дело с проблемами людей. Общение между профессионалом и клиентом часто эмоционально насыщено, что порождает трудности для обеих сторон.

Профессия социального работника предъявляет жесткие требования к психофизиологическим особенностям и профессиональным качествам специалиста-профессионала. Постоянные стрессовые ситуации, проникновение в суть социальных проблем клиента, личная незащищенность и другие морально-психологические, организационные и социально-демографические факторы оказывают негативное воздействие на здоровье и профессиональную деятельность социального работника, что влечет за собой различные нарушения, деформации и профессиональные болезни.

Библиографический список

1. Гришина Н.В. Помогающие отношения: Профессиональные и экзистенциальные проблемы // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 143–156.
2. Золоторева Т.Ф., Мингалева М.П. Основы психологической самопомощи социального работника. М.: МГСУ, 2001.
3. Психическая напряженность. Фрустрация: Хрестоматия / Сост. И.В. Герасимова. Владивосток: б.и., 2002.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. М: АЗЪ, 1995.
5. Орел В.Е. Исследование обвинительной установки как феномена профессиональной деформации // Психология и практика: Ежегодник. Ярославль: ЯрГУ, 1998. Т. 4. Вып. 1.
6. Орел В.Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Проблемы общей и организационной психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1999. С. 29–40.
7. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 90–101.
8. Подвойский В.П. Профессиональная деформация специалистов социальной работы // Социальная работа: теория, технология, образование. М., 1997. № 2. С. 3–9.
9. Теория и методика социальной работы: Учеб. пособие. М.: Союз, 1994. Ч. 1.
10. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2000.
11. Brunt G. Burnout // URL: <http://www.corporatetraining.co.za>.
12. Byrne B.M. Burnout: Testing for the Validity, Replication, and Invariance of Causal Structure Across Elementary, Intermediate, and Secondary Teachers // American Educational Research Journal. 1994. Vol. 31. № 3. P. 645–673.
13. Cordes S.L. Patterns of Burnout among Managers and Professionals: A Comparison of Models // Journal of Organizational Behavior. 1997. Vol. 18. № 6. P. 684–701.
14. Daniel J., Shabo I. Psychological Burnout in Professional with Permanent Communication // Studia Psychologica. 1993. Vol. 35. № 4–5. P. 412–414.
15. Gibson F., McGrath A., Reid N. Occupational Stress in Social Work // British Journal of Social Work. Vol. 19. № 1. P. 1–18.
16. Gross G.R., Larson S.J. Gender Differences in Occupational Stress among Correctional Officers // American Journal of Criminal Justice: Special Issue: Personnel Issues in Criminal Justice. 1994. Vol. 18. № 2. P. 219–234.
17. Kreisher K. Burned Out // Children`s Voice Article, 2002. July-aug. // URL: <http://www.friendsocialworker.com/socialworkburnout.htm>.
18. Luban R. What is burnout? // Palo Alto (Cal.), 1996 // URL: <http://www.friendsocialworker.com/socialworkburnout.htm>.
19. Maslach C., Leiter M.P. Maslach Burnout Inventory Manual. Palo Alto (Cal.), 1996. P. 30–45.
20. Maslach C., Leiter M.P. The Truth About Burnout. San Francisco: Jossey-Bass, 1997.
21. Maslach C. Prevention of burnout: New perspectives // Applied and Preventive Psychology. 1998. Vol. 7. № 1. P. 63–74.
22. Maslach C. The Professional Burnout // Public welfare. 1978. № 1. P. 34–57.
23. McGrath A., Reid N. Occupational Stress in Nursing // International Journal of Nursing Studies. 1989. Vol. 26. № 4. P. 343–358.
24. Ogus E.D., Grenglass E.R., Burke R.J. Gender-Role Differences, Work Stress and Depersonalization // Journal of Social Behavior and Personality. 1990. Vol. 5. № 5. P. 387–398.
25. Schaufeli W.B. The Burnout Companion for Research and Practice: A Critical Analysis of Theory, Assessment, Research and Interventions. Washington DC: Taylor and France, 1999.

26. *Siefert K.* Job Satisfaction, Burnout and Turnover in Health Care Social Workers // *Health and Social Work*. 1991. Vol. 16. № 3. P. 193–202.
27. *Togher I.* Dealing with Work Burnout // *Children`s Voice Article*, 2002. May-June. // URL: <http://www.friendsocialworker.com/socialworkburnout.htm>.
28. *Westman M., Eden D.* Effects of a Respite Form Work on Burnout: Vacation Relief and Fade-Out // *Journal of Applied Psychology*. 1997. Vol. 82. № 4. P. 516–527.

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИИ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКА (ВИНОВАТ ЛИ ПОДРОСТОК?)

.....

Т.И. Барсукова*

Подростковый возраст – самый сложный период социализации личности. Оставаясь еще, по сути, детьми, подростки младшего и старшего подросткового возраста осваивают формы поведения и общения взрослых людей, не всегда ориентируясь при этом на лучшие образцы человеческой культуры. Наше исследование позволило выявить расхождение между представлениями подростков о качествах взрослого человека и их реальным поведением при идентификации себя с этим статусом. Отвечая на открытые вопросы анкеты, большинство учащихся к признакам взрослого человека отнесло самостоятельность в решении проблем, ответственность за свои поступки, ум, умение заработать деньги, целеустремленность, умение постоять за себя; найти верное решение, а также честность, решительность, силу воли, отвагу, достоинство, гуманность, опыт, сдержанность, умение строить личную жизнь, наличие семьи, обретение профессии, умение видеть смысл своей жизни.

Таким образом, представление о взрослом человеке ассоциируется у молодых людей, давших ответ на этот вопрос, исключительно с положительными чертами. Только единицы респондентов связывают пору взросления с такими характеристиками, как наглость, разврат и другими негативными качествами личности.

Согласно данным опроса, большинство учащихся подростков отрицательно относится к девиантным поступкам своих сверстников. Отношение респондентов к девиантному поведению одноклассников приведено в таблице.

Анализ ответов респондентов на вопрос о жизненном кредо показал, что и в них преобладают позитивные смысложизненные ценности. Мы обозначили бы его как жизненное кредо позитивного содержания и целеполагания. В целом среди вариантов ответов можно выделить несколько групп:

* Барсукова Татьяна Ивановна, канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Северо-Кавказского государственного технического университета. E-mail: tatiana-barsukova@yandex.ru.

Отношение респондентов к девиантному поведению одноклассников, %

Формы девиации	Отношусь положительно	Отношусь отрицательно	Мне безразлично, это его дело
Отличается низкой успеваемостью	18,0	20,9	61,1
Нарушает общественную дисциплину	10,6	50,4	39,0
Употребляет спиртные напитки	12,7	35,5	51,9
Употребляет наркотики	2,0	79,4	18,6
Сквернословит	4,3	56,0	39,8
Бьет слабого	2,6	85,6	11,8
Курит	14,1	23,4	62,5

– ориентация на дружбу и любовь как общечеловеческие ценности, взаимопомощь, стремление помочь другим, в первую очередь слабым («Заводи друзей, общайся с ними на равных», «Помогай другим, и тебе помогут друзья, будь добрым к другим, помогай им в беде», «Выручай попавшего в беду», «Помоги слабому», «Помогай людям!», «Дружи со всеми, не обижай ни малых, ни старых», «Любить и быть любимым», «Что б не случилось, мы всегда вместе», «Один – за всех и все – за одного», «Умей постоять за себя и за другого», «Поступай по отношению к другим так, как ты бы хотел, чтобы поступали другие по отношению к тебе» и др.);

– целеустремленность, вера в собственные силы, стремление достичь всего своим трудом («Бороться и искать, найти и не сдаваться!», «Стремиться ко всему лучшему», «Нам подниматься первыми», «Вперед, сквозь бури и ненастья!», «Сквозь тернии – к звездам!», «Живи и учись», «Если ни во что не веришь, ничего не изменишь», «Воля и труд все перетрут», «Достигнуть всего я хотел бы сам», «Желание, стремление, умение», «Без труда не вынешь рыбку из пруда», «Все будет лучше, чем сейчас», «Кто ищет, тот всегда найдет!» и др.);

– девизы, отражающие ориентацию на общецивилизационные ценности («Защищать природу – это самая главная надобность человека», «Честность – основа жизни», «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет» и др.).

Изложенное позволяет заключить, что в сознании подростков наблюдается приоритет позитивно ориентированных ценностей.

Итак, перед нами подросток, осуждающий девиантное поведение своих сверстников, преимущественно связывающий понятие «взрослость» с социально одобряемыми качествами, имеющий явно выраженную нравственную составляющую своего жизненного кредо. Вывод налицо: нравственное сознание молодого человека не вызывает тревоги.

Однако научные публикации о современных молодежных девиациях в России отражают явное неблагополучие в подростковой среде. Общественное мнение также склоняется к тому, чтобы считать современных подростков «потерянным поколением». Газетные рубрики, отражающие криминальные новости, со-

общают о подростковой наркомании, алкоголизме, проституции и связанных с ними преступлениях. Возникает вопрос, почему же высокий нравственный потенциал, заложенный в нашей молодежи, не реализуется в позитивные формы поведения? Думается, что можно дать следующее объяснение. Подросток – это «двухстатусный», а в силу этого, «межстатусный» индивид: уже не ребенок, но еще и не взрослый человек. Этим определяется противоречивость его нравственных ориентаций. С одной стороны, он стремится самостоятельно принимать решения, а с другой – не имеет жизненного опыта, чтобы «отделить зерна от плевел». Преодолению этой биполярности должно способствовать воспитание как управление процессом социализации, осуществляемое социальными институтами и позитивно ориентированными структурами гражданского общества. Однако в условиях нормативно-ценностного хаоса целенаправленным формированием каких-либо качеств личности в большей мере занимаются не педагоги, а различные социальные субъекты, вплоть до деклассированных элементов. И их влияние на протекание процесса социализации подростка может быть весьма значительно.

Выбор нравственных норм и жизненных ценностей для подростка затруднен еще и тем, что его социальное пространство полиморфно. Оно состоит из двух сфер – образовательной и внеобразовательной. При этом вторая сфера социального пространства включает в себя как институализированные образования (спортивные и музыкальные школы, шахматные клубы и т.п.), так и неформальные. Последние могут играть роль референтных групп, чьи нормы и ценности имеют большую значимость для подростка, чем школа и семья. Переход из образовательного пространства в сферу стихийной социализации порождает в мировоззрении подростка ложное понимание свободы как вседозволенности. Это понимание приводит индивида к первобытному состоянию, а именно к элементарному приспособлению. Общеизвестно, что в отличие от животного, которое приспосабливается к окружающей среде, индивид присваивает окружающий мир, делает его, по выражению А. Н. Леонтьева, «своим» [3, с. 54]. Именно так трактуется термин «адаптация» применительно к человеку.

Опрос показал, что унижение слабого подростки относят к наиболее осуждаемым формам девиации. Если к употреблению сверстниками наркотиков, как следует из приведенной таблицы, отрицательно относятся 79,4% респондентов, то избиение слабого осуждают 85,6% учащихся. Еще в первобытном обществе возникли первые социально-нравственные запреты на убийство соплеменников, на оставление слабого без средств существования (еды, крова, одежды). Впоследствии они оформились в нормы религиозной и светской морали, а затем в правовые нормы. Выбрав несвободу (запреты и предписания), люди обеспечили тем самым возможность выживания и сосуществования в едином человеческом общежитии. Нарушая эти поведенческие нормы в обществе, люди разрушают его. Думается, что в свете изложенной проблемы будет нелишним анализ негативных тенденций в современном социализаци-

онном процессе, которые, несомненно, проявляют себя и в отношении подростка. Российскую общественную печать последние годы сотрясает ежедневный каскад вестей о социальных нарушениях: здесь и молодежная наркомания, и детская преступность, и подростковая проституция, и ранняя алкоголизация населения. Научные публикации наполнены результатами исследований, подтверждающих эти данные. Что же происходит в России? Почему нарастает грозящая оставить страну без будущего тенденция социального варварства, о которой говорил в своем выступлении В. И. Добренъков на II Всероссийском социологическом конгрессе [1]?

Подобные вопросы ставили перед собой социологи в разные периоды истории своих стран. Наибольшую остроту они приобретали во времена социальных перемен. Социальная нестабильность российского общества обусловлена отсутствием представлений об устойчивых основаниях нашего социального бытия у большей части российского населения, а тем более подростков. К числу таких оснований не в последнюю очередь относятся социальные нормы. Они указывают человеку, как поступить, что делать и в то же время определяют границы дозволенного. Привитие человеку уважения к социальным (нравственным и правовым) нормам, признание и соблюдение их – одно из условий социального порядка.

Процесс социализации подростков в нашей стране отражает состояние социальной дезорганизации, которая порождена многими причинами экономического, политического и духовного характера. Общественное бытие, несомненно, детерминирует общественное сознание. Но в те периоды общественной истории, которые называют переломными, будь то эпохи реформ, перестроек или революций, общественное сознание пребывает зачастую в растерянности. Дух не может так быстро осмыслить новые формы социального бытия. Множество новых социальных групп со своими потребностями и интересами порождает новые формы ментальности, которые не вписываются в прежние каноны общественного сознания. В российском общественном сознании сложилась противоречивая ситуация, или, как сказали бы синергетики, «ментальный хаос». Не только старое и новое мирозерцания россиян вступили в противоборство и борются до настоящего времени, пытаясь вытеснить друг друга. Множество форм общественного сознания соперничает, не вытесняя, но и не ассимилируя друг друга.

Все это происходит в условиях отсутствия социального идеала, что, несомненно, затрудняет формирование или выбор социальными субъектами общественных норм и ценностей. В противоречие вступают нормы социалистического общежития и рыночных отношений, ценности восточной и западной культур, социальные институты и неинституализированное социальное пространство, ценности либеральной и консервативной идеологий, правовые нормы и криминальные «понятия», традиции, обычаи и модерн, религиозное и светское сознание. Все это осложнено поликонфессиональностью и полиэтничностью российского общества.

Некоторые из новообразований в российской ментальности не только обретают характер контркультурных феноменов, но и стремятся обрести общезначимый, социально признаваемый и господствующий характер. Взять, к примеру, молодежные акции за свободу употребления «легких» наркотиков или жаргон деклассированных элементов, ставший речевой нормой для многих россиян.

Даже взрослому человеку, сделавшему свой жизненный выбор, трудно ориентироваться в столь сложном наборе альтернативных «нормативных кодексов». Что же говорить о российском подростке, который проходит социализацию в условиях нормативно-ценностной неопределенности, соответствующей поливариантному нормативно-ценностному пространству. Индивид в подростковом возрасте в очень большой степени живет на уровне мировосприятия. Другими словами, в его мировоззрении эмоционально-образная компонента преобладает над логически-рассудочной. Подросток смотрит на мир сквозь призму тех ценностей, которые предлагают ему агенты социализационного процесса. Преобладание в этом процессе факторов стихийной социализации приводит к «искривлению» социального пространства в мировосприятии подростка. У него зачастую изменяется оценка поведения окружающих, появляется неверное истолкование нормальных и ненормальных отношений.

Форма поведения подростка, как правило, не соответствует его позитивным смысло-жизненным ценностям, что приводит к различным проявлениям подросткового девиантного поведения. Мотивация его различна. Для некоторых подростков такое поведение является средством выделиться среди сверстников, стать лидером, для других – проявить себя «взрослым человеком». Именно девиантное поведение, с их точки зрения, способствует «возвышению» в глазах сверстников.

Так чего же ожидать молодым россиянам? Постепенного продвижения социума к аттрактору, т. е. состоянию стабильности, неважно какой она будет, и на каких основаниях будет зиждется? Или катастрофы, необратимости девиаций, социальной деградации и распада российского общества?

Классик социологии Э. Дюркгейм связывал состояние аномии с переходом от традиционного к промышленному обществу, что породило нормативно-ценностный кризис в сознании социальных субъектов. Если применить его идею к нашему нынешнему состоянию социума, то можно предположить, что подобный кризис стал ответом на отказ от социалистических жестко регламентированных норм и переход к нормативному либерализму. Следствием этого стал нормативно-ценностный хаос.

Слабая результативность государственных социальных институтов в деле воспитания молодого поколения россиян и невыполнение большинства федеральных молодежных и детских программ из-за отсутствия финансирования и профессиональных кадров не оставляют особых надежд на достижение позитивных результатов в управлении процессом подростковой социализации. Так,

Федеральная целевая программа «Молодежь России. 1998–2000 гг.», принятая и утвержденная Правительством Российской Федерации в июне 1997 г., которая наряду с другими ставила и задачи создания условий для гражданского становления, духовно-нравственного и патриотического воспитания, повышения интеллектуального и творческого потенциала молодежи и ориентировалась на повышение этого потенциала как на конечный результат, оказалась малоэффективной в силу ряда причин, затруднивших ход ее реализации. К числу факторов, препятствующих выполнению Программы, были отнесены недостаточно разработанная законодательно-правовая база государственной молодежной политики как на федеральном, так и на региональном уровне, отсутствие устойчивой системы органов по делам молодежи в субъектах Российской Федерации, сложности в организационном, материально-техническом и кадровом обеспечении [3].

В современном обществе социализация россиян в целом и подростков в частности проходит преимущественно как стихийный процесс. Так, может, не стоит «бить в колокола», а просто подождать того времени, когда социальное бытие обретет устойчивость и станет детерминантой определенным образом ориентированного общественного сознания с набором ценностей и норм, выкристаллизовавшихся в процессе формирования нового строя (хорошо бы определиться, что мы строим...) в России?

Думается, ответ должен быть отрицательным. На II Всероссийском социологическом конгрессе одной из задач политики на современном этапе общественного развития была обозначена решительная и последовательная работа по оздоровлению нравственно-психологической атмосферы в обществе, пропаганда патриотизма, трудовой морали, коллективистских ценностей, здорового образа жизни. Было также подчеркнуто, что ее решению должны способствовать российские социологи в союзе со всеми здоровыми общественными силами.

Общественное сознание может быть действенной силой, если оно формируется целенаправленно, что возможно только в процессе воспитания. «Воспитанию присущи две функции: упорядочивание всего спектра влияний (физических, природных, социальных и др.) на личность и создание условий для ускорения социализации с целью развития личности. В соответствии с этими функциями воспитание выступает как механизм управления процессом социализации, с помощью которого предупреждаются или ослабляются ее отрицательные последствия и гармонизируется внутренний мир личности» [3, с. 24]. Но здесь возникает вопрос о субъектах воспитания. Кто сейчас в России занимается воспитанием российских граждан? Согласно социологии образования и педагогике этот процесс осуществляют институализированные структуры (социальные институты). Каким же термином обозначить то воздействие, которое реализуется другими субъектами и представляет собой целенаправленное формирование негативных личностных качеств и девиантных форм поведения подростка или подростковой группы?

В этой связи хотелось бы остановиться на предложенной А. Г. Эфендиевым концепции социализации как самореализации индивида. В ней соотношение воспитания и социализации рассматривается следующим образом. Воспитание становится «предметно самостоятельным процессом в рамках социализации, когда появляется воспитатель, который воплощает определенную идею, которая пропитывает общение с воспитуемым» [1, с. 14]. С этой позиции хорошо иллюстрируются два вида воспитания. Первый – когда субъектов воспитательного процесса (воспитуемого и воспитателя) связывает общая идея, отвергаемая или принимаемая воспитуемым, что свидетельствует о сознательном участии обеих сторон в процессе управления социализацией. Когда идея интериоризируется воспитуемым, воспитание перестает быть только управлением, оно становится еще и самоуправлением (самовоспитанием). Второй – отторжение идеи воспитуемым, при этом субъект воспитательного воздействия воспринимает его лишь в качестве объекта управления. Вывод таков: субъектами управления социализацией могут быть любые социальные субъекты (отдельные личности, группы или иные социальные общности), которые целенаправленно воплощают в реальность какую-либо идею, в соответствии с которой они желают изменить сознание и поведение объекта управления. И этот вывод, к сожалению, неутешителен, так как в условиях нормативно-ценностной неопределенности привитием норм сознания, поведения и управлением последним могут заниматься не только педагоги, но и деклассированные элементы.

В условиях нормативно-ценностного кризиса теряют свою определенность представления о нормальном и отклоняющемся поведении на уровне социального бытия индивидов. Анализ литературы по психологической и социологической девиантологии явственно свидетельствует о некоторой растерянности ученых пред обилием терминов. В качестве синонимов употребляются понятия аномии и девиации, девиации и девиантного поведения, девиации и патологии, девиантного и асоциального поведения. Это приводит к терминологической неразберихе. Как следствие возникает путаница в терминах на эпистемологическом уровне, что затрудняет анализ и интерпретацию данных социологических исследований, в том числе по проблемам наркомании, курения, проституции, сквернословия в подростковой среде.

Осознание индивидом того, что его поведение расценивается как девиантное, что оно разрушает устой общества или ведет к деградации личности, не является априорным. Оно появляется в двух случаях. Во-первых, в процессе воспитания высоконравственной личности, а во-вторых, на основе жизненного опыта. Но какой жизненный опыт – «сын ошибок трудных» – может быть у 12–16-летнего человека? Разве способен он сам, без помощи взрослых, определиться с выбором культурных образцов? Несомненно, что взрослые люди должны помочь подростку сделать правильный выбор. Эта миссия возложена на педагогов и родителей, хотя последние не всегда помогают ему в этом.

Современная семья, к сожалению, все больше и больше приобретает характер «квазисемьи», так как не выполняет присущие ей функции. Ослаблена

функция социального контроля; воспитание черт высокой морали во многих семьях заменяется на формирование конформизма, что вполне закономерно и объяснимо, а может, даже и оправданно, например, в условиях криминализации социума. По мнению некоторых ученых, в последнее время даже в области педагогики и психологии стали появляться публикации, в которых назначение воспитания видится в развитии у детей «приспособительных механизмов» [6, с. 89].

Многие подростки не ощущают себя объектами охранительной, коммуникативной и психоэмоциональной функций семьи. А ведь последняя имеет тенденцию перерасти в психотерапевтическую, когда отсутствуют устойчивые основания бытия в самом социуме, нарастают стрессовые ситуации, порожденные материальным неблагополучием, социальной незащищенностью, воинствующим хамством и т.п. Лишенный заботы и должного внимания семьи, подросток становится объектом «уличной» социализации.

Современная школа не в состоянии противостоять влиянию неинституализированного социального пространства. Обычное оправдание молодых людей своего девиантного поведения звучит примерно следующим образом: «Так делают все!». В последнее время появляются публикации, в которых отмечается, что эта тенденция нарастает: «Чем цивилизованней становится общество, тем большее место в нем занимают пороки. Например, обман считается феноменом человеческого общества. Ложь проникла во все сферы человеческой деятельности» [6, с. 90].

И если подросток стал «девиантом», то, очевидно, в этом не только его вина, а и тех субъектов социализационного воздействия, которые либо прививали ему эти «нормы» и «ценностные ориентиры», либо устранились от целенаправленного позитивно ориентированного воспитательного воздействия.

Почему же возникает феномен нравственного неблагополучия подростка? Нравственное здоровье индивида – особый вид самочувствия индивида, которое определяется знанием норм и правил поведения, моралью, привычками, эмоционально-положительным отношением к нравственным ориентирам, устойчивым внутренним убеждением в необходимости их соблюдения. Содержание нравственного здоровья включает в себя нравственное сознание, нравственные отношения и нравственные поступки. При этом моральные нормы, правила и требования выступают как его собственные взгляды, убеждения и привычные формы поведения. Так как мораль является важнейшим способом нормативной регуляции общественных отношений, то морально или нравственно здоровый человек – это тот, кто ощущает состояние душевного комфорта, чувство уверенности, защищенности в той системе отношений, в которой он задействован. Подросток, попавший в силу обстоятельств в полинормативное ценностное пространство, ощущает душевный дискомфорт и чувствует свою незащищенность и бессилие перед еще непонятным ему социумом.

Библиографический список

1. *Добреньков В.И.* Российское общество: современное состояние и перспективы (от социологии кризиса к социологии надежды) // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2004. № 1.
2. *Загороднева И.В., Белова Н.А., Маркина Е.Н.* Ценности и воспитание // Нравственная культура народов России. Саранск, 2001.
3. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1981.
4. Основы социологии / Отв. ред. д-р филос. наук. А.Г. Эфендиев. М., 1993.
5. Федеральная целевая программа «Молодежь России. 1998–2000 гг.»: Утв. Постановлением Правительства РФ № 746 от 18.06.97 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 26. Ст. 3050
6. *Шиянов Е.Н.* Воспитание как механизм управления процессом социализации // Здоровый город – здоровые дети: Матер. регион. науч.-практ. конф. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999.

ЛИЧНЫЕ ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ РЕЗЕРВНОГО РЫНКА ТРУДА НА СЕЛЕ

.....

М.М. Кириченко*

1. Динамика постперестроечного развития ЛПХ в Краснодарском крае

По данным официальной статистики, личные подсобные хозяйства (ЛПХ) сельского населения России за первую половину 1990-х гг. превратились в могучую производительную силу. Если в 1990 г. в ЛПХ была произведена четвертая часть всей сельскохозяйственной продукции страны (в фактически действовавших ценах), то в 1996 г. — уже больше половины (52 %), причем всего 2 % произведенной сельхозпродукции пришлось на долю фермерских, а остальная часть — на долю коллективных хозяйств [14, с. 550; 15, с. 3].

В Краснодарском крае тенденция была в целом аналогична общероссийской. Удельный вес поголовья коров, свиней и птицы вырос за 1990–2003 гг. в 1,5–2,3 раза, овец и коз — в 5,5 раза; в 2003 г. более половины всего поголовья домашней птицы и около четверти коров и свиней приходилось на ЛПХ (табл. 1). За этот же период примерно в 1,5 раза увеличилась и доля ЛПХ в общекраевом объеме обрабатываемых земель (табл. 2).

Данные табл. 1 и 2 свидетельствуют не только об интенсивном или экстенсивном расширении ЛПХ, но и о снижении объемов производства и экономической эффективности коллективных хозяйств. Если в 1991 г. сельскохозяйственные предприятия России закончили с уровнем рентабельности в 43%, то уже в 1995 г. рентабельность стала отрицательной (– 2%), а к 1996 г. упала до рекордного уровня — минус 20,5% [6, с. 43]. В Краснодарском крае в силу особенностей региональной аграрной политики, благоприятных природно-климатических условий и относительной технологической и трудоворесурсной обеспеченности этот обвал происходил с некоторым замедлением, но тоже был достаточно ощутимым. Ситуация изменилась только после 1998 г., когда

* Кириченко Михаил Михайлович, канд. социол. наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. E-mail: kir1960@mail.ru.

Таблица 1
Доля поголовья в ЛПХ в общем поголовье некоторых видов скота и птицы
Краснодарского края, %*

Показатель	Год					
	1990	1996	1997	2001	2002	2003
Коровы	11,9	23,9	25,0	27,9	29,1	27,9
Свиньи	13,0	21,9	24,8	22,8	22,3	23,7
Овцы и козы	9,8	24,9	30,9	51,3	57,5	54,4
Птица	34,5	47,6	58,8	51,1	55,3	52,9

Таблица 2
Доля посевных площадей ЛПХ в общей посевной площади
Краснодарского края, %**

Показатель	Год							
	1980	1990	1995	1997	1999	2000	2001	2003
Площади	3,2	3,3	5,2	5,4	5,3	5,2	5,2	4,9

Таблица 3
Уровень рентабельности крупных и средних сельхозпредприятий
Краснодарского края, % от всей финансово-хозяйственной
деятельности [1, с. 21]

Показатель	Год					
	1993	1995	1996	1997	1998	1999
Рентабельность	88,5	30,5	-1,0	-11,0	-16,6	30,5

следствием произошедшего обвала рубля по отношению к доллару стали снижение объемов импорта продовольствия и рост рентабельности в АПК.

В условиях общего падения жизненного уровня для сельского населения «парцеллярное хозяйство» стало единственной возможностью поддержания семейного дохода на приемлемом уровне, минимизации тех потерь, которые

* Рассчитано по [1, с. 73; 8, с. 77; 11, с. 11; 16, с. 50].

** См. [1, с. 47; 8, с. 70; 13, с. 5]. Правда, официальная статистика посевных площадей ЛПХ нуждается в корректировке в сторону увеличения. Проведенные нами в 1996–1998 гг. экспертные интервью свидетельствовали, что во многих хозяйствах края – в первую очередь экономически депрессивных – была распространена практика краткосрочной (на 1–2 года) раздачи земли, которую хозяйство было не в силах обрабатывать. В первую очередь всем желающим выделялись участки на полях, прилегающих к населенным пунктам, земля предоставлялась в неограниченном количестве. Статистикой такие формы «квазиаренды» не учитывались, тем более что зачастую данные решения принимались не на уровне хозяйства, а бригады, отделения хозяйства и все взаимоотношения «арендодателя» и краткосрочных пользователей осуществлялись в устной форме. Необходимо заметить, что формальное и реальное пользование также не совпадали из-за широко распространенной практики аренды участков или пользования чужими участками на безвозмездной основе. Нередко в «оперативном пользовании» одного производителя (человека, семьи) находилось 5–6 участков их родственников, знакомых, соседей.

несли семейные бюджеты работников АПК в условиях невыплат и/или резкого снижения уровня зарплат в коллективных хозяйствах. Сельские жители вынуждены были резко наращивать объёмы производства в своих домашних хозяйствах, чтобы минимизировать разрыв между потребительским минимумом и изменившимся уровнем доходов. Для многих семей ЛПХ из формы вторичной трудовой занятости превратилось в главный источник дохода и основное место приложения трудовых усилий.

Типичную ситуацию описывает респондент, живущий в Северском районе:

Р.: В колхозе за последних четыре года – с 1996 по 2000 г. – я одиннадцать тысяч заработал. Восемь тысяч так в колхозе ещё и лежит, никто мне их не отдал.

Интервьюер: Ну а они признают хоть, что должны, или нет?

Р.: Конечно. Так они и лежат, эти деньги, но ты не пойдёшь, ничего не выпишешь и не возьмёшь их.

И.: А почему? Нет денег?

Р.: Нет денег. Очень много средств требуется и на горючку, и на это... Кто работает, люди, им там потихоньку выплачивают, а если ты не работаешь в колхозе – жди, когда колхоз разбогатеет.

И.: А много таких людей, кому колхоз должен?

Р.: Ой, очень много. Понимаешь как, это тоже зависит от людей. Ходи вот так я каждый день, надоедай, клянчи, проси – отдадут тебе: «Знаешь, на, иди, только не гавкай. Надоел ты». Я просто не такой человек. У меня что – восемь тысяч я за месяц зарабатываю сейчас. Ну, лежат и лежат. Я из тех денег [коллективному хозяйству] за воду плачу. Они вычитают из тех денег.

В отраслевом перечне размеров заработной платы в Краснодарском крае сельское хозяйство устойчиво занимает одну из последних строк (табл. 4).

Таблица 4

Заработная плата работников АПК, %*

Показатель	Год							
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2004, 1-й квартал
Доля от среднемесячной заработной платы по всем отраслям экономики	68,3	66,3	63,2	60,3	66,9	65,5	66,5	58,0

Даже мизерный уровень заработной платы не гарантировал вероятности её получения. На 1 марта 2004 г. в Краснодарском крае 631 организация имела задолженность перед работниками по невыплаченной зарплате на общую сумму в 911,4 млн р. [17, с. 135]. Из общего количества предприятий-должников более половины составляли сельхозпредприятия (357 коллективных хозяйств), не выплатившие своим работникам 634,2 млн р. Таким образом, почти 70 % общекраевой задолженности приходится на отрасль, в которой сконцентрировано 23 %

* Рассчитано по: [7, с. 52, 55; 8, с. 30; 17].

трудовых ресурсов края, иными словами, невыплата заработной платы носит точечный, концентрированный характер: явление, которое для других отраслей экономики Краснодарского края является эпизодическим, для сельского жителя давно приняло хронический характер. При этом сумма задолженности распределяется неравномерно по территориям: к концу периода упадка сельскохозяйственного производства (1999 г.) наблюдалась отчетливая тенденция роста количества депрессивных хозяйств в северной и северо-восточной зонах края [1, с. 229]. Следует отметить, что задолженность имеет место на фоне устойчивого на протяжении нескольких лет подъёма в АПК Краснодарского края, который стал возможен по ряду причин: макроэкономических (дефолт 1998 г., повысивший конкурентоспособность отечественного сельхозпроизводителя; ряд пошлинных ограничений на импорт сельхозпродукции), природных (исключительно благоприятные погодные условия 2000 и 2001 гг.), особенностей региональной хозяйственной политики (комплекс и административных, и экономических мер по стимулированию агроэкономики).

Отсутствие средств на зарплату в какой-то мере хозяйства компенсировали натуроплатой. Частичное, а иногда и полное замещение денежных выплат выдачей сельхозпродукции приняло к середине 1990-х гг. массовый характер*. Но в подавляющем большинстве случаев эта компенсация носила частичный характер и только лишь приближала к прожиточному минимуму те ограниченные денежные суммы, которые хозяйство имело возможность выплачивать своим работникам. В крае были хозяйства, которые могли выделять своим работникам зерно тоннами, сахар и подсолнечное масло – центнерами; часть этой продукции реализовывалась на рынке, а часть – шла на откорм скота, впоследствии реализуемого, и при таких объёмах работники достигали нормального уровня семейного дохода. Но такие примеры были единичны. Описание, данное одним из респондентов, представляет картину типичного функционирования системы натуроплаты:

И.: Помнишь, ты рассказывал, что вам в колхозе давали зарплату продуктами?

Р.: В перестроечные годы так оно и было. Зерно ты получил, пойдёшь, выпишешь этого зерна сколько-то килограммов, на базар поехал – вот, какие-то деньги есть, продал это зерно всё. Можно сказать, с 1995 по 2000 г. [это происходило]. Платить перестали, по-моему, где-то с 1993 г.

И.: А люди не возмущались? Или зерна достаточно давали?

Р.: Ну, как «достаточно»? Ну, что такое «достаточно»? Я, вот... как главный специалист зерна хорошо получал. А вот у меня рабочие получали очень мало – ну, полтонны.

* Замена денежных выплат натуроплатой определялась не только тяжелым экономическим положением хозяйства. На эту форму «внутрихозяйственного бартера» переходили и те предприятия, которые вполне могли бы повысить уровень зарплаты. Экспертные интервью 1997–1998 г. (наиболее тяжелого для АПК края периода) свидетельствовали, что таким путем руководство хозяйств увеличивало объём оборотных средств.

И.: *Это в месяц?*

Р.: *За год! Типа натуроплаты. Ну, зарплата по бумажке шла. Ну, пошёл человек, выписал, там, мяса, молока, такого, что в колхозе есть...*

И.: *Так выписывали раз в год всего?*

Р.: *Да нет. Ты мог идти выписывать... Очень многие выбирали свою зарплату заранее. «У меня уже зарплат нету», – жалуется работница в бухгалтерии, она уже в долг навывисывалась. Мне её выгонять надо с работы, а у неё долги висят по кассе. Идёшь, говоришь: «Так, больше ничего не выдавайте этому человеку. У неё зарплат нет. Вот ей ещё месяц, что заработает – на долги».*

Депрессивное состояние крупных коллективных хозяйств в 1990-х гг. следует признать основным фактором, стимулирующим рост ЛПХ. Его воздействие стало гораздо более значимым, чем все формы «прямого действия» – хорошо описанные модели взаимодействия коллективного хозяйства и ЛПХ (продажа кормов и скота по внутренним ценам, помощь техникой, ветобслуживанием и т.д.). Экономический крах коллективного хозяйства (являющегося зачастую единственным работодателем для данной территории) подталкивал сельских жителей к новым моделям экономического действия. Жители тех поселений, для которых была недоступна маятниковая трудовая миграция, оказались вынуждены искать новые сферы приложения трудовых усилий. По данным краевого статуправления, исследовавшего в 2003 г. проблему занятости, среди сельских жителей охват занятостью в неформальном секторе экономики составил 18,8% общей численности занятого сельского населения. При этом примерно для 90% занятых в неформальной экономике данный вид занятости служил главным источником дохода [16, с. 94]. Естественно, что основной сферой неформальной занятости, получения дохода в прямой (денежной) и косвенной форме (получение дополнительной продукции для минимизации расходов на питание и бартерного обмена) явилось расширение личных подсобных хозяйств.

Этот процесс был очень вариативен, в зависимости от территории, близости к рынкам сбыта и, главное, – общей экономической стратегии семьи. Диапазон изменений ЛПХ по отдельным домовладениям оказался весьма высок – от незначительного, позволяющего только лишь обеспечивать семью из 3–4 человек основными продуктами питания, до размеров мини-ферм. Однако эти мини-фермы* чаще всего возникали в форме объединения нескольких разбросанных участков.

* К мини-фермам мы относим хозяйства, являющиеся основным или единственным источником дохода для средней по численности семьи. В данном случае показатели объективного порядка (размер участка, количество голов скота), каковыми обычно пользуются для классификации хозяйств, «не работают» как типобразующий критерий – хотя бы в силу того, что между ними и показателями экономической эффективности (% рентабельности, сумма дохода) нет прямой линейной зависимости. Три-четыре свиньи, мясо которых перерабатывается в деликатесную продукцию, дадут больший доход, нежели стадо в 7–8 голов, реализованных в живом

И.: Ну, хорошо. Ты говорил, что занимался своим хозяйством...

Р.: Было выгодно.

И.: Ты оценить как-то можешь это финансово?

Р.: Финансово? Ну, торговля, она всегда выгодна. Во-вторых, продукция, здесь она копейки стоила, бесценно, а возили мы в основном на побережье, в Геленджик. Там цена была в несколько раз выше, чем в Краснодаре. Конечно, свободные деньги были.

И.: И только своим огородом вот этим занимался?

Р.: Да.

И.: Или ещё были какие-то участки?

Р.: Ну, участков у меня и сейчас очень много.

И.: Да?

Р.: Конечно... Участков было много.

И.: А площадь какая в то время была?

Р.: Площадь? Ну, как её оценить, эту площадь? Здесь десять соток, у матери пятнадцать соток, на Бригаде десять соток, там было соток тридцать-сорок, на том огороде, за А. тридцать соток...

И.: А ты не считал, сколько всего у тебя земли?

Р.: Да оно... Его посчитать-то нетрудно: десять, пятнадцать, двадцать пять, тридцать... пятьдесят пять, да там тридцать... шестьдесят пять оно набегаёт*.

И.: А выращивал в основном что на продажу?

Р.: Помидоры, картошка – я этим занимался в основном. Помидоры, картошка – овощи... Морковка, капуста...

2. «Три кита» эффективности ЛПХ

Как уже говорилось, рост показателей производственной деятельности ЛПХ не мог происходить только за счет интенсификации личного труда. Ему способствовали, по меньшей мере, ещё два обстоятельства.

Во-первых, членство в коллективных хозяйствах позволяет использовать (бесплатно или на льготных условиях) ресурсы последних, чей «вклад» в объёмы производства ЛПХ весьма трудно выразить в цифрах, но то, что он весьма велик, — несомненно. Крупные коллективные хозяйства оказывали и продолжают оказывать своим работникам (зачастую и работникам социальной сферы, работающим на их территориях) разнообразную помощь – в приобретении молодняка, вспашке земли, продаже комбикормов... Довольно часто эта по-

весе перекупили; суммарный доход от зеленой продукции с 20 соток будет в несколько раз выше, чем с аналогичного участка, засаженного картофелем, и т.п. Таким образом, на отнесенность к мини-фермерству влияют не количественные параметры участка, а в первую очередь характер технологической цепочки в производстве сельхозпродукции и вид её реализации.

* Примечательно, что «чересполосица» участков и временный характер их использования не позволяют респонденту даже правильно подсчитать их объём – общая сумма им перечисленно-го на 20 соток больше, нежели названный итог.

мощь далека от понятий альтруизма и «общинной солидарности», поскольку приобретает характер уменьшения налогооблагаемой базы (сельхозпредприятие экономит на соцналоге, выплачивая зарплату работникам на минимальном уровне и компенсируя её недостаточность натуроплатой – для прямой реализации на рынке или для откорма скота на подворьях).

Эти формы интеграции хорошо описаны в специальной литературе, но кроме них существует еще одна форма кооперации ЛПХ со средним коллективным сельхозпроизводителем (в первую очередь фермерскими/крестьянскими хозяйствами), в ходе которой создается технологическая и «антиналоговая» цепочка. Она довольно проста и широко распространена. Суть ее состоит в том, что выращиваемые в рамках фермерского (крестьянского) хозяйства зерновые и кормовые культуры служат основой для откорма скота и птицы на личных подворьях – самого фермера, его родственников, друзей и знакомых. Фаза откорма и дает основную прибыль, не облагаемую к тому же налогом*.

И.: А что выращиваете?

Р.: Сельхозпродукцию, в основном зерно, чтоб дома выкормить хозяйство, продать и получить денежку. Потому что земля – это самая трудная работа. Потому что, сказать, неблагодарная, и налоги, естественно, у государства какие. Под гребёнку гребут всех, кто миллионами ворочает, тот меньше будет [платить налоги], чем кто копейки получает.

И.: Где вы реализуете продукцию?

Р.: В основном домой, для себя.

И.: То есть ещё имеете животных?

Р.: Конечно, это уже как частный сектор идёт, который налогами не облагается. Свины, утки...

И.: Много свиней?

Р.: Нет, сейчас одиннадцать.

И.: На продажу?

Р.: Да, на продажу.

И.: Где продаёте, в Северной?

Р.: Нет, сдаю, сейчас выгодней сдать мясникам этим, кто занимается.

И.: Здесь, в селе?

Р.: Да, перекупищикам фактически.

И.: Налоги большие?

Р.: Где-то пятьдесят восемь процентов надо отдать государству. Если я, например, сорок или пятьдесят тысяч [рублей] заработал на пшенице, на сторону [должен] пятьдесят восемь процентов отдать, что мне остаётся?

* Распространенность этой схемы позволяет достаточно скептически относиться к долевым показателям производства мясной продукции; с учетом этого обстоятельства цифры о наличии скота и птицы на личных подворьях следует корректировать в сторону уменьшения с соответственным увеличением доли фермерского сектора.

И.: Поэтому выгоднее заниматься животноводством и кормить их этой же пшеницей?

Р.: Да, хотя вот эту пшеницу, что, например, я вырастил, я себе завёз полностью – и я за неё тоже плачу, меньше конечно, но налог плачу.

Во-вторых, существующий порядок налогообложения, согласно которому приусадебные хозяйства не облагаются подоходным налогом, резко повышает рентабельность сектора. Владельцы ЛПХ обязаны уплачивать довольно символический земельный налог, который не оказывает существенного влияния на рентабельность этой категории хозяйств. Фактически ЛПХ «ушел» от сверхмощной российской фискальной системы.

На сегодняшний день ясно, что динамика изменений в этом секторе за последние 10–15 лет привела к ряду серьезных изменений, позволяющих говорить о кардинальном изменении социально-экономической роли ЛПХ и возможном переходе в иные организационные формы. Формирование в сельском населении страты, для которой ЛПХ являлся единственным или главным источником дохода, приняло массовый характер. В отдельных зонах высокой земельной ренты-2 (в первую очередь близлежащие к Черноморскому побережью территории) уже сложились высокотоварные ЛПХ, обладающие всеми признаками малого фермерского хозяйства. Зачастую они представляют собой ряд участков, арендуемых одним производителем у нескольких соседей, при этом общий размер земельной площади может достигать 1–2 гектаров. Вероятные институциональные перспективы ЛПХ стали предметом анализа для многих исследователей [3]. Наиболее простым и органичным вариантом явилось бы превращение отдельных (в первую очередь существующих наиболее высокотоварных) ЛПХ в самостоятельные крестьянские хозяйства. По нашим оценкам, в различных зонах края (в зависимости от степени приближенности к рынкам сбыта и, соответственно, уровня рентабельности) эта перспектива может быть реальной для 10–25% существующих хозяйств высокотоварного типа. Однако подобного рода процесс сдерживается рядом обстоятельств.

Основными причинами, тормозящими такой процесс, являются два описанных фактора «привилегированного положения» ЛПХ в системе производства. Такое положение ЛПХ в теневой сфере неофициальной аграрной экономики прекрасно осознается владельцами крупнотоварных ЛПХ. Переход в формальный сектор сразу же повлечет за собой и внимание фискальных органов, и слом уже хорошо действующей и приносящей оптимальный уровень дохода производственно-финансовой схемы. Потери в данном случае могут оказаться значительно существеннее приобретений. На наш взгляд, это обстоятельство станет тормозящим и сдерживающим фактором в предпринимаемых в последнее время попытках институализировать сектор личных подсобных хозяйств и ввести его в сферу реального налогообложения.

3. Перспективы законодательного регулирования ЛПХ

На протяжении многих лет государство не проявляло интереса к этой своеобразной «оффшорной зоне», сложившейся в рамках российского экономического пространства, но по мере дальнейшего наращивания объемов производства, роста экономической значимости ЛПХ ситуация начала меняться. Этот сектор индивидуального производства постепенно начинал представлять всё более явный интерес для контрольно-финансовых органов. Как известно, классик ленинизма В.И. Ульянов был не совсем прав с постулатом о превращении идеи, овладевшей массами, в материальную силу; иногда для приобретения ею статуса материальности идее достаточно войти в оборот довольно узкого круга лиц, принимающих решения. А идея преобразования крупнотоварных ЛПХ в самостоятельные крестьянские (фермерские) хозяйства витала в воздухе давно. Сперва она обозначилась в ходе дискуссии по аграрному вопросу между «либералами» и «консерваторами» [5] в самом начале реформ; в рамках «умеренных» вариантов либерального дискурса ЛПХ рассматривались как своеобразное «протофермерство», как база, на которой может развиваться в ближайшей перспективе средне- и крупнотоварное индивидуально-семейное хозяйство. Эта идея (каковую на тот момент разделял и автор данных строк [4]) с конца 1990-х гг. приняла совсем иной, фискальный оттенок.

Представленная Минсельхозом в 2000 г. концепция «Основные направления агропродовольственной политики правительства на 2001–2010 гг.» содержала в себе красноречивое признание: «Основные источники развития агропродовольственного сектора сегодня лежат в сфере институциональных преобразований агропродовольственных рынков...» [12]. Примечательно, что для этого документа характерно признание первоочередной необходимости не финансовых и технологических, но системных и институциональных изменений в АПК. И одним из таковых раздел 8 «Институциональная политика в АПК» предусматривал ряд изменений в системе взаимоотношений сектора ЛПХ с крупнотоварным производителем и органами государственной власти. В этом отношении, в частности, предлагалось (подраздел 8.5 «Взаимодействие ЛПХ с крупными предприятиями»):

1. Определить юридический статус ЛПХ. Выделить и законодательно закрепить отличия между семейным сельским хозяйством и домашним хозяйством населения. *Если семейное хозяйство обрабатывает более 1 га пашни или имеет 3 и более условных голов скота, то оно может быть признано субъектом производства сельхозпродукции (курсив наш. – М.К.), а в противном случае его следует отнести к домашнему хозяйству.*

2. Рекомендовать крупным предприятиям создавать специализированные подразделения для обслуживания ЛПХ. Плату за услуги можно получать в натуральном виде с учетом аренды земельных долей крупным предприятием у владельцев ЛПХ.

3. Пропагандировать и стимулировать кооперацию ЛПХ по совместной обработке земли (в основном полевых массивов). Механизированную обработку объединенных участков могут выполнять специализированные подразделения сельхозпредприятия.

4. Предоставить возможность местным органам самоуправления самим решать вопрос о максимальном размере участка, передаваемого ЛПХ, в рамках, установленных законом «О личном подсобном хозяйстве», в котором *необходимо четко разграничить ЛПХ и крестьянские (фермерские) хозяйства по размеру и способам землепользования (курсив наш. – М.К.)*.

Основная цель параграфов 1 и 4 представляется очевидной: установить количественные параметры (на региональном уровне), позволяющие отделить потребительские ЛПХ от крупнотоварных с последующим переводом последних в иные институциональные рамки, т. е. придав им ранг предпринимательской деятельности со всеми вытекающими отсюда последствиями фискального характера. Для этого Концепция предлагает новое понятие хозяйствующего субъекта, ранее отсутствовавшее в нормативно-правовой базе: «семейное сельское хозяйство». Примечательно, что критерий отнесения к «субъекту производства сельхозпродукции» установлен на достаточно низком уровне: если пользователей 1 га пашни на Кубани довольно мало, то по критерию наличия 3 и более голов скота в разряд семейного сельского хозяйства в отдельных станицах пришлось бы перевести от четверти до половины проживающих там семей. Еще более жесткими эти рамки стали бы для Нечерноземья и северных территорий России, где бонитет земель ниже, чем на Кубани.

Параграфом 2, очевидно, подразумевается возможность оказания помощи владельцам ЛПХ на основании своеобразного «взаимозачета»; стоимость предоставленных услуг предполагалось вычитать из той арендной платы, которую коллективное хозяйство теоретически должно платить владельцам земельных паев, получивших право собственности на земельный пай в самом начале 1990-х гг. Но таковые представляют собой лишь часть сельского населения, причем стремительно тающую, поскольку теневой оборот земли в виде продажи (в скрытой форме) паевых сертификатов принял массовый характер и паи все больше концентрируются в собственности узкого круга частных лиц. Вероятно, главным мотивом принятия этого положения Концепции являлось стремление разработчиков ввести в оборот хоть какие-то реальные формы арендных отношений между собственником и пользователем. Как известно, владельцы душевых паев, чьи земли находятся в оперативном пользовании коллективных хозяйств, в подавляющем большинстве случаев либо не получают арендной платы, либо она выплачивается на мизерном уровне. Неурегулированность договорных отношений приобрела столь острый характер, что в ноябре 2001 г. органы местного самоуправления Краснодарского края получили от краевых властей рекомендацию обязать находящиеся на их территории коллективные хозяйства оформить договоры долгосрочной аренды на максимально выгодных для собственника земли условиях (до 8% выращенного урожая). «Рекомендательный» характер данной

акции объясняется её правовой двусмысленностью: фактически речь шла о навязывании в административном порядке хозяйствующим субъектам (коллективным хозяйствам) фиксированных условий взаимоотношений с арендодателями (собственниками паёв). Как бы ни были благородны социальные декларации краевых властей о необходимости защиты прав владельцев паёв, с формально-юридической точки зрения исполнительная власть не имела ни малейшего права навязывать условия правоотношений этим субъектам рыночной экономики. На наш взгляд, эта правовая коллизия является одним из наиболее наглядных примеров российских квазирыночных отношений, при которых внедряемые типы взаимоотношений между субъектами рынка наталкиваются на неготовность к ним широких слоев населения, что и провоцирует в итоге использование схем административного воздействия.

Большинство положений Концепции Минсельхоза так и не были реализованы, но это не означает, что они канули в небытие. Пути реализации идей извилисты и зачастую противоречивы. На первый взгляд дальнейшее развитие событий шло в направлении, полностью противоположном предложениям Концепции. Принятый Государственной Думой 21 июня 2003 г. Закон Российской Федерации № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» [10] окончательно закрепил статус личных подсобных хозяйств населения, зафиксировав административную и налоговую автономность парцеллярного производства. Несмотря на явное наличие «товарной составляющей» в данном секторе, Закон устанавливает, что «реализация гражданами, ведущими личное подсобное хозяйство, сельскохозяйственной продукции, произведенной и переработанной при ведении личного подсобного хозяйства, не является предпринимательской деятельностью» (ст. 2.4). Кроме того, предусмотрено, что «вмешательство органов государственной власти и органов местного самоуправления в деятельность граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, не допускается» (ст.5).

Закон «О личном подсобном хозяйстве» (п. 3.2 и 3.3) предусматривает выделение из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, участков для ведения ЛПХ всем жителям сельской местности, а также жителям городских поселений – при наличии свободных земельных участков. При этом «предельные (максимальные и минимальные) размеры земельных участков, предоставляемых гражданам в собственность из находящихся в государственной или муниципальной собственности земель для ведения личного подсобного хозяйства, устанавливаются нормативными правовыми актами органов местного самоуправления» (ст. 4.4). Максимальный размер общей площади земельных участков, которые могут находиться одновременно на праве собственности и (или) ином праве у граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, устанавливается законом субъекта Российской Федерации*. При этом предус-

* В Краснодарском крае в качестве максимальной нормы установлен размер участка в 1,5 га – соответствующие изменения в краевой Закон «Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае» были внесены через два месяца после принятия Федерального закона.

матривалось, что в случае превышения максимального размера участка, избыточная площадь «должна быть отчуждена гражданами... в течение года со дня возникновения прав на эти земельные участки, либо в этот срок должна быть осуществлена государственная регистрация указанных граждан в качестве индивидуальных предпринимателей или государственная регистрация крестьянского (фермерского) хозяйства» (ст. 4.5). Последнее положение представляет собой смягченный вариант идеи Концепции Минсельхоза о переводе крупнотоварных ЛПХ в статус фермерского хозяйства. Но эту норму следует признать фактически неработающей, поскольку в большинстве ЛПХ подобного рода часть используемых площадей не находится в формальной собственности (пользовании) у ведущего хозяйство лица.

Федеральный закон также делегирует региональным властям право проведения политики поддержки ЛПХ на региональном уровне. «Органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий разрабатывают и осуществляют меры по развитию личных подсобных хозяйств и социально-экономическому развитию сельских поселений, в рамках соответствующих программ определяют форму, размеры и порядок поддержки личных подсобных хозяйств и обслуживающих их сельскохозяйственных кооперативов и иных организаций» (ст. 7.4).

В Краснодарском крае это положение было конкретизировано быстро – уже через полгода, на XIX сессии Законодательного Собрания Краснодарского края, состоявшейся 24 марта 2004 г., депутатами был рассмотрен и принят в первом чтении проект краевого Закона «О государственной поддержке личных подсобных хозяйств на территории Краснодарского края». За годы, прошедшие с момента начала экономических реформ, это первый законодательный акт, имеющий целью поддержку личных подсобных хозяйств населения. При этом с самого начала законопроект рассматривался депутатами как документ преимущественно социальной направленности: «Разведение домашнего скота, птицы, садоводство, огородничество являются дополнительными, а в условиях нехватки рабочих мест на селе – альтернативными видами деятельности. ...этот законопроект как раз и направлен на то, чтобы определить порядок и условия оказания помощи гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство, повысить их занятость, улучшить материальное положение сельских жителей... он позволит значительно сократить уровень безработицы на территории края...» [2].

Последняя фраза весьма примечательна. Латентная безработица на селе является не только социальной проблемой, но и одним из главных препятствий на пути развития кубанской агроэкономики. И в советский, и постсоветский период крупные коллективные хозяйства как основные работодатели в местах их дислокации были вынуждены проводить социально ориентированную кадровую политику, при которой численность занятых не регулировалась соображениями экономического порядка. Уже самые первые попытки реформирования АПК в «горбачевский» период (коллективный, бригадный подряды)

выявили, по оценкам экспертов, избыточную занятость на уровне 15–30 %. На сегодняшний день активно идущий процесс технологического перевооружения коллективных хозяйств все более сокращает потребность в количестве рабочей силы. Повышение конкурентоспособности АПК является одним из стратегических приоритетов краевой власти. В особой мере значимость этого направления деятельности определяется перспективами предстоящего вступления России в ВТО. Потенциальные последствия этого события для АПК края были уже предметом нескольких слушаний в Законодательном Собрании края. Побочным следствием технологической интенсификации АПК станет неизбежное высвобождение значительных объемов рабочей силы, в первую очередь малоквалифицированной, для которой в условиях сельской местности отсутствует резервный рынок труда. В то же время по плотности населения Краснодарский край занимает третье место среди регионов РФ*. Не исключено, что эти обстоятельства также учитывались при разработке краевого закона, и в числе целей его принятия были не только тактические соображения (снижение текущего уровня безработицы), но и стратегические цели в виде формирования дополнительного сектора занятости на момент вероятного резкого скачка безработицы.

Ряд организационных мер государственной поддержки ЛПХ (ст. 7 законопроекта) аналогичны тем, которые содержались в программных документах последнего десятилетия советского периода; они предусматривают содействие:

– в выделении приусадебных земельных участков для производства сельскохозяйственной продукции, возведения жилого дома, производственных, бытовых и иных построек, земельных участков для сенокосения, пастбищ и других нужд граждан;

– в приобретении кормов, молодняка сельскохозяйственных животных, птиц, средств малой механизации, горюче-смазочных и строительных материалов, комбикормов, семян, средств защиты растений, в оказании зоотехнических, агрономических, ремонтно-технических и информационно-консультационных услуг и др.

Мы сосредоточим свое внимание на предлагаемых институциональных мерах, нацеленных на создание новых типов хозяйственных взаимоотношений и новых акторов экономического пространства:

– содействие созданию гражданами, ведущими личные подсобные хозяйства, сельскохозяйственных производственных кооперативов, а также сельскохозяйственных потребительских кооперативов;

– организация работы по закупке сельскохозяйственной продукции, произведенной в личных подсобных хозяйствах.

* На 1 февраля 2004 г. 5103,0 тыс. чел. с непропорционально высокой, в сравнении со среднероссийским показателем, долей сельского населения – 46,5 % [17, с. 123].

Серьезность этих намерений подтверждает и предусмотренное в Законе (ст. 6) создание специального уполномоченного органа в структуре администрации Краснодарского края, призванного координировать деятельность по направлениям государственной поддержки ЛПХ. Последняя из упомянутых мер представляет собой попытку восстановления ранее существовавшей системы заготкооперации. Советская модель заготкооперации создавалась, как и подавляющее большинство сегментов советской экономики, вне рыночных методами и для решения не рыночной, а чисто социальной задачи – повысить уровень жизни сельского населения через предоставление относительно стабильного источника дополнительного дохода. Система заготовительной кооперации выступала посредником между предприятиями переработки и ЛПХ. Но ее технологическая и экономическая эффективность была невысока, и рыночные реформы практически уничтожили ее. Крупные и средние предприятия отрасли переработки предпочли работать с производителем напрямую, без посредников, закупая сельхозпродукцию (в первую очередь скот) на крестьянских подворьях ближайших к ним территорий. При этом обострился социальный аспект проблемы – жители удаленных поселков и хуторов оказались отрезанными от рынков сбыта. Для жителей отдаленных поселений заготкооперация стала одним из ностальгических воспоминаний о советском периоде истории:

И.: Землѐй, наверно, тяжело очень заниматься...

Р.: Да. Потом рынок сбыта... У нас ведь раньше хоть приёмные пункты были. И лычу принимали, и помидоры принимали там...

И.: Колхоз?

Р.: Ну, как колхоз... Сельпо было. И вот они принимали. Люди, что можно – туда, а сейчас вот я вырастил, а куда везти – не знаю. Везде ж на рынках стоят только перекупщики.

И.: А в Северной разве нет ничего?

Р.: Ну, почему? Вот, в Северскую я и вожу, что ж я далеко [поеду]? Раньше в Яблоновку ездил. Там меня адыги знали хорошо, цыганский рынок.

И.: То есть сдавать теперь некуда?

Р.: Ну, сдавать – это разница [в цене], я и сам их продам. А потом, когда начинает массово идти, это фактически у меня гибнет [урожай] или люди разбирают.

Для активизации заготовительной сети ст. 9 и 10 предусматривают:

— предоставление кредитов из краевого бюджета заготовительным организациям на закупку сельхозпродукции, произведенной в ЛПХ, в том числе и на условиях предоплаты до 12 месяцев (фьючерсный контракт);

— субсидирование части процентов по кредитам, полученным заготовительными организациями в иных кредитных организациях (за счет краевого бюджета гасится 2/3 ставки рефинансирования Центробанка).

Если резюмировать суть этих статей закона, то, на наш взгляд, мы имеем гибридную форму, сочетающую в себе признаки и товарно-рыночного регулирования, и прежней административно-управленческой модели советского периода, точнее, попытку при помощи рыночных механизмов (льготное кредитование за счет краевого бюджета) выстроить совершенно не рыночную, чисто социальную экономическую модель. Речь идет о внедрении в сложившуюся систему рыночных отношений нового, привилегированного «игрока» – заготовителя, чья деятельность будет строиться на условиях льготного кредитования за счет краевого бюджета. Однако довольно сложно представить, что такой «игрок», пусть даже и действующий в льготном экономическом режиме, окажется способен конкурировать с сетью индивидуальных заготовителей и торговых агентов крупных предприятий-переработчиков. Эта, уже давно сложившаяся профессиональная группа лиц, действующих «в тени» или на условиях частного предпринимательства, всегда будет заведомо в более выгодных условиях, поскольку может использовать все конкурентные преимущества своей организационной формы, каковых лишена крупная организационная структура: «теневые» операции, минимальные накладные расходы, оперативность.

Рассчитывать на то, что существующие заготовительные организации или частные лица, занятые этой деятельностью на правах частного предпринимателя, будут привлечены перспективой льготного кредитования, вряд ли возможно. Посреднический рынок между производителем и переработчиком представляет собой сферу теневого, безналогового оборота средств. Вовлечение в государственную систему льготного кредитования оборотных средств может повлечь для организации (частного лица) выявление реального объема его финансовых операций, что при существующем порядке налогообложения будет чревато большими финансовыми потерями, нежели уменьшенная ставка кредитования. В преамбуле краевого Закона среди прочих целей четко обозначена фискальная направленность: «Настоящий Закон устанавливает меры государственной поддержки развития личных подсобных хозяйств на территории Краснодарского края, порядок и условия ее оказания гражданам, ведущим личные подсобные хозяйства, в целях повышения занятости и улучшения материального положения жителей сельской местности, содействия стабилизации продовольственного рынка на территории края, *дополнительного получения бюджетами всех уровней налоговых доходов от реализации сельскохозяйственной продукции, закупленной у граждан, ведущих личные подсобные хозяйства (курсив наш. – М.К.)*. В свете сказанного для уже действующих на этом рынке организаций и частных лиц предусматриваемая Законом помощь вряд ли послужит серьезным стимулом для вывода из «тени» посреднических заготовительных операций. Кроме того, специфика заготовительной деятельности состоит в большой скорости оборота средств, и это еще одна причина, снижающая потенциальную притягательность предусмотренной в краевом Законе финансовой схемы.

Стимулирование посредническо-заготовительной деятельности не является единственной из предусматриваемых краевым Законом мер по интеграции ЛПХ в официальную экономику. Так, ст. 11 и 12 предусматривают создание системы поддержки ЛПХ через канал местных бюджетов, заключающийся в том, что краевой бюджет «осуществляет субвенции муниципальным образованиям Краснодарского края для осуществления ими субсидирования части процентов по кредитам, полученным гражданами, ведущими личные подсобные хозяйства, в кредитных организациях в целях приобретения сельскохозяйственных животных, сельскохозяйственной техники и средств малой механизации». Очевидно, что эта протекционистская мера направлена именно на взаимодействие со средне- и крупнотоварными ЛПХ. Однако ряд обстоятельств вызывает сомнения в потенциальной действенности предлагаемой Законом схемы. Во-первых, банковское кредитование как элемент производственной деятельности в сельской местности имеет малое распространение; сама процедура оформления банковского кредита (и дальнейшая компенсация процентов) потребует от заемщика нескольких поездок в райцентр за оформлением и получением кредита, а затем – для возмещения процентной ставки в районной администрации. Это обстоятельство довольно значимо, если учесть тенденцию распределения крупных ЛПХ по периферии административно-территориальных образований (районов), в зонах, где низкая плотность населения и ряд других факторов благоприятствуют формированию хозяйств типа мини-ферм. Кроме того, законом предусматривается возмещение только части процентной ставки, что не может выглядеть решающим фактором для того, чтобы подтолкнуть малого товаропроизводителя к сложной и требующей временных затрат процедуре. Предусмотренная в Законе схема кредитования заведомо будет привлекательна только для определенного круга акторов: хозяев крупнотоварных ЛПХ, находящихся в непосредственной близости от райцентра. И самое главное, что внушает сомнение в этой схеме, – подключение совершенно незаинтересованного в процедуре финансового оператора в лице муниципального образования. Предварительно можно сказать лишь одно: чтобы предусматриваемая краевым Законом схема льготного кредитования ЛПХ заработала в широких масштабах, необходимо кардинальное изменение (в сторону упрощения) самой схемы кредитования, что не может быть определено только лишь краевым законодательством, поскольку этот процесс определяется нормативными документами кредитных организаций.

С точки зрения институциональных перспектив ЛПХ представляет значительный интерес положение ст. 7 краевого Закона, предусматривающее «содействие созданию гражданами, ведущими личные подсобные хозяйства, сельскохозяйственных производственных кооперативов, а также сельскохозяйственных потребительских кооперативов». В самом тексте Закона это направление никак не конкретизировано, и сегодня сложно сказать, в какие организационные формы может вылиться реализация данной статьи. Не исключено, что объединение ЛПХ в систему производственных кооперативов

(пусть даже только части хозяйств по территориальному признаку или типу товарности) может в итоге оказаться формой реализации идей, заложенных в Концепции Минсельхоза – создание условий для вовлечения ЛПХ в региональные налоговые схемы. Понятно, что на производственный кооператив, действующий на правах юридического лица, не будут распространяться положения о непредпринимательской деятельности (ст. 2.1 ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»). Вероятность такого развития событий довольно высока, если учесть ближайшие перспективы реформирования системы местного самоуправления с их неизбежной процедурой перераспределения бюджетных средств между регионом и муниципальными образованиями. Местные власти (особенно дотационных территорий) могут увидеть в такой формулировке потенциальную возможность введения дополнительного муниципального налога, тем более что положение ст. 5.1 Федерального закона о запрете вмешательства органов государственной власти и органов местного самоуправления в деятельность граждан, ведущих ЛПХ, можно легко обойти через ряд приемов косвенного административного воздействия.

* * *

Сформулированные соображения о возможных последствиях принятия этого Закона, его «работоспособности» диктовались иными мотивами, чем просто критический анализ законодательного акта. Очевидно, что индивидуальный сектор производства сельскохозяйственной продукции давно перерос прежние рамки. Изменилась не только социально-экономическая роль самого ЛПХ, изменилось и окружающее экономическое пространство. В этих условиях совершенно неизбежны действия административно-управленческих структур по интеграции данного сектора в систему официальных экономических структур и моделей. Краевой Закон «О государственной поддержке личных подсобных хозяйств на территории Краснодарского края», несмотря на характерную для «первого блина» неурегулированность отдельных положений, является первым опытом такой трансформации отношений, именно в этом отношении он представляет интерес для темы нашего анализа. Пока что логика управленческого моделирования краевых властей выстроена в двух направлениях: во-первых, через стимулирование деятельности в ЛПХ решить ряд социальных проблем (повышение уровня доходов сельского населения, минимизация явной и латентной безработицы); во-вторых, вовлечь крупнотоварные ЛПХ в налогооблагаемую сферу агробизнеса.

Библиографический список

1. Агрпромышленный комплекс Кубани / Краснодарский краевой комитет государственной статистики. Краснодар, 2000.
2. В Законодательном Собрании Краснодарского края: Информационное приложение к городским и районным газетам. Краснодар, 2004. Вып. 3 (67).

3. *Калугина З.И.* Институциональные основы и социальная база развития сельского предпринимательства // Регион: экономика и социология. 2001. № 3.
4. *Кириченко М.М.* Влияние аграрного реформирования на динамику социопрофессиональной структуры сельского населения: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: ИС РАН, 1992.
5. *Киричик О.* Дискуссии по аграрному вопросу в постсоветской России // Отечественные записки. 2004. №1.
6. Концепция аграрной политики России в 1997–2000 годах / Под ред. Е.С. Строева. М.: Вершина-Клуб, 1997.
7. Краснодарский край в цифрах: Стат. сборник / Краснодарский краевой комитет государственной статистики. Краснодар, 2000.
8. Краснодарский край: 1937–2002 гг.: Юбилейный справочник / Краснодарский краевой комитет государственной статистики. Краснодар, 2002.
9. О государственной поддержке развития личных подсобных хозяйств на территории Краснодарского края // В Законодательном Собрании Краснодарского края. 2004. Вып. 4 (95).
10. О личном подсобном хозяйстве: Федеральный закон от 07.07.2003 № 112-ФЗ // Российская газета. 2003. № 135 (3249). 10 июля.
11. О состоянии животноводства в Краснодарском крае: Аналитическая записка / Краснодарский краевой комитет государственной статистики. Краснодар, 2003.
12. Основные направления агропродовольственной политики правительства на 2001–2010 гг.: Концепция // <http://www.csr.ru/conferences/gord.html>. Портал Центра стратегических разработок. 2004. 22 апр.
13. Площади, валовые сборы и урожайность сельскохозяйственных культур за 2003 год: Аналитическая записка / Краснодарский краевой комитет государственной статистики. Краснодар, 2004.
14. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1996.
15. Сельское хозяйство России / Госкомстат России. М., 1995.
16. Социально-экономическое положение Краснодарского края в 2002 году: Информационно-аналитический доклад / Краснодарский краевой комитет государственной статистики. Краснодар, 2003.
17. Социально-экономическое положение Краснодарского края в январе-феврале 2004 года: Комплексный доклад / Краснодарский краевой комитет государственной статистики. Краснодар, 2004.

АНАЛИЗ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

.....

Д.М. Рогозин*

Описание общественной деятельности может строиться на правовых актах, определяющих юридический статус и сферу ответственности некоммерческих организаций; на анализе последствий деятельности, зафиксированных в отчетных документах или журнальных публикациях; на перечислении мнений, суждений, установок участников деятельности и т.д. В каждом из вариантов перед исследователем встает дилемма: отражают ли приведенные им аргументы аналитическое преобразование данных или воспроизводят общественный дискурс. Наиболее радикальное решение этой проблемы обнаруживается в структуралистской традиции, согласно которой описание объектов исследования может строиться лишь посредством наблюдения элементарных структурных элементов и выявления их взаимосвязей. Любые переложения текста без точного определения процедур, по которым они осуществляются, всегда смещают результаты к интерпретативным схемам социальной среды, или общественному дискурсу. Конструирование процедур основано на выделении элементарных, устойчивых по отношению к субъективному сознанию форм, или различий. Стремление к таким формам становится необходимым элементом любой исследовательской программы.

К базовыми формам коммуникативной ситуации опроса, в которую невольно попадает любой социолог, можно отнести речевые акты [6; 8; 36]. Реализуя конститутивную, или институциональную функцию, они формируют собственный универсум. Задача исследователя — его описание. Как «правила, касающиеся голов, должны определять понятие «гол», а правила, касающиеся футбола, определять футбол», так и правила, относящиеся к целям, делам, суждениям

* Рогозин Дмитрий Михайлович, канд. социол. наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: d.rogozin@list.ru

Статья написана по результатам исследовательского проекта «Будущее молодежи России», организованного Швейцарской академией социального развития и Институтом социологии РАН в 2002–2003 гг.

и другим вербальным конструктам, репрезентирующим организацию, должны определять представление об организации, что в определенных контекстах приравнивается к организации как таковой. С большой долей уверенности к такому контексту можно отнести принадлежность к третьему, некоммерческому сектору. Потребитель услуг, предлагаемых некоммерческими организациями, не участвует в товарно-денежных обменах, принимая в одностороннем порядке зачастую безальтернативные предложения. Восстановление баланса обмена ложится на донора, спонсирующего, как казалось бы, одностороннюю транзакцию*. Разделение потребителя и плательщика продукции не только придает некоммерческий, или благотворительный, оттенок проводимым транзакциям, но и приводит к возникновению существенной проблемы оценки качества предоставляемых услуг. М. Крамер более радикален. Он считает, что доноры и волонтеры являются основными потребителями некоммерческих услуг, поскольку управленческий состав общественных организаций именно на них тратит большую часть своего времени [27, р. 43]. Однако в таком подходе за рамками исследовательской программы остается значимый субъект третьего сектора – социальный слой, нуждающийся в защите или поддержке, который и обеспечивает легитимность некоммерческих организаций.

Поскольку плательщики, или доноры, не участвуют в потреблении «некоммерческой продукции», о ее качестве они могут судить лишь на основании презентационных материалов. Витгенштейновская установка о приоритете речевого действия убедительно реализуется в дискурсе некоммерческого сектора: «Неважно, что ты сделал, ты бы даже мог убить кого-то, важно, как ты говоришь об этом и говоришь ли вообще» (цит. по [7, с. 21]). Некоммерческая организация определяется не делами, мероприятиями или акциями, а особенностями их презентации перед заинтересованными лицами. Презентация – это основополагающий элемент дискурсивных обменов, производимых организациями третьего сектора. Другими словами, описания и презентации, осуществляемые организациями, и конституируют эти организации, делают их явными, институциональными субъектами. Не только семантику языка, но и семантику самой организации «можно рассматривать как ряд систем конститутивных правил», в соответствии с которыми совершаются речевые акты [8, с. 214]. Если спроектировать коммуникативную ситуацию опроса и получить корпус текстов, структурированных посредством серии анкетных вопросов, то в качестве базовых структурных элементов будут выступать наиболее значимые для респондента словоформы. При этом мы опираемся на эффект Синклера: «Слова не появляются в тексте случайно, языковой выбор говорящего в значительной степени обусловлен регистром, особенности которого заметно влияют на последующие решения говорящего/пишущего и во многом предопределяют их» [37, р. 110].

* Некоммерческие организации вынуждены коммуницировать с гораздо большим количеством внешних акторов, нежели коммерческие, как раз в силу разделения потребителя и плательщика продукции [20, р. 58; 17].

Используя основные методы анализа из теории речевых актов, мы рассмотрим частотные характеристики отдельных словоформ и их семантическое окружение – эмотивную лексику совокупного текста. Н. Бенье отмечает, что эмотивы играют ключевую роль в организации сообщения, или способе ведения разговора [11, р. 426]. Можно предположить, что они определяют не только стиль и манеру говорящего, но и семантику и прагматику сообщения, следовательно, указывают на наиболее значимые для респондента вербальные конструкции.

Останавливаясь на прагматическом компоненте речи, следует подчеркнуть нетождественность понятий эмоционального и эмотивного. Первое указывает на индивидуальную реакцию по отношению к внешнему фактору или объекту, второе – на усиление или подчеркивание его значимости. Перечисляя эмоции, мы говорим о ненависти, любви, страхе, интересе, радости, горе и т.д. Проявление эмоции – это прежде всего поведение, отражающее психическое состояние субъекта. Эмотивы определяются отношением к предмету, показывают оценку говорящего. Отсюда эмотивы в большей степени указывают на значимость той или иной словоформы, нежели на эмоциональные особенности или настроение говорящего. Если эмоции, как правило, индивидуальны, то эмотивы – публичны*. Последние конституируются только в ситуации коммуникации [18], в которой индивидуальные особенности и предпочтения акторов уступают место коллективным нормам и правилам [22]. Для обозначения эмотивного отношения нужна аудитория, отсутствие которой приводит к потере перформативной функции эмотивов.

Эмотивы, как и любой речевой акт, конвенциональны, или социальны, по своей природе [14, р. 103]. Если проявление эмоций согласовывается с социальными нормами, то индивидуальное эмоциональное трансформируется в коллективное эмотивное. Эмоции приобретают качества эмотивов. Д.Р. Хайс и К. Калхан показали, что выражение тех или иных эмоций, определяется типом публичных событий [24]. Жесткая зависимость между событием и эмоциональным поведением указывает на социальный характер последнего. В этой интерпретации эмоции есть реакция на события, а не осмысленные действия индивида, направленные на достижение какой-либо цели [21, р. 470]. Так эмоции приобретают черты речевых актов. Они не конвенциональны и не контролируемы индивидуальными акторами: «существующие нормы определяют тип, интенсивность и продолжительность эмоций, их соответствие текущей ситуации» [38, р. 118]. Зыбкое с точки зрения лингвистических и семантических маркеров различие между эмоциями и эмотивами представляется достаточно жесткой конструкцией с позиции прагматических концепций, в частности, теории

* Т.И. Вендина также связывает понятие оценки с публичным, социальным действием, хотя не вполне обоснованно определяет социальность как черту исключительно человеческой популяции: «ценностное отношение — это особая группа отношений значимости, реализующаяся только в человеческом обществе и лишь благодаря этому существующая как социальный феномен» [2, с. 41-42].

речевых актов. Когда индивидуальные предпочтения подчинены коллективной норме, эмоции уступают место эмотивам.

Объект наблюдения

В декабре 2002 г. в Москве проведено 45 полуструктурированных интервью с представителями молодежных организаций. В интервью от респондента требовалось описать цели, задачи, конкретные дела организации, а также рассказать об источниках финансирования и процедурах привлечения денежных средств. Общий транскрипт ответов составил 97 106 слов, или 522 429 знаков без пробелов.

Единица наблюдения – эмоционально окрашенные слова. Первичный результат исследования – словарь эмотивных прилагательных репрезентантов молодежных организаций (прил. 1). Словарная статья построена в соответствии с устоявшимися нормами, отраженными в словаре, составленном К.С. Горбачевичем [5, с. 5–10]. Словарь эмотивной лексики – это перечень образных, эмоционально окрашенных словосочетаний, именная, или опорная, часть которых играет не менее важную роль, чем эмотивные прилагательные или наречия*.

В текстах интервью обнаружено 259 эмоционально окрашенных, или опорных, слов. В словаре они представлены именами существительными в именительном падеже. Если в речи слово употреблялось в разных числах, то оно переводится в единственное число. Упоминание слов во множественном числе указывает на то, что они ни разу не встречались в тексте в единственном числе при наличии в их окружении образных или оценочных прилагательных.

Базовое пространство признаков описывается четырьмя количественными переменными: (a_1) общее количество эмотивов, относящихся к опорному слову; (a_2) количество позитивно окрашенных эмотивов; (a_3) количество негативно окрашенных эмотивов; (a_4) количество нейтральных эмотивов или тех, которые нельзя однозначно отнести ко второй или третьей переменной. Правила традиционного анализа оценочной лексики предписывают выделять три группы переменных: субъект – кто оценивает, объект – что оценивается, основание – причины или мотивы оценки и валентность оценки – позитивная или негативная оценка [1; 3]. Поскольку субъективная составляющая оценки в анализе организационного дискурса не представляет интереса, мы ограничились лишь двумя группами переменных (объект и валентность), отражающих надындивидуальный характер эмотивного речевого действия.

Отдельные слова не могут оцениваться в качестве положительных или отрицательных, поскольку «частотный список не различает слов, употребленных

* В английском языке наиболее полный список эмотивных прилагательных составлен еще в начале 1960-х гг. [40]. Некоторые авторы выделяют особую роль наречий в формировании эмотивной лексики [12; 28], в частности, количественных упоминаний (много, множество, большинство) или подкрепляющих утверждений (очевидно, безусловно) [11, р. 424].

в прямом и переносном значении, то есть образов, реально присутствующих в произведении и вспомогательных, упоминаемых лишь для оттенения» [4, с. 119], поэтому позитивная или негативная валентность эмотивов определяется с учетом контекста, в который попадает то или иное словосочетание. Например, прилагательное *огромный* в словосочетании *огромное заблуждение* применяется для усиления отрицательной валентности: «*Вот на сегодняшний день это как раз огромное заблуждение, что можно заработать большие деньги на постоянной работе без отрыва от учебы. Большая глупость, это проверено неоднократно*». В словосочетании «*огромный запас*» подчеркивается положительный аспект высказывания: «*...тем не менее, вы понимаете, что наша организация имеет огромный запас потенциальный*». Рассмотрение текстового отрывка, в который заключено эмоционально окрашенное опорное существительное, позволяет учитывать метафорические переносы, приводящие к изменению или уточнению валентности слов, например: «*Российское изобретение – тренажер Комарова. Бесконечность и гармония! Который написал и труд, и там изобретение сумасшедшее. Оно не разрушает психику детей!*»

Эмотивный дискурс

Эмотивы представлены 376 прилагательными, из них 220, или 58%, встречаются в тексте только однажды и 308, или 81%, – не более четырех раз (прил. 2). Одиннадцать наиболее частотных прилагательных в основном указывают на позитивные стороны опорных слов: большой встречается 134 раза, *основной* – 57, *хороший* – 47, *новый* – 45, *интересный* – 38, *профессиональный* – 35, *маленький* – 33, *культурный* – 29, *исторический*, *нормальный* и *огромный* – по 26 раз. Исключения составляют лишь прилагательное *маленький* и конструкты, в которых либо усиливается негативная именная часть: *огромное заблуждение*, либо присутствует иронический оттенок: *большой начальник*, либо создается оксюморон: *хороший негодяй*.

Базовым определением, затрагивающим практически все сферы организационного дискурса молодежных общественных объединений, является прилагательное *большой*. Большой называется проблема, конфликтная ситуация, система муниципальных клубов, общественная работа, цель молодежной организации, умственная нагрузка и т.д. Большим обозначается интерес к молодежной работе, накопленный опыт, план работы, имеющийся в наличии реквизит, намечаемый или проведенный семинар, собранный материал, процесс дробления организации, энтузиаст своего дела и последователь организационных идей. Если речь идет о проектах, делах и акциях, то, как правило, их называют большими проектами, большими делами и большими акциями*. В анализируемом тексте присутствуют разнообразные синонимы прилагательного *большой*:

* В этом контексте невольно вспоминаются образные описания З. Фрейда, но вряд ли можно преодолеть экстравагантность психоанализа в организационном дискурсе, поэтому данную теорию, или скорее идеологию, мы оставляем без рассмотрения.

Таблица 1

Количественное представление словаря эпитетов

X	Y	Процент	Накоп. процент
1	108	41,7	41,7
2	66	25,5	67,2
3	18	6,9	74,1
4	14	5,4	79,5
5	9	3,5	83,0
6	15	5,8	88,8
7	5	1,9	90,7
8	4	1,5	92,3
9	4	1,5	93,8
10	3	1,2	95,0
11	4	1,5	96,5
12	3	1,2	97,7
14	1	0,4	98,1
16	2	0,8	98,8
27	1	0,4	99,2
34	1	0,4	99,6
41	1	0,4	100,0
Всего	259	100,0	

Примечание: x – количество эмотивных прилагательных, приходящихся на одну словоформу; y – количество словоформ. Например, в совокупном словаре 66 словоформ представлены двумя эпитетами.

великий встречается 2 раза, *всевозможный* – 1, *всеобъемлющий* – 3, *колоссальный* – 2, *крупный* – 16, *крупномасштабный* – 1, *массовый* – 22, *мощный* – 11, *мощнейший* – 1, *обширный* – 1, *огромный* – 26 и *огромнейший* – 3. Тем самым вводится различие степени, или интенсивности, базового признака: от большого до крупного и от крупного до огромного.

Антонимы синонимическому ряду, задаваемому прилагательным большой, встречаются гораздо реже: маленький – 33 раза; небольшой – 23; мелкий и минимальный – по 5 раз, мелковатый, меньший, мизерный и ограниченный – по 1 разу. Характеристики, указывающие на небольшие размеры, как правило, связываются с детьми, деньгами, членскими взносами, возможностями, средствами и занимаемыми помещениями. Если прилагательное большой со всеми лексическими и семантическими дериватами в основном определяют деятельность молодежной организации, то соответствующие им антонимы – ресурсы, необходимые для осуществления этой деятельности. Следовательно, проведение большой работы при мизерных ресурсах – институциональный акт (по

Таблица 2

Значение коэффициента эмотивного направления

ε	Количество опорных слов	Доля
-1,0	26	0,10
-0,8	1	0,00
-0,5	8	0,03
-0,3	4	0,02
-0,2	1	0,00
-0,1	1	0,00
0,0	44	0,17
0,1	1	0,00
0,2	4	0,02
0,3	15	0,06
0,4	2	0,01
0,5	7	0,03
0,6	9	0,03
0,7	5	0,02
0,8	7	0,03
0,9	1	0,00
1,0	123	0,47

Д.Р. Камерону), определяющий презентационный скрипт молодежного общественного объединения.

Чуть больше 67% опорных слов связаны лишь с двумя эмотивным прилагательным, а почти 89% эмоционально окрашенных слов имеют не более 6 эпитетов (табл. 1).

Из 259 опорных слов 203, или 78%, встречаются хотя бы с одним положительным эпитетом; 103, или 51%, – с отрицательным и 64, или 25%, – с нейтральным. Речь репрезентантов молодежных общественных организаций существенно смещена к мажорным описаниям.

Рассчитаем коэффициент эмотивного направления для каждого опорного слова:

$$\mu = \frac{(a_2 - a_3)}{a_1},$$

где a_1 – общее количество эмотивных прилагательных (положительные, отрицательные и нейтральные); a_2 – количество положительных эмотивных прилагательных; a_3 – количество отрицательных эмотивных прилагательных.

Коэффициент принимает значения в диапазоне от -1 до $+1$. Если $\varepsilon = -1$, то опорное слово описывается исключительно отрицательными эпитетами; если

$\varepsilon = +1$ – положительными; если $\varepsilon = 0$ – количество положительных и отрицательных эпитетов одинаково. Именно эти три значения коэффициента наиболее частотны в рассказах о молодежных организациях – они встречаются в 193 из 259 опорных слов, или в 74% (табл. 2).

В 15 из 259 опорных слов, или 6%, коэффициент эмотивного направления принимает значения в диапазоне от $-0,1$ до $-0,8$ включительно. Несмотря на расширение эмотивной окраски опорных слов, т. е. присутствия различных эмотивных прилагательных, данные словосочетания в основном содержат негативные оценочные суждения, например:

подростки трудные ($\varepsilon = -1$);

подвал грязный и страшный ($\varepsilon = -1$);

последствие непредсказуемое и неприятное ($\varepsilon = -1$);

поддержка нерегулярная, ограниченная, минимальная ($\varepsilon = -0,5$);

тусовка маленькая, бездуховная ($\varepsilon = -0,3$);

условия жесткие, искаженные, неприемлемые ($\varepsilon = -0,3$);

спорт придворный, незрелищный ($\varepsilon = -0,2$).

В 51 из 259 опорных слов, или 20%, коэффициент эмотивного направления располагается в диапазоне от $0,1$ до $0,9$ включительно, что указывает на преобладание позитивных эмоциональных ассоциаций, например:

программа конкретная, интересная, действующая, серьезная, огромная, великая, очень интересная и т.д. ($\varepsilon = +1$);

проект глобальный, реальный, актуальный, хороший, практичный, интересный и т.д. ($\varepsilon = +1$);

ребенок маленький, светлый, чистый ($\varepsilon = +0,6$);

ребята хорошие, отличные, необыкновенные, культурные, талантливые, замечательные ($\varepsilon = +0,6$);

традиция лучшая, глубочайшая, очень сильная и большая ($\varepsilon = +0,6$);

эффект реальный и видимый ($\varepsilon = +0,3$).

Количество эмотивных прилагательных, отнесенных к одному опорному слову, указывает на значимость данного слова в эмоциональном дискурсе респондента. Опорные слова, образующие наибольшее количество эмотивных словосочетаний, можно разделить на пять кластеров* (табл. 3). В первый включены словоформы, отражающие деятельность, или работу организации; во второй – обозначающие людей, в третий – описание самой организации; в четвертый – деньги; в пятый, наиболее разнородный и наполненный кластер, – представления о предназначении организации, установки и мнения по поводу текущей ситуации, проблем, жизни и т.д.

* Для выделения кластеров не использовались математические методы. Критерий отнесения словоформ к тому или иному кластеру – лингвистическая интуиция исследователя, основанная исключительно на его языковой компетенции.

Таблица 3

Пять кластеров опорных понятий эмотивного дискурса*

1 (90) $\varepsilon = 0,7$ $\sigma = 0,2$	2 (74) $\varepsilon = 0,7$ $\sigma = 0,1$	3 (69) $\varepsilon = 0,4$ $\sigma = 0,3$	4 (12) $\varepsilon = 0,2$	5 (90) $\varepsilon = 0,6$ $\sigma = 0,5$
Работа (41/0,6)	Люди (34/0,7)	Организация (27/0,4)		
Деятельность (12/0,7) Мероприятие (11/0,8)	Ребята (16/0,6) Человек (16/0,8)	Структура (14/0,6)	Деньги (12/0,2)	Проблема (12/0,7) Проект (11/1,0) Цель (11/0,8)
Дело (10/0,6) Опыт (9/0,3) Контакт (7/1,0)	Дети (8/0,8)	Форма (10/0,8) Клуб (9/0,3) Система (9/0,0)		Ситуация (10/0,0) Задача (9/0,7) Жизнь (8/0,3) Мир (8/-0,3) Идея (7/0,9) Направление (7/1,0) Отношение (7/0,6) Программа (6/1,0)

Верхнюю группу значимых понятий определяют три словоформы: *работа* встречается в тексте 338 раз, образует 41 эмотивное словосочетание; *люди* – 401 раз, 34 эмотивных словосочетаний; *организация* – 567 раз, 27 эмотивных словосочетаний.

Средняя группа значимых понятий образована девятью словоформами, в окружение которых попадают от 11 до 16 эмотивных прилагательных. Пять словоформ как бы дополняют или развивают представленные в верхней группе понятия. *Деятельность* (частота 119 и 12 эмотивных прилагательных) и *мероприятие* (128 и 11) соответствуют *работе*; *ребята* (246 и 16) и *человек* (343 и 16) – *людям*; *структура* (71 и 14) – *организации*. Четыре оставшиеся словоформы образуют два новых кластера. Особняком располагается понятие *денег* (частота 135 и эмотивных прилагательных 12). Словоформы *проблема* (110 и 12), *проект* (120 и 11) и *цель* (109 и 11) можно объединить в один кластер, указывающий на мировоззрение или нормативные представления, организующие работу молодежных объединений.

Нижняя группа представлена 14 словоформами, объединяющими от 6 до 10 эмотивных прилагательных. Практически все опорные слова, за исключением

* В табл. 3 в скобках указано количество эмотивных словосочетаний с выделенным опорным словом и коэффициент эмотивного направления. В верхней строке по каждому кластеру подсчитано среднее значение коэффициента и стандартное отклонение.

словоформы *мир*, характеризуются положительным эмотивным направлением, создавая позитивный образ молодежных организаций.

Г. Брайс выделяет пять фундаментальных концептов, которые определяют успешность некоммерческой организации: миссию, деньги, маркетинг, менеджмент и людей [13, р. 3]. Из выделенных опорных понятий с предложенными концептами в точности совпадают два: деньги и люди. Пятый кластер, представленный перечнем проблем, проектов, целей, ситуаций, задач и т.д., можно с некоторыми допущениями сопоставить с миссией. По крайней мере, последняя может быть сформулирована из выделенного набора опорных словоформ и их контекстуального окружения.

Элементы управления и маркетинга выпадают из дискурса представителей молодежных организаций. Они не актуализируются в качестве значимых факторов, репрезентирующих некоммерческую организацию. Вместо рассказа о традиционно относимых к некоммерческому маркетингу действиях, например, нахождении новых доноров, увеличении эффективности использования имеющихся ресурсов, организации социальной рекламы и т. д. [20, р. 56], представители молодежных организаций критикуют организационное окружение и жалуются на нехватку средств для нормальной работы. Можно предположить, что отсутствие упоминаний об управлении и маркетинге обусловлено особенностями опросного инструмента, в котором не выделены вопросы, непосредственно затрагивающие данные темы. Однако выделение в качестве единицы наблюдения эмотивно окрашенных слов, а не респондентов или их ответов снимает данное замечание, поскольку наблюдаемая совокупность фактов не зависит от иллюкативных целей участников разговора и не может ими контролироваться. Д.Р. Хайс и К. Калхан считают, что выражение эмоций определяется нормами, которые практически для каждой социальной интеракции выступают средством социального контроля сознания [24, р. 224]. Аналогичное утверждение можно сделать и в отношении эмотивов. По всей видимости, уверенность в большой социальной значимости общественной деятельности приводит к представлению о вторичности таких направлений, как менеджмент и маркетинг. Можно было бы сослаться на молодость и отсутствие опыта лидеров этих организаций, но данная гипотеза не вполне оправдана, поскольку средний возраст руководителя формальной молодежной организации составляет около 40 лет.

Организация

Описание организации, инициированное интервьюером, разворачивается через рассказ о людях, делах, деньгах и жизненных установках. Сама организация как форма осуществления деятельности занимает в эмотивном дискурсе не последнее место. Коэффициент эмотивного направления данного кластера, хотя и остается положительным, имеет низкое значение ($\varepsilon = 0,4$ $\sigma = 0,3$), которое превышает лишь эмоциональное отношение к кластеру денег ($\varepsilon = 0,2$).

Организация может быть как *активной, большой, дееспособной, очень крупной, крутой, мощной, независимой, нормальной, открытой, реальной, самостоятельной*, так и *бесконтрольной, мелкой, мелковатой, политизированной, страшной, фашистской, формальной* (прил. 1)

Позитивные определения обычно интернальны, они подчеркивают особенность, исключительность молодежной организации:

Как общественная организация назовите мне более мощную, чем мы. Вот, например, если я захочу, то спокойно могу собрать пять тысяч человек в любом месте Москвы. Я Вам скажу, что нет больше такой организации. Единство и двухсот человек не соберут. Надорвут свой пупок тогда на тысячи человек, а я смогу собрать пять.

Негативные – экстернальны, они направлены на формирование образа врага. Когда речь заходит об организационном окружении, то молодежная общественная организация скорее борется, преодолевает трудности, защищает права, нежели работает и предоставляет какие-то услуги.

В описаниях организаций наряду с эмотивными широко представлены когнитивные дифференцирующие признаки. Организации разделяются на *бюджетные, военные, городские, государственные, зарегистрированные, общественные* и т.д. (табл. 4). Большое количество упоминаемых когнитивных различий говорит о насыщенности организационного поля, в котором функционируют некоммерческие организации. Однако многие из проговариваемых определений остаются лишь риторическими фигурами, поскольку даже базовые различия между коммерческой общественной и государственной организациями зачастую размыты [15, р. 149].

Как правило, рассказ о собственной организации подтверждается примерами, сопоставлениями и критикой ближайших или отдаленных контрагентов: государства вообще, районных или муниципальных властей, комитета по делам молодежи и главу управы в частности; бизнес-структур и других общественных объединений вообще и конкретных организаций в частности, например:

А кто виноват? А виноват комитет образования, прежде всего, потому что... если председатель комитета образования, Кезина Любовь Петровна, которая в свое время разогнала во всех школах начальную военную подготовку. Именно она виновна! Именно она виновата!

У нас тут нормальные завязки имеются, очень хорошо мы работаем. А когда, допустим, пришел чиновник из Комитета общественных связей. Побеседуй с ребятами. «Это не наши задачи, это проблемы твои, занимайся ими», – вот как отвечают чиновники. Понимаете, как чиновники отвечают?! Я творчески работаю, а тот чиновник! Он не понимает, чем отличается творческая работа. Был бы я чиновником, я, конечно бы, я не подходил к детям. Они говорят: «Твои проблемы, ты и занимайся, а наша задача командовать, руководить, бабки делать». Вот это их задача!

Потом МТУ-информ – это страшная у нас организация! У них же телефонная станция здесь. Она у них гудит, то есть какая здесь магнитная нагрузка на детей – это одному богу известно.

В презентационных текстах молодежную организацию окружают скорее враги и недоброжелатели, нежели друзья и партнеры. Описание организации формулируется в жанре жалобы, последовательно представляющей перечень негативных последствий от деятельности тех или иных субъектов. Конструирование образа врага как основного элемента мобилизации общественной деятельности диссонирует с представлениями об эффективной общественной организации, принятыми в западном сообществе. Опросив 500 руководителей и экспертов некоммерческих организаций США, П. Лайт выделяет пять основных признаков эффективной работы в третьем секторе: 1) сотрудничество с другими организациями; 2) диверсификация источников доходов; 3) измерение результатов; 4) открытая неиерархичная командная работа; 5) поддержание транспарентных и открытых отношений между руководством и персоналом организации [29]. Построенный П. Лайтом идеальный тип некоммерческой организации весьма далек от практики ведения дел российскими молодежными объединениями. Хотя скорее всего он также далек от их зарубежных коллег.

Слово «структура» упоминается респондентами 71 раз. Почти во всех случаях его можно рассматривать как синоним организации, поскольку со структурой респонденты связывают основные элементы организационного поля: подразделения организации, контрагентов, влиятельных покровителей и партнеров. В текстах встречается восемь когнитивных определений структуры: *государственная, криминальная, межрегиональная, молодежная, организационная, спортивная, коммерческая и юридическая*. Структура чаще, нежели организация, упоминается в положительном контексте, на что указывает большее значение коэффициента эмотивного направления (табл. 3):

Ложь, лицемерие власти... по их выступлениям, по реальной жизни она была видна. И молодежь где-то, может быть, стихийно искала естественную молодежную структуру, где хотя бы можно что-то узнать про истинное положение вещей и понять развитие ситуации.

Если брать обций процесс и то, что я наблюдаю, по крайней мере свое мнение по процессу высказать, происходило следующее, что до 91 года была одна мощная структура и ряд ей сопутствующих структур достаточно сильных и влиятельных, которые держали руку на работе с молодежью. Плохая она была, хорошая она была – всеобъемлющая. От этого не надо уходить. Это надо признать как факт.

Выделяются следующие позитивные определения структур: *влиятельная, вразумительная, всеобъемлющая, мощная, нежесткая, полноценная, реальная, сильная, нормально функционирующая, хорошая*. Негативные определе-

ния структуры в основном употребляются в качестве средств, подчеркивающих достоинство презентуемой организации, например:

Ну, как таковой жесткой структуры у нас нет. Клуб – это в основном люди, которые что-то делают.

На этом поле стали появляться различные структуры деструктивного плана, там язычество пропагандирующие. С нашей точки зрения, мы – люди православные. Да, мы считаем, что эти структуры – деструктивные, но не в силу того, что конфессиональный характер они носят, а в силу того, что содержат идеи нравственного биологического превосходства, с чем надо бороться по большому счету.

Работа

«Работа» – пожалуй, наиболее дифференцированное понятие. В дискурсе молодежных организаций выделяется 40 конгнитивных определений работы: *аналитическая, архивная, бесплатная, внеурочная, внешкольная, военно-патриотическая, воспитательная, детская, досуговая, ежедневная, законодательная, идеологическая, клубная, краеведческая* и т.д. (прил. 1).

Работа часто оценивается положительно: *большая, главная, замечательная, интересная, качественная, колоссальная, лучшая, мощная, огромная, огромнейшая, продуктивная* и т.д. и лишь изредка – отрицательно: *грязная, муторная, неэффективная, скучная, эклектичная*. С усилением формальности, или протокольности, языка коэффициент эмотивного направления только возрастает: так для словоформ *работа* и *дела* коэффициент равен 0,6; *деятельности* – 0,7; *мероприятия* – 0,8. Видимо, формальное представление не допускает негативных эпитетов, а единственное появление негативного оттенка в словосочетании *разовое мероприятие* – лишь казус на фоне общей нормы положительных репрезентаций:

Все наши мероприятия значимы, они носят нормальный реалистический характер.

Мы считаем для себя, что это большое доверие к нам со стороны государства. Участие в реализации государственной политики в области развития детско-юношеского спорта Российской Федерации – это очень многоплановая деятельность.

Мероприятие в первую очередь оценивается с точки зрения его размеров: *большое, крупное* и *массовое*; а уже потом значимости и актуальности: *значимое, интересное, первоочередное, достаточно солидное*.

Описание опыта реже связано с положительными коннотациями, что приближает эмоциональное восприятие прошлого к представлениям о жизни, ситуации и мире ($\epsilon = 0,3$), требующих, с точки зрения общественных деятелей, приложения значительных усилий по их изменению (табл. 3). С одной стороны, опыт представляется *бесценным, большим, историческим, положительным, реальным* и *успешным*, с другой – *горьким, неудачным, печальнейшим*. Во вто-

ром случае прошлое воспринимается критически, как объект переосмысления или реформирования:

Помещение, оно людей расслабляет. Нет, просто у меня был печальнейший опыт когда для людей сделал зал для тренировок как положено. Все кричали: «Ура, ура, ура». Тренера нашел, который тоже альтруист. В итоге людей все меньше и меньше ходит на тренировки. Что-то не так, тренер не тот, что ли. Если не хотите тренироваться, не будет вам ни тачанки, ни буденовки, ни Чапаева с саблей. Фактически он прекратил заниматься вообще тем. Размахивать шпильками хотят, а заниматься пройти курс безопасности не хотят. Пришлось сменить тактику отношения с людьми.

Вы знаете, нам было стыдно, что этот проект не может продолжаться. Он мог иметь хорошее развитие, но не получил этого развития. И, по большому счету, ребята приходили к нам. Они пытались как-то сотрудничать с нами, но потом они просто ушли. Ну, у них просто свои дела, у них свои какие-то интересы. И такой опыт, с одной стороны, очень успешный, с другой – потерпел фиаско. Жалко. Нам очень жалко.

Рассказ о работе в основном конструируется посредством формальной лексики, наполненной канцеляритами. Основная задача такого дискурса подчеркнуть принадлежность к значимой надындивидуальной и надмолодежной институции, поэтому элементы устной речи вытесняются письменными штампами и клишированными выражениями. Слово «дело» встречается 108 раз, «опыт» – 47, зато «деятельность» – 119 и «мероприятие» – 128. Доминирующее в данном кластере слово «работа» (встречается 338 раз) практически не употребляется в обыденном контексте, напротив, входит в устойчивые формальные выражения: «досуговая работа, кружковая работа, подростковая работа, просветительская работа» и т.д. Организация речи вокруг институционализированных маркеров – не что иное, как пример презентационный ритуала, ничем не отличающийся от погребения или замужества, наблюдаемых в антропологических исследованиях.

Люди

«Люди» – одна из наиболее эмотивно насыщенных категорий. В отличие от организации и работы, наделяемых в равной степени эмотивными и когнитивными прилагательными, «люди», как правило, упоминаются недифференцированно:

У нас основная направленность – это просто люди. Чтобы вокруг было просто общение, атмосфера.

По большому счету все, что мы делаем, – оно для людей, оно для человека, через человека.

Те люди, которые хотят, которые даже по тем или иным причинам пришли, они должны понять, что их ждали и очень давно и только их и ждали. У нас подход такой – мы принимаем всех.

Когнитивное окружение словоформы представлено девятью прилагательными, которые составляют 21% от всех определений (прил. 1). Люди различаются по возрасту – *молодые* и *пожилые*; уровню доходов – *получающие мало* и *много*; принадлежности к организации – *внешние, приходящие*, национальности – *русские*, религиозным убеждениям – *православные*, также упоминается одна группа девиантного поведения – *химически зависимые* (прил. 1). Доминирование эмотивной лексики в описании людей объясняется особенностями работы в третьем секторе. Для общественных объединений, по мнению Д. Ноука, наиболее важный ресурс – поддержка членами организации коллективных действий [26, р. 142]. На первый план выступают не профессиональные качества, а энтузиазм, включенность в общественные дела и разделение декларируемых организацией или ее руководством ценностей. Однако подобные рассуждения уместны лишь в отношении волонтеров. К персоналу общественных объединений, а тем более к их руководству, как правило, со стороны грантодающих организаций предъявляются очень жесткие требования в отношении профессиональной подготовки. П. Фрамкин и М. Ким объясняют это тем, что сотрудники некоммерческих организаций вынуждены сталкиваться со многими трудностями, не столь свойственными коммерческому сектору, например, огромной текучестью кадров, трудной клиентурой и требованиями грантодателей [19, р. 267–268]. Более того, в литературе по общественному администрированию все чаще предпринимаются попытки интегрировать бизнес-технологии (реинжиниринг, управление качеством, бэнчмейкинг) в некоммерческую среду [10; 16; 17; 33; 39]. В исследуемых организациях мы обнаруживаем противоположную ситуацию.

Респонденты ни разу не упоминают о профессиональных качествах членов организации. В общественных объединениях не работают, а участвуют, поэтому речь идет именно о людях, а не о персонале или сотрудниках. Это отражает любительское, построенное на энтузиазме отношение к общественной работе:

Если даже человек коммерческой деятельностью занимается, но ему хочется что-то такое для души, для людей, бывает такое. И хочется вот такой народ находить, выцеплять, и чтобы они объединялись, то есть находить каких-то единомышленников.

Есть люди, которые действительно любят животных, хотят с ними общаться, научится верхом ездить, научится общаться с животными и так далее. Вообще лошадь – это такое заразное явление. И я говорю: главное, чтобы тебе понравилось.

Люди приходят сюда со своими интересами. Может, с детства в это дело пришли, либо позже – просто интересно. Дело в том, кого куда больше тянет.

Такая работа не может быть постоянной, она зависит от семейных обстоятельств, текущего настроения, занятости, здоровья:

Энтузиасты собирались, собирались – это в начале, но потом просто стало неподъемно. Мало того, чтобы ездить после работы, надо заниматься общественной работой. Два года просуществовав на голом энтузиазме, интерес у всех участников подобной программы просто-напросто потерялся, и основные инициаторы этой молодежной организации просто сложили с себя полномочия и перестали как бы быть членами молодежной организации. Кто по возрасту, а кто и по желанию.

Нестабильность и отсутствие уверенности в дальнейшем существовании приводит к снижению интереса к таким организациям со стороны и фондов*, и государства:

Ситуация такова, что спортшколы сейчас занимаются только с избранными людьми. Получается, что все люди, которые занимаются спортом только периодически, время от времени, когда у них появляется свободное время, они для Госкомспорта и для спорта в России не интересны вообще.

Участие в государственных программах и получение грантов приводит не только к возникновению регулярной деятельности, но и к трансформации общественной организации в «общественно-государственную», к разрушению границ между двумя секторами [30]. У.П. Рэйн подчеркивает, что активное участие государства в финансировании третьего сектора влечет за собой дестабилизацию управленческой функции внутри общественных организаций и утрату ими навыков социального предпринимательства [35, р. 8]. Отсутствие требований к профессиональным качествам участников организации, с одной стороны, и появление время от времени возможности получить целевые гранты, размер которых зачастую зависит от численности организации, – с другой, приводят к возникновению огромных общественных объединений, списочная численность которых достигает сотни и тысячи участников. Для включения в организацию достаточно лишь один раз посетить какое-либо мероприятие. Выход же из молодежной организации определяется не участником, а его социально-демографическими характеристиками, поскольку списочная численность имеет весьма опосредованное отношение к фактическому членству:

А у нас как бы такого нету, чтобы люди выходили. Они выходят только по старости и все.

Таким образом, накапливается основной ресурс общественного объединения – люди, ребята и дети.

По частоте встречаемости в совокупном тексте представителей молодежных объединений за словом «люди» (401 раз) следуют «человек» (343), «дети» (312) и «ребята» (246). Высокая частота словоформы «человек» объясняется тем, что оно употребляется в двух значениях: во-первых, в высказываниях о количестве участников тех или иных организаций или мероприятий; во-вто-

* П. Фрамкин и М. Ким утверждают, что некоммерческие фонды заинтересованы в финансировании лишь эффективных общественных организаций, что требует от них привлечения профессиональных менеджеров и введения современных методов управления. [19, р. 267].

рых, в обобщающих, абстрактных умозаключениях. Если в первом значении слово «человек» выступает дополнением (на вопрос о количестве участников организации можно ответить только числом, например, 150, добавление к этой цифре слова «человек» семантически избыточно), во втором – подлежащим, с помощью которого конструируются значимые для понимания общественного объединения ментальные схемы:

Если человек пошел учиться, то, как правило, он выпадает из спорта.

Организация у нас такая – стихийная, если человек просто начинает сюда приезжать, скажем так, ну вот его что-то интересует, начинает возиться с детьми, начинает что-то делать, начинает заниматься... делать свою жизнь интересной... и главное в этой жизни – человек.

В отличие от слова «люди», «человек», «дети» и «ребята» скорее относятся к целевой аудитории, своего рода потребителям услуг, предоставляемых общественными объединениями, нежели их непосредственным участникам. Хотя позиции потребителя услуг и участника несколько размыты в некоммерческом секторе*, в дискурсе молодежных общественных объединений практически всегда можно выделить тех, кто осуществляет действия, и тех, на кого они направлены:

И дети, они становятся членами такой организации, как наша. В этом случае они просто участвуют в деятельности организации, они включены в такой социум. Мы работаем для них.

Воспитываем ребят в духе патриотизма, в духе любви к Родине, к Отчизне и будущей военной профессии.

Слово «человек» упоминается с шестью когнитивными прилагательными: *городской, европейский, молодой, новый, первобытный, пришлый*; «ребята» – с пятью: *взрослые, заводские, молодые, православные и российские*; «дети» определяются лишь двумя прилагательными – *наши и собственные*. В дискурсе выделяется два полных различия (по возрасту и уровню доходов), т. е. респонденты приводят оба варианта представленных дихотомий: *молодой и взрослый, получающие (денег) мало и много*. В остальных случаях определяется лишь одна группа, например, говорится о городском человеке, но не упоминается сельский или деревенский (напомним, что опрос проходил в Москве).

Все опорные слова второго кластера имеют очень близкие коэффициенты эмотивного направления: от 0,6 до 0,8 $\sigma = 0,1$ (табл. 3). Как правило, они наделяются положительными характеристиками: *люди активные, взрослые, веселые, живые, знаменитые, избранные, известные, интересные, лучшие, очень милые и т. д.* Лишь изредка упоминаются негативные качества: *люди безответственные, глупые и власть придержащие* (с осуждающей интонацией); ре-

* Некоммерческий сектор не представляет собой исключения. Аналогичную ситуацию можно наблюдать во многих коммерческих организациях, например, работающих в идеологии сетевого маркетинга, когда потребитель продукции одновременно становится членом организации.

бятя запущенные, необученные; дети глупые; человек банальный, безграмотный (табл. 6).

Деньги

Деньги упоминаются гораздо реже, чем опорные слова из первых трех кластеров. Кроме того, в совокупном тексте отсутствуют синонимы денег, которые могли бы разнообразить и дифференцировать ответы. Рассказывая о деятельности организации, респонденты не расположены вдаваться в финансовые подробности, что подтверждается отсутствием финансовой терминологии в анализируемом тексте. Достаточным считается лишь упоминание о потребности в деньгах, постоянной их нехватке:

Нужны, естественно, деньги для того, чтобы этот проект реализовать, деньги на рекламу, деньги спонсорские.

Проведение работы на безвозмездной основе определяется респондентами как основная черта их общественной деятельности. Отсутствие финансирования и продолжение работы рассматривается в качестве одной из заслуг организации:

В принципе все это было сделано на основе голого энтузиазма. На счету молодежной организации никогда не появлялись никакие деньги.

Когда человек работает за убеждения, он готов работать на энтузиазме.*

Д.Е. Макклуски, напротив, объем финансовых средств, которыми располагает некоммерческая организация, определяет в качестве наиболее значимого фактора для формирования разветвленной системы ответственности, а значит, и роста эффективности общественной деятельности [32, р. 549]. Только после рассмотрения влияния экономического фактора резонно говорить о количестве штатного персонала и волонтеров, уровне доверия внутри организации, периоде жизненного цикла и воздействии организационного окружения. Денежные средства в данном случае выступают не критерием, а базовым условием эффективной работы. В то же время М. Липски и С.Р. Смит подчеркивают, что основная черта некоммерческих организаций – жесткая ориентация на миссию, что может приводить к увеличению рабочего дня и снижению значимости денежного вознаграждения [31, р. 642]. Отсюда интерес к денежным средствам и, следовательно, механизмам управления ими уступает место

* Если в США доходы на работающих в некоммерческом и коммерческом секторах сопоставимы, то в России об этом можно говорить только в отношении лишь отдельных некоммерческих организаций, которые, как правило, не являются общественными объединениями. Так, Д. Джонстон и Г. Радни приводят статистические данные за 1982 г., согласно которым в некоммерческом секторе доход на одного человека ниже, чем в коммерческом в среднем на 22%. Причем по некоторым областям он даже превышает доходы в коммерческом секторе, например, в исследовательских организациях – на 7%, спортивных клубах и организациях – на 24, в организациях, предоставляющих медицинские услуги, – на 31% [25, р. 32].

идейным соображениям, которые со временем преобразуются в привычки и привязанности:

А вы знаете, когда отдано столько лет, здоровья и сил, очень сложно бросать все это. Живем в таком маленьком анклаве – большая деревня, все друга друга знают. И все руководители практически год не получали зарплату. Ну, выходили на работу, ну, как все у нас в стране.

В разговорах ни разу не велась речь об эффективности управления денежными средствами, финансовых инструментах или оборотных средствах организации. Элементарные способы управления финансовыми средствами не актуализируются представителями молодежных общественных объединений, не говоря уже о финансовых целях и практике бюджетирования. Г. Брайс отмечает, что оценка финансового состояния некоммерческой организации должна осуществляться как минимум дважды в год, что будет приводить к корректировке не только финансовых планов, но и стратегических целей организации [13, р. 535]. Опрошенные, напротив, рассматривают финансирование как удачу, неожиданное вознаграждение, а не плановую целенаправленную деятельность:

Все существуют за счет случайного получения денег, то есть если кто-то дал выбить деньги от спонсора, губернатора, откуда-то еще. Регулярных финансовых вливаний нет.

Понял одно – нам они денег не дадут никаких. Они говорят: «Вот, это только деньги на коммерческие проекты». Так это звучит. Меня это так поразило. Вы что, ребята! Если ни во что не вкладывать ни копейки, то, извините, ничего и не выйдит.

Укорененное в законодательных актах определение некоммерческого сектора как деятельности, не имеющей в качестве основной цели получение прибыли*, низводится в анализируемом дискурсе до безденежной, основанной на «голом энтузиазме» работы.

Словоформа «деньги» теряет признаки рациональной категории – ресурса, необходимого для достижения поставленных целей. Когнитивное окружение денег, как правило, определяется лишь через источник финансирования – чьи деньги: *бюджетные, государственные, наши, спонсорские*; эмотивное – через оценку их величины – *какие деньги (сколько): адекватные, большие, достаточно крупные, огромные, неплохие, приличные, серьезные* (прил. 1).

Респонденты воспроизводят норму, определяющую отсутствие денежных средств в качестве признака, положительно репрезентирующего организацию. Разговор о наличии денег чаще связан с другими организациями. Если упоминаются деньги, находящиеся в распоряжении молодежного объединения, то, как правило, им приписываются негативные оценки: *маленькие, смешные*. Для придания образности или значимости высказываний респонденты не видоиз-

* Г. Хансман отмечает, что подобное определение некоммерческой организации распространено в юридической литературе большинства стран [23].

меняют исходную словоформу и не используют синонимичные ряды*. Деньги в дискурсе молодежных организаций – всегда простая неизменяемая категория.

Миссия

В последний кластер включены разнородные элементы, однако большинство из них объединяют эмотивы, характеризующие величину того или иного опорного слова. Так, проблема бывает *большой, самой большой, великой и огромной*; проект – *большим и глобальным*; цель – *большой, обширной и всеобъемлющей*; ситуация – *большой*; задача – *широкой и самой крупной*; жизнь – *большой*, программа – *огромной и огромнейшей*. Только слова «мир», «направление» и «отношение» не подкрепляются подобными эмотивами. Следующая общая черта – подчеркивание значимости или важности утверждений: проблема *важная, серьезная, главная, особая и насущная*; проект *актуальный, реальный, практический и хороший*; цель *благая, конкретная, четко обозначенная и основная*; ситуация *главная, чрезвычайная и экстремальная*; задача *главная, немаловажная и первоочередная*; жизнь *активная и реальная*; направление *серьезное, основное и хорошее* (см. приложение).

Слова, относящиеся к представлениям о предназначении организации, как правило, определяются положительными эмотивами: проект, направление и программа ($\varepsilon = 1,0$), идея ($\varepsilon = 0,9$), цель ($\varepsilon = 0,8$) и задача ($\varepsilon = 0,7$). Семантические конструкции, указывающие на цели или задачи организации абстрактны и не подлежат какой-либо операционализации:

В принципе цель – это возрождение духовных традиций, повышение духовности и культуры молодежи.

Целью организации является содействие в воспитании гармонически развитой, здоровой в физическом, морально-нравственном отношении, духовной, полноценной молодежи, имеющей активную жизненную позицию и развитое патриотическое сознание.

Мы хотим, занимаясь вопросом воспитания ребят, начиная буквально с семи лет и старше, мы хотим воспитать в них чувство долга служения своему отечеству.

П. Димаджио и Г. Анхайер также указывают на доминирование у некоммерческих организаций обобщенных и абстрактных целей [15, р. 150], которые очень сложно оценить, но зато легко поставить в соответствие практически любым действиям. Конкретизация же задач, вызванная внедрением регулярного менеджмента, приводит к их частой замене [34], поскольку общественные организации слишком сильно зависят от внешнего окружения. М. Липски и С.Р. Смит подчеркивают, что иногда некоммерческие организации вынуждены

* В словаре синонимов русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой приводятся следующие синонимы денег: денежки, деньжонки, финансы, капиталы, копейки, монеты, грошы [9, с. 118]. Ни одна из них не замещает понятие денег в организационном дискурсе молодежных объединений.

корректировать собственную миссию под запросы государства [31, р. 637]. С этим трудно не согласиться, так как практически все российские общественные организации воспроизводят формулировки целей и задач, появляющиеся в федеральных законах или программах.

Описание текущей ситуации, в которой приходится реализовывать «*благие цели*», как правило, оценивается менее оптимистично: ситуация определяется *конфликтной, стрессовой, чрезвычайной и экстремальной* ($\varepsilon = 0,0$); жизнь – *бедной, жестокой и серой* ($\varepsilon = 0,3$); мир – *коммерциализированным, однообразным и убогим* ($\varepsilon = -0,3$):

Цель проекта заключается в том, чтобы вернуть детям радость творчества и попытаться помочь им реализовать свой мир. Не тот мир, который навязывает информационная взрослая среда, достаточно однообразный убогий и, честно скажу, очень коммерциализированный. Поэтому была идея провести такую акцию, как «Пластилиновая сказка», или «социальная жизнь настолько жестока, настолько подавляющая, что не появляется такой возможности, чтобы как-то противодействовать этому.

Подобный диссонанс между намерениями и восприятием окружающей среды подчеркивает доминирование реформаторских амбиций, согласно которым собственная значимость и ценность определяются через противопоставление несовершенному и погрязшему в проблемах миру. Так формируется основной ресурс социального предпринимательства* – критическое отношение к миру, выявление наиболее важных и больших проблем. Чем эмоциональнее отражена важность проблемы, тем большей мобилизационной силой обладает предпринимательский импульс общественной организации.

Выводы

1. Проведение *большой* работы при мизерных ресурсах — институциональный акт (по Д.Р. Камерону), определяющий презентационный скрипт молодежного общественного объединения. Все, что представляет молодежную организацию, должно быть *большим, огромным, мощным, колоссальным, крупномасштабным, мощнейшим* или *обширным*; все, что способствует ее работе, – *мелким, ограниченным* или *мизерным*.

2. Молодежное общественное объединение – это прежде всего люди, дела, деньги и представления о колоссальном разрыве между желаемым и фактическим состоянием мира.

3. Важнейший мотив для мобилизации общественной деятельности – образ врага. Нельзя говорить о себе, не подвергая критике государство, районные или муниципальные власти, главу управы или бездушных коммерсантов. Организация скорее борется, преодолевает трудности, защищает права, *нежели работает и предоставляет* какие-то услуги. Рациональные представления об ^{*}Описание окружающей ситуации, внешнего мира и жизни по количеству эмотивов уступает идеям, целям и задачам организации, поэтому представляется возможным определить внешнее окружение в качестве ресурса.

эффективности вытеснены эмоциональными – о справедливости, бедственном положении и праве на лучшую жизнь.

4. Чем более формальна речь, чем более она насыщена канцеляритами, тем чаще встречаются положительные эпитеты. Например, организация в равной мере может быть как активной, большой и крупной, так и бесконтрольной, мелковатой и фашистской. Структура же гораздо чаще вразумительная, мощная и хорошая, нежели деструктивная и плохая.

5. Основной ресурс молодежного объединения – люди. Они не профессионалы, а любители, они не работают, а участвуют, и основной критерий их занятий – интерес. Текучесть персонала и неустойчивость организации – результат ориентации на интерес и поддерживаемый им энтузиазм, в котором эмоциональная компонента закономерно доминирует над рациональной.

6. Недостаток или полное отсутствие денег – не только норма общественной деятельности, но и фактор ее положительной репрезентации. Проблема финансирования общественной работы интерпретируется как проблема государства, а не молодежного объединения.

7. Цели общественных объединений формулируются в предельно абстрактных выражениях, их практически нельзя операционализировать, зато не составляет труда поставить им в соответствие любую работу.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
2. Вендина Т.И. Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования // Славяноведение. 1997. № 4.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
4. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001.
5. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2001.
6. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов / Пер. с англ. В.П. Руднева // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.
7. Руднев В.П. Божественный Людвиг. Витгенштейн: Формы жизни. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002.
8. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? / Пер. с англ. И.М. Кобозевой // Зарубежная лингвистика II / Общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999.
9. Словарь синонимов русского языка / Под. ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель; АСТ, 2001.
10. Antos J., Brimson J.A. Activity-Based Management for Service Industries, Government and Nonprofit Organizations. N. Y.: Wiley, 1994.
11. Besnier N. Language and Affect // Annual Review of Anthropology. 1990. Vol. 19.
12. Biber D., Finegan E. Styles of Stance in English: Lexical and Grammatical Marking of Evidentiality and Affect // Text. 1989. Vol. 9.

13. *Bryce H.J.* Financial and Strategic Management for Nonprofit Organizations: a Comprehensive Reference to Legal, Financial, Management, and Operations Rules and Guidelines for Nonprofits. San Francisco: Jossey-Bass, 2000.
14. *Cameron J.R.* Sentence-Meaning and Speech Acts // *Philosophical Quarterly*. 1970. Vol. 20. № 79.
15. *DiMaggio P.J., Anheier H.K.* The Sociology of Nonprofit Organizations and Sectors // *Annual Review of Sociology*. 1990. Vol. 16.
16. *Dropkin M., LaTouche B.* The Budget Building Book for Nonprofits. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publication, 1998.
17. *Drucker P.F.* Managing the Non-Profit Organization. Oxford: Butterworth Heinemann, 1990.
18. *Duranti A.* The Audience as Coauthor: An Introduction // *Text*. 1986. Vol. 6. P. 239–247.
19. *Frumkin P., Kim M.T.* Strategic Positioning and the Financing of Nonprofit Organizations: Is Efficiency Rewarded in the Contributions Marketplace? // *Public Administration Review*. 2001. Vol. 61. № 3.
20. *Gonzalez L.I.A., Vijande M.L.S., Casielles R.V.* The Market Orientation Concept in the Private Nonprofit Organization Domain // *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*. 2002. Vol. 7. № 1.
21. *Greenspan P.* Emotional Strategies and Rationality // *Ethics*. 2000. Vol. 110. № 3.
22. *Grice H.P.* Logic and Conversation: The William James Lectures. Harvard University, 1967–1968 // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech acts / Ed. by P. Cole, J. Morgan. N. Y.: Academic Press, 1975.
23. *Hansmann H.* The Role of Non-Profit Enterprise // *Yale Law Journal*. 1980. Vol. 90.
24. *Heise D.R., Calhan C.* Emotion Norms in Interpersonal Events // *Social Psychology Quarterly*. 1995. Vol. 58. № 4.
25. *Johnston D., Gabriel R.* Characteristics of Workers in Nonprofit Organizations // *Monthly Labor Review*. 1987. Vol. 110. № 7.
26. *Knoke D.* Commitment and Detachment in Voluntary Associations // *American Sociological Review*. 1981. Vol. 46. № 2.
27. *Kramer M.* Who, Exactly, Are the 'Customers' of a Nonprofit Organization? // *Chronicle of Philanthropy*. 2001. Vol. 13. № 16.
28. *Labov W.* Intensity // *Meaning, Form, and Use in Context: Linguistic Applications* / Ed. by D. Schiffrin. Washington, DC: Georgetown University Press, 1984.
29. *Light P.C.* Pathways to Non-Profit Excellence. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2002.
30. *Linden R.M.* Working across Boundaries: Making Collaboration Work in Government and Non-Profit Organizations. San Francisco: Jossey-Bass Publication, 2002.
31. *Lipsky M.L., Smith S.R.* Nonprofit Organizations, Government, and the Welfare State // *Political Science Quarterly*. 1989. Vol. 104. № 4.
32. *McClusky J.E.* Re-Thinking Nonprofit Organization Governance: Implications for Management and Leadership // *International Journal of Public Administration*. 2002. Vol. 45. № 1.
33. *Paynes J., Schrader A.* Human Resource Management for Public and Nonprofit Organizations. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publication, 1997.

34. Powell W.W., Friedkin R. Organizational Change in Nonprofit Organizations // The Nonprofit Sector: A Research Handbook / Ed. by W.W. Powell. New Haven: Yale University Press, 1987.
35. Ryan W.P. Is That All There Is? Searching for More Useful Governance Strategies Beyond the Board Room // The New England Nonprofit Quarterly. 1999. Vol. 6. No. 2.
36. Searle J.R. Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
37. Sinclair J. Corpus Concordance Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.
38. Smith-Lovin L. The Sociology of Affect and Emotion // Sociological Perspectives on Social Psychology / Ed. by K. Cook, C. Fine, J. House. N. Y.: Allyn & Bacon, 1994.
39. Wolf T. Managing a Nonprofit Organization. N. Y.: Irwin McGraw Hill, 1999.
40. Zuckerman M., Lubin B. Manual for the Multiple Affect Adjective Check List. San Diego: Educational and Industrial Testing Service, 1965.

Приложение

СЛОВАРЬ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

А

Активность [5] социальная, крайне низкая

Актриса [2] замечательная

Акция [25] благотворительная, мемориальная, социальная большая, крупная, неинтересная, непостоянная, разовая, совместная

Анализ [4] глубокий

Аппарат [1] государственный громоздкий

Аренда [19] самая скромная, меньшая

Артист [7] обездоленный

Атмосфера [14] живая, нездоровая, нормальная, приятная

Б

База [47] историческая, материальная, материально-техническая, спортивная, финансовая, школьная, крупная, серьезная, хорошая, широкая

Банкет [1] хороший

Болтовня [2] пустая

Бренд [3] красивый, хороший

Будущее [12] светлое ближайшее

Бумаги [18] чудовищные

В

Вакуум [4] культурный, нравственный

Вариант [20] встречный, негативный, хороший

Вещь [62] (отдельный предмет) новая (некоторое обстоятельство, социальный факт – «А вот грант для меня – не совсем понятная вещь»; «Профилактика – такая интересная вещь, что ее результаты пощупать нельзя»), исследовательская, криминальная, организаторская, теоретическая, интересная, красивая, негативная, неясная, понятная, полезная, правильная, уникальная, хорошая, фантастическая, ясная

* Словарь подготовлен по транскриптам интервью с представителями молодежных организаций. Совокупный текст ответов респондентов составил 97106 слов. В квадратных скобках указана частота встречаемости опорного слова в анализируемом тексте. В круглых скобках представлено пояснение словарной статьи, если слово полисемично или метафорично, а в словаре представлено в определенном значении, например виток (период времени). Прилагательные, уточняющие значение именной части словарной статьи, даны курсивом, например, аппарат государственный или группа музыкальная.

- Взносы** [36] *благотворительные, членские, небольшие, нерегулярные, номинальные, разовые*
- Виток** [2] (период времени) *качественный*
- Вливания** [6] *финансовые, мощные, небольшие, определенные, разовые, регулярные*
- Влияние** [9] *опосредованное, дурное, тлетворное*
- Внимание** [17] *определенное*
- Возможности** [71] *физические, финансовые, большие, очень большие, маленькие, новые*
- Возраст** [37] *детсадовский, дошкольный, младенческий, переходный, подростковый, рискованный, спортивный, старший, школьный, юношеский*
- Вопрос** [102] *жилищный, организационный, правовой, трудовой, финансовый, экономический, вечный, глобальный, интересный, липовый, объемный, острый, справедливый*
- Востребованность** [1] *высочайшая*
- Впечатление** [4] *жалкое, огромное, очень сильное, приятное*
- Враг** [5] *безоговорочный, критический, общий*
- Времена** [17] *советские, СССРэровские, давние, добрые, лучшие, старые, хорошие; российские, жесткие*
- Время** [154] *ближайшее, вечернее, внеклассное, внеурочное, внеучебное, другое, затраченное, зимнее, любое, настоящее, ночное, нынешнее, основное, оставшееся, последнее, разное, свободное, свое, советское, спортивное, эфирное, очень долгое, прекрасное*
- Выборы** [16] *прозрачные, чистые*
- Выставка** [12] *поисковая, небольшая*
- Выступление** [17] *собственное, показательное, успешное*
- Г**
- Глаза** [12] *горящие, колючие, смешные*
- Горы** [3] *золотые*
- Государство** [46] *наше, союзное, федеративное, единое, коррумпированное*
- Грант** *написанный* [49], *конкретный, серьезный*
- Группа** [88] *маленькая, бесплатная, возрастная, инициативная, музыкальная, раскрученная; социальная, незащищенная, уязвимая; партийная, рабочая, региональная, спортивная, нормальная; танцевальная, тренировочная, учебная, целевая, этническая, языковая*
- А**
- Движение** [29] *бардовское, земское, молодежное, вялотекущее, поисковое, политическое, ролевое, сильное*
- Девочка** [16] *конюшенная, хорошая*
- Девушка** [10] *красивая, молодая*
- Действия** [13] *антигуманные*
- Дело** [108]* *военное, личное, общественное, свое, подсудное, поисковое, уголовное, большое, великое, добровольное, интересное, конкретное, личное, определенное, основное, разовое, случайное, хорошее*
- Деньги** [135] *бюджетные, государственные, заработанные, карманные, наши, наработанные, спонсорские, целевые, адекватные, большие, конкретные, достаточно крупные, личные, маленькие, неплохие, постоянные, приличные, огромные, серьезные, случайные, смешные*
- Дети** [312] *наши, собственные, благополучные, веселые, глупые, интересные, очень маленькие, определенные, прекрасные, талантливые, творческие, хорошие*
- Деятельность** [119] *духовная, коммерческая, наша, общественная, общественно полезная, охранная, партийная, педагогическая, политическая,*

* Не подсчитывались фоновые словосочетания, например, *дело в том, что, на самом деле, другое дело*, а также собственные имена, например, *Министерство иностранных дел, Комитет по делам семьи и молодежи* и т.д.

- правозащитная, предпринимательская, своя, совместная, социальная, социально-адаптивная, спортивная, текущая, трудовая, туристическая, хозяйственная, уставная, активная, бесполезная, дорогая, духовная, многоплановая, общая, объединяющая, престижная, просветительская, разносторонняя, самостоятельная, формальная, хорошая, широкая*
- Дискоотека** [7] *студенческая*, крупномасштабная
- Дисциплина** [21] (подчинение определенному порядку) военная, железобетонная, минимальная; (отрасль знания) *военная, общеобразовательная, обязательная*, очень опасная
- Добро** [4] чистое
- Должность** [5] *офицерская*, номинальная
- Досуг** [5] постоянный, разовый
- Дух** [21] здоровый, нормальный
- Ж**
- Женщина** [18] взрослая, замечательная, коварная
- Животное** [10] высокое
- Жизнь** [98] *будничная, личная, общественная, общественно-культурная, общественно-политическая, повседневная, семейная, социальная, студенческая*, активная, бедная, большая, жестокая, интересная, красивая, реальная, серая, социальная
- З**
- Заблуждение** [1] огромное
- Заведение** [19] *военно-учебное, учебное*, серьезное
- Задача** [107] *двоякая, партийная, политическая*, выдернутая, главная, конкретная, немаловажная, нормальная, общая, первоочередная, самая крупная, частная, четкая, широкая
- Задумка** [5] *языковая*, расплывчатая
- Заинтересованность** [8] большая
- Закон** [58] *московский, новый, федеральный*, прекрасный, реальный
- Законодательство** [4] идиотское
- Зал** [17] *компьютерный, концертный, спортивный, тренировочный, школьный*, обычный
- Занятия** [61] *бесплатные, групповые, платные, спортивные, учебные, физические, шахматные, школьные*, ненужные, профессиональные, практические, систематические, углубленные, штучные
- Запас** [4] *материальный*, огромный, потенциальный, старый
- Заработок** [7] большой, реальный
- Зарплата** [7] копеечная, невысокая, нормальная, фантазмагорическая
- Затраты** [10] *дополнительные, единовременные, финансовые*, большие, основные
- Зерно** [1] (смысл высказывания) положительное
- Знакомство** [9] углубленное, более углубленное
- Знания** [29] глубокие, необходимые, предметные, профессиональные, функциональные, хорошие
- И**
- Игра** [62] *деловая, дедактическая, ролевая, социальная, театральная*, большая, интереснейшая, конкретная, крупномасштабная, малая, маленькая, объединяющая
- Идеалы** [2] *христианские*
- Идея** [75] главная, головная, инновационная, новая, достаточно интересная, исходная, коммунарская, коммунистическая, общая, основная, яркая
- Изменения** [5] *политические*, значительные, радикальные
- Изобретение** [2] *российское*, сумасшедшее
- Изучение** [10] глубокое
- Инициатива** [22] *личная, молодежная, социальная*, огромная
- Инстанция** [2] высокая
- Интеллект** [1] серьезный

Интерес [54] *депутатский, коммерческий, национальный, студенческий, большой, очень большой*

Информация [39] *доскональная, интересная, необходимая, полная*

К

Календарь [9] *(расписание соревнований) международный, официальный, насыщенный*

Кампания [12] *предвыборная, рекламная, дружная, крупная, небольшая*

Клуб [304] *диско, досуговый, военно-патриотический, детский, женский, исторический, коммерческий, компьютерный, литературный, молодежный, немецкий, ролевого моделирования, подростковый, специализированный, спортивный, судомодельный, театральный, туристический, шахматный, экологический, большой, действующий, добровольный, самый долгоживущий, изолированный, слишком крупный, мелкий, рабочий, центральный*

Количество [36] *безумное, большое, гораздо меньше, конкретное, огромное, крупнейшее*

Коллектив [34] *детский, педагогический, творческий, театральный, лучший, настоящий, сложившийся, хороший*

Коллекция [2] *самая большая*

Конкурс [22] *сложноватый*

Контакт [31] *деловой, личный, международный, первый, интересный, неплохой, серьезный, тесный, хороший, человеческий, достаточно широкий*

Конференция [20] *международная, отчетно-перевыборная, школьная, интересная*

Концепция [8] *градостроительная, педагогическая, воспитательная, древняя*

Конюшня [11] *гадюшная, нормальная, хорошая*

Красота [3] *сумасшедшая*

Кризис [7] *очень тяжелый*

Кружок [28] *(клуб, секция) детский, исторический, достаточно мощный, профессиональный*

Л

Литератор [1] *хороший*

Личность [9] *интересная, одаренная, талантливая, хорошая*

Лошадь [37] *любимая*

Люди [401] *внешние, молодые, пожилые, получающие мало, получающие много, православные, приходящие, русские, химически зависимые, активные, безответственные, более взрослые, веселые, власть придержащие, глупые, живые, знаменитые, избранные, известные, интересные, лучшие, очень милые, недовольные, необычные, ненормальные, неожиданные, более опытные, прекрасные, простые, профессиональные, разумные, реализовавшиеся, талантливые, творческие, увлеченные, умные, умудренные опытом, ущемленные, хорошие, достаточно честные, энергичные, яркие*

М

Мальчик [10] *хороший*

Манеры [3] *резкие*

Мастер [16] *(спорта, педагогического труда) хороший*

Масштаб [9] *(деятельности, финансовых возможностей) мелкий, широкий*

Материал [30] *аналитический, методический, научный, раздаточный, расходный, теоретический, достаточно большой, скандальный*

Мероприятие [128] *внутреннее, ежегодное, коммерческое, культурное, культурно-массовое, массовое, международное, охранное (обеспечение порядка, защиты), платное, публичное, районное, спортивное, общеорганизационное, региональное, тематическое, футбольное, юношеское, большое, значимое, интересное, конкретное, очень конкретное, крупное, первоочередное,*

- разовое, сложное, достаточно солидное
- Методика** [18] интересная
- Механизм** [2] серьезный
- Мир** [65] *внутренний, деловой, окружающий, собственный*, быстрый, взрослый, коммерциализированный, однообразный, реальный, стремительный, творческий, убогий
- Модель** [16] (уменьшенный аналог какого-либо объекта, например, авиамодель, судомодель) красивая, приятная, простейшая, современная, хорошая
- Молодежь** [210] *армянская, армейская, милицейская, немецкая, нынешняя, русскоговорящая, современная, татарская, трудовая, христианская*, здоровая, духовно полноценная, проблемная, гармонически развитая
- Момент** [80] *данный, критический, личностный, обрядовый, определенный, организационный, сегодняшний, содержательный, эгоистический, этический*, важный, настоящий, положительный
- Мужчина** [4] настоящий
- Н**
- Направление** [118] (деятельности организации) *антивоенное, антифашистское, коммерческое, культурное, новое, основное, спортивное, творческое, техническое, художественное*, интересное, основное, профессиональное, своеобразное, серьезное, хорошее, яркое
- Народ** [59] новый, бедный, неперспективный
- Находки** [2] интересные
- Начальник** [6] большой
- Начинание** [2] хорошее
- Негодяй** [3] хороший
- О**
- Обмен** [21] (двусторонние визиты сотрудничающих организаций) *двусторонний, международный, молодежный, студенческий, школьный*, спонтанный
- Образ жизни** [14] здоровый, конкретный, правильный, спортивный
- Образец** [1] великолепный
- Обстановка** [6] *окружающая*, демократическая
- Общение** [17] *межконфессиональное, межличностное, сетевое*, живое, перспективное
- Общество** [55] *гражданское, научное, спортивное*, неуправляемое
- Община** [5] *территориальная*, большая
- Объем работы** [14] большой, приличный
- Объятия** [1] дружеские
- Обязательства** [6] *особые*, жесткие
- Опыт** [47] (опыт работы, опыт инновации) *семейный*, бесценный, большой, горький, исторический, очень неудачный, печальнейший, положительный, реальный, очень успешный
- Организатор** [8] хороший
- Организация** [567] (группа людей) *бюджетная, военная, городская, государственная, зарегистрированная, зарубежная, иностранная, историко-военная, коммерческая, комсомольская, краевая, международная, молодежная, московская, национальная, неведомственная, некоммерческая, немецкая, оборонно-спортивная, образовательная, общественная, общественно-государственная, политическая, профсоюзная, региональная, российская, скаутская, социальная, спортивная, техническая, юридическая*, активная, бесконтрольная, большая, дееспособная, избранная, камерная, очень крупная, крутая, культурологическая, либеральная, маленькая, мелкая, мелковатая, мощная, независимая, нетипичная, неформальная, нормальная, открытая, наиболее подходящая, политизированная, реальная, самостоятельная, стихийная, страшная, фашистская, формальная
- Откат** [1] (возврат части полученных денег) черный

- Отношение** [45] (точка зрения или отношение к чему-либо, например, к деньгам, животным и т.д.) корректное, негативное, достаточно, философское, хорошее, четкое; (мн.ч. отношения – взаимосвязь разных предметов, сторон и т.д.) *межнациональные, семейные, финансовые, благополучные, дружеские*
- Отряд** [60] *детский, круглогодичный, поисковый* (поиск останков солдат, пропавших без вести во время Второй мировой войны) *студенческий строительный, студенческий оперативный, студенческий педагогический, студенческий сервисный, студенческий торговый, лучший*
- Отсев** [3] (исключение или выход из организации) большой
- Ощущение** [3] *интуитивное, подспудное, смутное*
- П**
- Парень** [4] сильный, хороший
- Перекус** [1] небольшой
- Период** [31] (времени) *зимний, летний, советский*, большой, очень активный
- Песня** [10] *авторская, народная, татарская*, новая
- Письмо** [17] *коллективное, вежливое*
- План** [43] (работы, соревнований) *ближайший, перспективный*, громадный, конкретный, небольшой, огромный, широкий
- Пласт** [3] (пространственное указание на объект работы, например: «*да и культура что, тоже достаточно большой пласт*») достаточно большой
- Площади** [9] (площади помещений, занимаемых молодежными организациями) небольшие, достаточно небольшие
- Площадки** [14] (специально оборудованные пространства на открытом воздухе для занятия спортом или проведения свободного времени) *гандбольные, городишные, городские, детские, школьные, пустые*
- Подвал** [7] грязный, страшный
- Поддержка** [49] *государственная, информационная, методическая, финансовая*, минимальная, мощная, нерегулярная, ограниченная
- Подростки** [42] трудные
- Позиция** [12] *гражданская, жизненная, политическая*, активная, человеческая
- Политика** [24] *большая, государственная, молодежная*, неправильная, согласованная
- Помещение** [92] *заводское, офисное, подвальное, полуподвальное*, большое, огромное, хорошее
- Помощь** [54] *материальная, правовая, реабилитационная, спонсорская, финансовая, юридическая*, мелкая, мизерная, разовая, совершенно реальная
- Поселок** [4] *ведомственный*, маленький
- Последствие** [3] непредсказуемое, неприятное
- Поход** [19] *водный, горный, туристический*, несложный, простой
- Почва** [1] (условия для реализации намеченных планов) благодатная
- Практика** [14] *спортивная*, удачная
- Предложение** [7] интересное
- Представление** [11] (точка зрения) адекватное, грубое (неточное), лучшее, бытовое, определенное, худшее
- Пример** [23] (случай, подтверждающий высказанное суждение) *личный*, адекватный, конкретный, одиозный, определенный, яркий
- Принцип** [8] главный, духовный
- Приработок** [1] хороший
- Приток** [3] (получение организацией какого-либо ресурса, например, приток денег, молодежи) единственный, непостоянный
- Причина** [23] *политическая*, объективная, простая
- Проблема** [110] *бытовая, женская, жилищная, инвалидная, личностная*

молодежная, нерешенная, психологическая, своя, финансовая, чужая, юридическая, самая большая, важная, великая, главная, очень интересная, надуманная, насыщенная, огромная, особая, рядовая, серьезная, стандартная

Программа [147] *вечерняя, городская, дополнительная, жилищная, культурная, молодежная, новогодняя, ночная, общеобразовательная, патриотическая, правительственная, профилактическая, психологическая, собственная, спортивная, стационарная, учебная, физкультурно-спортивная, целевая, школьная, экологическая, действующая, интересная, конкретная, огромная, огромнейшая, полная*

Проект [120] *информационный, коммерческий, пилотный, социальный, актуальный, альтруистический, большой, глобальный, интересный, конкретный, практический, реальный, сумасшедший, очень сложный, хороший*

Процедура [2] *простая*

Процесс [28] *воспитательный, миграционный, учебный, учебно-воспитательный, бесконечный, большой, непрерывный, крайне хаотичный*

Психика [4] *ненормальная*

Психология [10] *(индивидуальный способ восприятия мира) тусовочная*

Публика [3] *массовая, разношерстная*

Путь [22] *истинный, легкий*

Р

Работа [338] *аналитическая, архивная, бесплатная, внеурочная, внешкольная, внутренняя, военно-патриотическая, воспитательная, детская, досуговая, ежедневная, законодательная, идеологическая, клубная, краеведческая, кружковая, культурная, лекторская, методическая, милицейская, молодежная, общественная, оплачиваемая, организационная, организационно-методическая, партийная, подростковая, повседневная, поисковая, предварительная, просветительская,*

профилактическая, психологическая, семинарская, спортсменская, тренерская, туристическая, физическая, шестидневная, языковая, большая, внутренняя, главная, грязная, замечательная, интенсивная, интересная, качественная, колоссальная, лучшая, массовая, методичная, мощная, муторная, необъемная, неэффективная, непрофессиональная, огромная, огромнейшая, постоянная, практическая, продуктивная, профессиональная, прочная, расширенная, реальная, регулярная, рутинная, самостоятельная, серьезная, скучная, совместная, содержательная, сознательная, творческая, тесная, тонкая, фактическая, целенаправленная, четкая, эклектичная

Радио [6] *сарафанное*

Радость [7] *огромная*

Рамка [1] *(правило поведения) жесткая*

Ребенок [80] *шестилетний, маленький, нервный, светлый, тихий, чистый*

Ребята [246] *взрослые, заводские, молодые, православные, российские, благополучные, думающие, замечательные, запущенные, интеллигентные, культурные, лучшие, необученные, нормальные, обыкновенные, одинокие, отличные, развитые, талантливые, хорошие, читающие*

Режим [7] *почасовой, стационарный, трудовой, интенсивный, интересный*

Резонанс [1] *широкий*

Результат [33] *личный, педагогический, спортивный, конкретный*

Реклама [8] *социальная, хорошая*

Родина [5] *необъятная*

Родители [59] *богатые, необеспеченные, обеспеченные, пьющие, хорошие*

Роль [12] *(позиция в обществе, организации или группе) заболтанная, основная, решающая, очень серьезная, самая тяжелейшая*

Россия [108] *немытая, необъятная, нормальная*

Руки [11] *золотые, сильные*

- Руководитель** [34] *классный, научный, нормальный*
- С**
- Связи** [11] (личные или деловые отношения с людьми или организациями) *международные, хозяйственные, экономические, формальные, хорошие*
- Секция** [34] *историческая, певческая, спортивная, театральная, техническая, художественная, мощнейшая*
- Семинар** [81] *аттестационный, журналистский, информационный, компьютерный, международный, несколькодневный, образовательный, обучающий, профориентационный, танцевальный, театральный, учебный, экономический, большой, интересный*
- Семья** [30] *многодетная, молодая, профессиональная* (все члены семьи работают по одной специальности) *бедная, богатая, большая, благополучная, неблагополучная, плохая, хорошая*
- Сеть** [18] *антифашистская, банерная, компьютерная, международная, некоммерческая, большая, огромная*
- Сила** [7] *внутренняя, рабочая, добрая, колоссальная, разрушительная, созидательная, страшная, человеческая*
- Система** [52] (совокупность социальных, общественных или государственных организаций, например, система клубов, система образовательных учреждений) *клубная, общеобразовательная, большая, интересная, нормальная* (сложившийся порядок взаимоотношений, подкрепленный институциональными правилами и нормами, например: «*Эти организации мне звонят, а можно там это пару пионеров в детский хор церковный спеть что-нибудь. Там такая же система и возвращается. Они составляют отчетность в красивом виде и на это получают субсидию*»), *государственная, общественно-государственная, правовая, советская, хозяйственная, экономическая, юридическая, безобразная, жесткая, интересная, коррупционная, круговая, очень интересная, лучшая, очень сложная*
- Ситуация** [48] *деловая, игровая, историческая, политическая, социальная, большая, главная, жизненная, интересная, конкретная, конфликтная, определенная, реальная, стрессовая, чрезвычайная, экстремальная*
- Слова** [27] *добрые, матерные, нехорошие, ругательные, умные, художественные*
- Случай** [41] (событие, факт, иллюстрирующий высказанное респондентом суждение: «*Я помню, у меня был случай, когда мама привела пятилетнего шестилетнего ребенка на тренировку*», приводимый в качестве примера) *единственный, частный, интересный, курьезный, любопытный, редкий, смешной, уникальный*
- Смысл** [19] *здравый, традиционный, хороший*
- Сознание** [6] *заштампованное, патристическое*
- Сооружение** [4] *спортивное, хорошее*
- Соревнование** [75] *всероссийское, международное, официальное, плановое, российское, спортивное, крупное*
- Состав** [16] (группа людей) *офицерский, преподавательский, руководящий, дружный*
- Состояние** [29] (текущее положение дел) *финансовое, гармоничное, запущенное, зачаточное, нормальное, рабочее*
- Сотрудничество** [20] *международное, межкультурное, техническое, активное, интересное, перспективное, плодотворное, плотное, тесное*
- Специалист** [25] *молодой, привлеченный, высококлассный, хороший*
- Спонсор** [23] *случайный*
- Спорт** [162] *авиамодельный, детский, детско-юношеский, конный, массовый, молодежный, нетрадиционный, официальный, профессиональный, российский, студенческий, традиционный, андеграундный, белый, незрелищный, придворный, серьезный, элитный*

- Спортсмен** [30] *взрослый, молодой, ведущий, выдающийся, высококлассный, лучший*
- Способ** [16] *лучший, нехороший*
- Способности** [3] *неординарные, творческие*
- Среда** [23] *взрослая, информационная, молодежная, российская, социальная, спортивная, студенческая, чиновничья, школьная, благополучная, здоровая*
- Средства** [39] *бюджетные, материальные, собственные, спонсорские, большие, серьезные*
- Становление** [2] *творческое*
- Статус** [10] *всероссийский, государственный, религиозный, высокий*
- Стиль** [5] *нормальный, очень простой*
- Структура** [71] (взаимосвязь основных элементов организационного поля: подразделений организации, контрагентов, влиятельных внешних организаций, учреждений и институтов; может использоваться в качестве синонима организации) *государственная, криминальная, межрегиональная, молодежная, организационная, спортивная, коммерческая, юридическая, властная, влиятельная, вразумительная, всеобъемлющая, деструктивная, мощная, нежесткая, плохая, полноценная, реальная, сильная, сложная, нормально функционирующая, хорошая*
- Сумма** [7] *денежная, большая, маленькая, приличная*
- Схема** [8] *сложная, театральная, традиционная*
- Т**
- Термин** [5] *мягкий, общий, советский*
- Территория** [26] *очень интересная, не-большая, чужая*
- Тираж** [6] *маленький, приличный, скромный*
- Традиция** [26] *духовная, историческая, культурная, семейная, большая, глу-бочайшая, лучшая, очень сильная, худ-шая*
- Труд** [14] *общественно полезный, долгий, регулярный*
- Турнир** [24] *всероссийский, детский, меж-дународный, молодежный, российский, шахматный, крупный, объединитель-ный*
- Тусовка** [10] *ролевая (ролевые игры), без-духовная, большая, маленькая*
- У**
- Удовольствие** [10] *громадное, дорогое, дорогостоящее*
- Умиротворение** [1] *глубокое*
- Уровень** [23] (оценка качества дел, мероп-риятий, организаций или институтов; позиция в обществе, например, «*вый-ти на государственный уровень*», «*на муниципальный уровень*») *государ-ственный, муниципальный, сельский, высокий, достаточно высокий, новый, нормальный, стабильный, серьезный*
- Условия** [38] *жизненные, финансовые, армейские, взаимовыгодные, жесткие, искаженные, меняющиеся, неприемле-мые*
- Участие** [45] (принимать участие) *актив-ное, формальное*
- Учитель** [14] *школьный, очень искусный, творческий*
- Ф**
- Факт** [11] *очень значимый, исторический*
- Фестивали** [26] *молодежные, музыкаль-ные, спортивные, большие, всевоз-можные*
- Фирма** [21] *германская, коммерческая, юридическая, зубастая, молодая*
- Форма** [59] *архитектурная, игровая, ин-новационная, правовая, современная, организационная, учебная, громозд-кая, интересная, неплохая, новая, оп-тимальная, перспективная, сильная, удобная; физическая (физическое со-стояние, обычно спортсмена) хорошая*

Фундамент [5] *экономический*, очень хороший

Фуршет [2] хороший

Х

Характер [23] (особенности какого-либо дела, объекта, например, «*все наши начинания, мероприятия носят нормальный реалистический характер*») *дисциплинарный, конфессиональный, научный, политический, юридический*, зачаточный, казенный, исключительно конкретный, нормальный, реалистический, формальный; (характер человека) болезненный, сложный

Ц

Цель [109] *научная, рекламная, социальная, спортивная, учебно-образовательная, уставная* благая, большая, всеобъемлющая, достаточно высокая, идеалистическая, конкретная, четко обозначенная, достаточно обширная, основная, прагматическая, элементарная

Ценности [12] *демократические, культурные, нравственные, традиционные, христианские, человеческие*, высокие

Ч

Человек [343] *городской, европейский, молодой, новый, первобытный, пришлый*, банальный, безграмотный, белый, взрослый, верующий, интересный, образованный, опытный, открытый, понимающий, талантливый, уважаемый, хороший, цивилизный, чувственный, эмоциональный

Чиновник [22] самый простой, самый хороший

Членство [12] *постоянное, нефиксированное, фиксированное*, формальное

Члены [89] (организации) *будущие, коллективные, новые, официальные, рядовые*, активные, самые старые (долго работающие)

Ш

Школа [159] *авто, армянская, вечерняя, воскресная, детско-юношеская спортивная, литературная, миссионерская, московская, музыкальная, образовательная, избранная, неплохая, обычная*

Э

Эгоист [1] мощный

Эйфория [1] очень сильная

Эксперимент [3] интересный

Энергия [7] положительная

Энтузиазм [13] голый

Энтузиаст [8] большой

Эффект [2] видимый, нулевой, реальный

Я

Явление [2] неординарное

Ядро [3] (федерации или организации) действенное

Язык [46] *английский, казахский, немецкий, спортивный, татарский, французский*, ломаный, прагматический, простой, понятный, человеческий

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

.....

Е.А. Шестак*

Некоммерческие организации (далее – НКО) – это организации, не ставящие основной целью извлечение прибыли [4]. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, для охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. Они могут быть разделены на две основные группы [2]. Одни организации действуют в рамках определенных секторов экономической и социальной жизни общества, отстаивают права индивидов или определенных категорий населения. Их функция – содействовать решению конкретных проблем, возникающих в жизни общества, поэтому они могут быть названы проблемно-ориентированными. Именно такого рода организации получили распространение в современной России. Другой тип гражданских институтов непосредственно выполняет функцию обеспечения демократического характера политических отношений: диалога между властью и обществом, между большими социальными группами. Сфера деятельности таких институтов не ограничивается конкретными проблемами: здесь выявляется и формулируется совокупность социальных интересов и ценностей, вокруг которых могут объединиться массовые социальные общности, а затем соответствующие интересы и ценности транслируются в органы власти. Это структурные гражданские организации. К их числу относятся политические партии [5; 7], профсоюзы, предпринимательские организации.

Согласно официальной статистике, негосударственных и немунципальных некоммерческих организаций в стране на 1 января 2000 г. было 275 тыс.,

* Шестак Екатерина Александровна, исполнительный директор Общественного Совета по проблеме подросткового курения (по Краснодарскому краю и Республики Адыгея).

из них 70 тыс. вели активную реальную деятельность, в которой участвовало около 2,5 млн человек, включая штатных сотрудников и добровольцев [8, с.155, 156]. По оценке президента Института проблем гражданского общества, только штатных сотрудников и работающих по договорам в этих организациях задействовано примерно миллион человек, а «если еще учесть добровольцев... то получается пропасть народа» [3, с. 44]. Общероссийский опрос, проведенный во второй декаде сентября 2001 г., показал, что каждый пятый россиянин (21%) не только знает о существовании НКО, но и считает их деятельность полезной для таких людей, как он сам. А 6% респондентов утверждают, что знают, и еще 13% слышали о работе НКО в конкретных российских регионах. При этом создается впечатление, что «в чем-то осведомленные по данному вопросу» являются ближайшим социальным окружением информированных. Более того, судя по результатам июльского опроса, в котором 5% россиян назвали себя членами общественных организаций, можно полагать, что речь может идти о круге людей, имеющих непосредственное отношение к деятельности НКО. Иными словами, по меньшей мере пятая часть взрослого населения страны сегодня в той или иной степени соприкасается с результатами деятельности НКО [6].

Обычно в группе людей, которые собираются создать некоммерческую организацию, лидер появляется сам собой. Этот человек, берущий на себя ответственность за организацию, способен определить путь, по которому идти или предложить разные варианты. Для успешного лидера некоммерческой организации необходимыми качествами являются ответственность, уважение, взаимодействие. Выборы руководителя – дело тонкое. Очень сложно найти человека, сочетающего в себе все необходимые качества, поскольку выбирать приходится из малого числа людей. Структура некоммерческой организации хороша тем, что предполагает достаточно большую свободу в выборе формы управления. Для примирения интересов можно использовать такую руководящую связку, как председатель и сопредседатель или директор и художественный руководитель [1, с. 42].

Можно выделить несколько мотивов, которые приводят людей к созданию некоммерческой организации: решение личной проблемы; поиск новой работы; самореализация, поиск себя; реализация давно не дающей покоя идеи или невостребованного до сих пор профессионального мастерства; желание быть нужным, помочь людям.

Приведенный список далеко не полон. Более того, очень часто несколько интересов пересекаются в одном человеке. Для лидеров и активистов НКО доминирующим мотивом является свобода самореализации в социально значимой, социально ориентированной творческой деятельности, в работе «для других». Именно потому здесь чисто материальные мотивы (выживание, достаток) при всей их значимости вторичны по отношению к «постматериальным»: «Есть работа, которая интересна, какая бы ни была зарплата», «не всегда нужно и необходимо работать ради денег, потому что тогда будет неинтерес-

но» [3, с. 9]. А интересно то, что выходит за рамки «жизни для себя», служит решению какой-то проблемы общества: «Человек должен сам собой заниматься, насколько можно, и обязательно содействовать еще кому-то в чем-то... Вот несколько человек решили, что мне не нравится, что бегают по улицам беспорядочные дети, и что мы должны что-то с этим сделать. Кто это решил – это уже активный гражданин». Характерно, что, отвечая на вопрос о мотивах своей общественной деятельности, респонденты Фонда общественного мнения говорят не столько о личных интересах и склонностях, сколько об общественном значении тех конкретных проблем, которыми занимаются их организации [3, с. 9]. Социальная направленность мотивов свидетельствует о формировании в их среде культуры участия, представляющей собой несущую основу гражданской культуры. В делах и сознании лидеров НКО эта этика сливается с вполне «рыночным» практицизмом и установкой на ценности профессионального менеджмента – на «умение зарабатывать деньги». Социальная этика этих лидеров – не прекраснородушный идеализм, а ценностный ориентир практической деятельности, вписанной в условия и императивы становящейся рыночной экономики. И многие из них – не только социально активные люди, но и профессионалы некоммерческого сектора – феномен для России, несомненно, новый [3, с. 26–28].

Рассматривая каждого члена группы как уникальное сочетание интересов и талантов, можно соединить их так, что вместо разношерстной компании в итоге получится единая команда взаимодополняющих друг друга личностей. Ядро НКО обычно составляют несколько активистов, одержимых максимально добросовестным выполнением своего профессионального (если сфера деятельности НКО совпадает с их профессией – врачи, спасатели, юристы, экологи) или морального долга (работники социальной сферы, «поисковики»). Как правило, эти люди – отличные профессионалы. По мнению одного из экспертов, большинство сотрудников НКО можно разделить на две категории: «блаженные» и «европейцы» [6]. ««Европейцами» я называю людей, готовых к социальной активности в приемлемых социальных формах, готовых к самоорганизации, к отстаиванию своих целей не хитрым, византийским, путем, а открыто, по-европейски, сформировав некую платформу, требования и так далее. «Блаженный» – это категория людей, воодушевленных одной какой-то идеей. Временами формы их жизнедеятельности слишком девиантны, т. е. у них есть серьезный элемент отклоняющегося поведения. Человек вырывается из нормального социального контекста. В этом случае его деятельность оборачивается во вред и может скомпрометировать НКО. Надо бояться фанатов в этой сфере» (эксперт, Москва).

По мнению другого эксперта, костяк НКО складывается из двух категорий людей. Во-первых, это «пострадавшие», т. е. те, кто «сам на себе испытал тяжесть какой-то проблемы. Они хотят изменить ситуацию, выйти из нее. Это движет ими». Во-вторых – «неравнодушные», т. е. люди, вполне благополучные с точки зрения социальной защищенности, общественного положения и мате-

риальной обеспеченности, «но они не могут равнодушно смотреть, что не решается данная проблема. Такие люди понимают решение данной проблемы как свое предназначение, как дело своей жизни. Высшая награда для них – увидеть результаты своего труда» (эксперт, Москва) [6].

Организации необходимо иметь работающее правление. Для этого в составе должно быть несколько человек, каждый из которых несет персональную ответственность за определенную часть работы. Особенно это важно для добровольного общества, где никто не получает зарплату. В любой организации должен быть руководитель, отвечающий за само существование организации, ее успешность и развитие. Помимо подписания бумаг, он отслеживает работу сотрудников или членов правления, предлагает новые идеи для развития, ведет переговоры. Важно, чтобы в компетенции руководителя не было слишком много вопросов, особенно мелких.

В некоммерческой организации может быть два человека, отвечающих за финансы. Это фандрайзинг-директор, или человек, отвечающий только за сбор средств, и главный бухгалтер или финансовый директор. Сбор средств для некоммерческой организации – профессиональное занятие, которому надо учиться. Не все организации могут себе позволить иметь штатного фандрайзинг-директора. Даже если человек работает добровольно, на общественных началах, и тратит только часть своего рабочего времени на организацию, все это время должно уходить на сбор средств. Обязательно должна присутствовать должность бухгалтера. И если нет возможности нанять фандрайзинг-директора, бухгалтер может выполнять его функции.

При наборе людей следует заранее определить срок их работы. Если штат набирается на годовой исследовательский проект по гранту и через год придется всех уволить, соответственно надо подбирать людей, которым будет комфортно работать в такой ситуации. Необходимо четко обрисовывать перспективы. Если продолжительность работы в организации для сотрудника будет находиться в прямой зависимости от его способностей по поиску средств, обеспечению рекламы программы, способности создать что-то новое, уникальное, надо не только объяснять это кандидатам, но и подбирать таких людей, которые на все это способны. Если проект рассчитан на долгую перспективу, если подобраны люди, которые смогут лично и профессионально соответствовать требованиям руководителя, необходимо обрисовать им их личные перспективы профессионального и карьерного роста, перспективы развития. Без этого обеспечена текучесть кадров [1, с. 42].

Деньги – вопрос, который всегда возникает при подборе людей. Если у НКО есть финансы на выплату зарплаты, остается только из нескольких претендентов выбрать тех, кто удовлетворил бы руководителя, и кого удовлетворили бы условия. Если же денег на зарплату нет, надо решить, будут ли деньги в будущем. Бывает так, что начинающая организация не имеет средств на выплату зарплаты, но в перспективе предполагает ее выплачивать. Все сотрудники ра-

ботаю на то, чтобы зарплата была. Соответственно, подбирая людей, нужно объяснить им, что, во-первых, зарплата будет; во-вторых, она будет, например, через полгода или год; в-третьих, могут ли они повлиять на сокращение срока работы без оплаты и каким образом. Если не известно, где взять деньги и появятся ли они вообще, лучше не обещать вовсе. Если денег нет и не будет или создание штатной структуры не предполагается, находят людей, которые согласятся работать без зарплаты, т.е. добровольцев. Конечно, придется многим пожертвовать. Добровольцы часто не имеют возможности работать полный рабочий день пять раз в неделю. Соответственно в плане и графике руководителя должны учитываться особенности работы с бесплатными помощниками.

Наконец, при подборе штатных сотрудников и добровольцев стоит помнить, какого размера должна достигнуть организация. Будет ли она расширяться и как быстро, будет ли создавать филиалы? Людям очень важно знать, где, в какой организации они будут работать через несколько лет, а руководителю – сколько людей еще потребуется и как они будут взаимодействовать между собой [1, с. 44]. Работников по договорам и контрактам в НКО мало: «Штатных единиц у нас – две. А по тем или иным делам подключаются специалисты. С нами сотрудничают юристы, профессора, доценты, кандидаты наук, преподаватели, депутаты Государственной Думы. По проектам, по договорам подключается около 50 человек» (эксперт, Липецк) [6].

В среде НКО слово «команда» пока используется редко. При этом оно отличается от политического понятия – для некоммерческой организации совсем не обязательно, чтобы команда создавалась лидером, «под лидера» и только лидеру была предана. Для некоммерческой организации – это группа людей, вдохновленных одной идеей, сплоченных и, главное, способных эффективно взаимодействовать между собой для реализации своей программы или достижения цели. Такая команда может многое сделать и помочь организации преодолеть трудности [1, с. 50]. Чтобы создать эффективную работающую команду, необходимо сочетание нескольких факторов: все члены команды разделяют идею, цель организации или заинтересованы в ее программе; учитываются интересы каждого участника; не покрываются недостатки; не допускается: 1) осуждение от имени коллектива; 2) использование команды или чувств, преданности людей в своих личных интересах (особенно важно для лидера); 3) решение принципиальных вопросов без обсуждения, приказным порядком.

Без иерархии и власти любая организация, даже созданная близкими друзьями, не будет нормально функционировать. Руководитель должен брать на себя ответственность за решения, требовать их выполнения от других, устанавливать ряд внутренних правил, чтобы добиться дисциплины. Но принципиальное отличие демократического руководства от диктаторского в том, что руководитель при построении работы учитывает, насколько это возможно, интересы каждого человека, его способности, личные обстоятельства. Он не руководит ради руководства, не власть над людьми его первая цель, а эффективность в реализации проекта. Поэтому хороший руководитель, если ситу-

ация не требует мгновенного решения, обсуждает принципиальные вещи с командой, способен принять чужую точку зрения, чужое мнение, пусть даже это будет мнение подчиненного. Он способен слышать критику в свой адрес, анализировать ее и принимать во внимание. Чтобы добиться успеха, руководитель должен использовать любую возможность, чтобы дать сотрудникам шанс повысить свое профессиональное мастерство, научиться чему-то новому [1, с. 60]. Если в сотруднике есть хоть какой-то потенциал, необходимо повышать степень его ответственности, давать ему постепенно все более серьезные поручения, постоянно наблюдая за процессом. Многие сотрудники способны стать лидерами, вести самостоятельно программу или проект. Основа такой политики – доверие, в том числе доверие на перспективу. Однако оно требует поддержки, обучения, обмена опытом, предоставления возможностей получить новые знания. Некоммерческие организации зиждутся на инициативе, поэтому любое проявление самостоятельности, инициативы, попытки выработать самостоятельное решение в сложной ситуации должны поощряться, получать публичное одобрение.

Людской ресурс – самый главный для некоммерческой организации. При этом, в отличие от государственной или коммерческой структуры, он не ограничивается только числом учредителей или оплачиваемых сотрудников. Здесь могут быть бесплатные добровольные помощники. С общественными организациями сотрудничают волонтеры. Последние, в частности, привлекаются к участию в различных акциях. Доброволец – это человек, работающий в некоммерческой организации бесплатно. Он не получает материальной поддержки в виде зарплаты, однако он имеет что-то другое – развитие своих способностей, моральное удовлетворение, чувство, что он нужен кому-то, что может приносить пользу, новые знания и т.д. Чтобы эффективно использовать труд добровольцев, необходимо заранее определять, где они могут быть полезны, учитывать их интересы, желания, возможности, в том числе и по временной нагрузке, место жительства, физические возможности, образование. Если услуги добровольца пока не нужны, его не следует отталкивать. Он может пока подготовиться к работе, выполняя какие-то небольшие поручения. Необходимо четко формулировать обязанности и ответственность добровольца, относиться к нему как к коллеге, постоянно благодарить его и поощрять успехи, обеспечить возможность продвижения в организации, получение опыта [1, с. 63].

Для работы с добровольцами нужны гибкость и чувство ответственности, умение взаимодействовать и доверять людям. «Добровольцы руководствуются или религиозными соображениями, или семейными традициями, или желанием видеть результаты своего труда, желанием заниматься делом, которым не удастся заниматься по своему профессиональному направлению» (эксперт, Москва) [6]. Именно волонтеры являются основной рабочей силой НКО. Чаще всего на добровольной основе в некоммерческих организациях работают пенсионеры, студенты и школьники. «Помогают пенсионеры – люди с жизненным

опытом и высокой квалификацией, студенты. Студенты у нас проходят практику» (эксперт, Липецк) [6].

Добровольцами могут стать спонсоры. Для них этот вариант – один из способов поддержки, если в данный момент они не могут дать денег. Руководитель фирмы не всегда поможет деньгами, но он даст свое имя, позвонит другим, посоветует, что делать. Сотрудники фирмы в свободное время могут выполнять работу, даже не связанную с их основной деятельностью. А некоторые компании дают сотрудникам оплаченное время в рабочие часы, чтобы помочь благотворительной организации, например, в подготовке детского праздника. Так же работать в некоммерческих организациях на добровольных началах могут специалисты. Их профессиональные взгляды на проблему должны совпадать или во всяком случае не находится в конфликте со взглядами руководителя; им должна быть обеспечена возможность профессионального или научного роста. Добровольцами могут быть чиновники как частные лица. Важно, чтобы их мотивом не было желание контроля над организацией со стороны администрации. Дети и подростки составляют большую часть волонтеров [1, с. 69–70]. Главное, чтобы работа в организации не шла в ущерб учебе, не была однообразной; в каждом деле, которое им доверяется, было место инициативе, самостоятельным решениям и персональной ответственности; их участие в программах согласовывалось с родителями и учителями; работа была безопасной в физическом и психическом смысле; четко определялись способы поощрения.

Добровольными помощниками могут оказаться и те, кому организация оказывает помощь. Это иногда пациенты клиники или слушатели образовательного центра, иногда родители клиентов. Многие благотворительные организации в Москве, например, фонд «Душа человека» и «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), сформировали группы поддержки из самих нуждающихся в помощи и их родных, которые и следят за выполнением программы, и готовят мероприятия. В случае с фондом «Душа человека» – это душевнобольные, НАН работает с алкоголиками и наркоманами. При этом, например, в фонде «Душа человека» сами больные дежурят на телефоне, следят за порядком, набирают тексты на компьютере. В Санкт-Петербургском фонде «Ночлежка», помогающем бездомным, многие обязанности выполняют сами бомжи, среди которых есть и талантливые инженеры, и врачи, и профессиональные рабочие. Руководители НКО приводили примеры, когда люди, первоначально являвшиеся объектами опеки со стороны НКО (дети-сироты, инвалиды, социально неблагополучные индивидуумы), впоследствии сами включались в благотворительную деятельность и принимали участие в работе общественных организаций. «Благополучателей несколько сотен семей. Как только детям моим становится 18 лет, тут же я их принимаю в члены, но только тех, кто принимает деловое участие. И когда у меня есть средства, я их стараюсь принять на работу, но когда средств нет, я им не плачу» (эксперт, Москва) [6].

Опыт успешных членских организаций в России показал, для членов организации самое важное – иметь веру в успех, которую руководство общества

или ассоциации должно постоянно поддерживать; видеть, что цели, которые ставит перед собой организация или конкретная программа, реальны и достижимы; знать этапы, которые ведут к достижению цели. Важно не забывать говорить «Спасибо», отмечать каким-нибудь веселым праздником прохождение каждого этапа (например, если удалось отремонтировать помещение для музея ветеранов Афганистана, соберите всех добровольцев, кто принимал в этом участие, отпразднуйте это событие, даже если впереди еще море работы). Тогда каждый доброволец будет чувствовать свою причастность к общему делу и поверит в то, что оно выполнимо [1, с. 73].

Итак, люди и работа с ними – главное и основное условие выживания общественной организации. Поскольку штат постоянных сотрудников обычно немногочисленен, особое внимание здесь следует уделять работе с добровольцами. От того, насколько качественно будет проводиться их отбор, зависит эффективность работы НКО. Без хорошей внутренней атмосферы, слаженности в работе никакие связи и возможности не помогут.

Библиографический список

1. *Алексеева О.* Третий сектор, или благотворительность для «чайников». М., 1997.
2. *Дилигенский Г.Г.* Существует ли в России гражданское общество? 11.10.2001 // www.fom.ru.
3. Интервью с президентом Института проблем гражданского общества М.А. Слободской // Повседневность некоммерческих организаций. ФОМ. 2001. 17 июля.
4. О некоммерческих организациях: Федеральный закон РФ от 12.01.96 // Собрание законодательства РФ. 1996. №3.
5. *Перегудов С.П.* Гражданское общество в политическом измерении // МЭ и МО. 1995. № 12.
6. *Петренко К.* Общественные организации России. (Вторичный анализ результатов массового опроса россиян и ДФГ в июле, а также диктофонных интервью с активистами НКО в июле и августе 2001 г.) // www.fom.ru.
7. *Холодковский К.Г.* Политические партии России // Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998.
8. *Якимов В.* Создание работающих механизмов социального взаимодействия – шанс для возрождения России // Профessionалы и сотрудничество. М., 2000. Вып. 4.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ЭМИЛЯ ДЮРКГЕЙМА

Подвойский Д.Г.*

Понятие социального факта

Социология как специфическая разновидность социальной теории своим возникновением обязана сциентистски-натуралистической методологической программе. Э. Дюркгейм не просто продолжает эту интеллектуальную традицию, но и стремится возвести ее аргументацию и притязания на качественно новый уровень. Его творческие усилия в этом направлении в значительной степени определялись общей ситуацией, сложившейся в методологии социально-гуманитарного знания на рубеже XIX–XX вв.

За исходную единицу социологического анализа Дюркгейм принимает понятие социального факта. Он дает следующее определение данного понятия: «Социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [1, с. 421].

Нетрудно заметить, что в приведенном определении социальный факт наделается двумя атрибутивными характеристиками. Первая – это способность оказывать на человека принудительное воздействие, вторая – действительное существование, независимость от собственных индивидуальных проявлений. В сущности, именно в этой дефиниции заключено *profession de foi* всей дюркгеймовской социологии. В ней на самом деле выражена довольно простая

* Подвойский Денис Глебович, канд. философ. наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов. E-mail: dpodvoiski@yandex.ru.

Настоящая статья представляет собой сокращенный вариант главы из готовящейся к изданию книги: Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии: Учебник для вузов. М.: Новый учебник, 2004. Книга написана при поддержке Национального фонда подготовки кадров – проект «Комплексное совершенствование форм и методов организации учебного процесса в рамках системы социологического образования»; Тех. задание № Е/А.22/00-1-129.

мысль: общество представляет собой объективный факт, некую данность, навязанную людям, обладающую реальной возможностью и силой воспроизводить себя вне и независимо от конкретных ситуационных изъятий их индивидуальной воли. Социальный факт живет своей «не вполне человеческой» жизнью в согласии со своими «не вполне человеческими» законами. В концепции Дюркгейма общество наделяется чертами над- или сверхиндивидуальной реальности. В своей назойливой фактичности общество мало чем отличается от природы – оно есть, оно существует вне нас, и мы не в силах противостоять ему в своем повседневном поведении и мыслях. Оно постоянно, ежеминутно и ежесекундно давит на нас – давит приблизительно в том же смысле, в каком атмосферный столб давил на влюбленного в Зосю Синицкую Остапа Бендера. В большинстве случаев «нормальные», социализированные индивиды просто не замечают этого давления, однако на данном основании едва ли стоит сомневаться в самом его существовании.

Чтобы отбросить всякие сомнения на сей счет, можно провести нехитрый эмпирический или мысленный эксперимент. Попробуйте в типовой ситуации совершить некий нетиповой поступок, нарушить «правила игры». Скорее всего, реакция общества последует незамедлительно. Стоит только человеку возжелать пойти своим путем, вопреки обществу, по дороге, движение по которой не предусмотрено в масштабах социально структурированного пространства здесь и теперь существующего нормативного порядка, так тут же он начнет ощущать на себе пристальный и, скорее всего, не слишком дружелюбный взгляд со стороны своего окружения. Если же он и далее будет упорствовать в своем нежелании идти проторенными дорогами, то, по всей вероятности, ему придется испытать на себе всю мощь неудовольствия, на которую только будет способен «оскорбленный им» социальный факт. Проще говоря, в отношениях между человеком и обществом повсеместно действует знаменитый стоический принцип: послушного судьба (социальный факт) ведет, упрямого – тащит. Человек рождается – общество уже существует, человек умирает – общество остается. Общество сильнее индивида, сильнее каждого из нас; логика и механизмы его жизнеутверждения заключены в нем самом, а не в единицах, его составляющих.

Морфологические социальные факты и коллективные представления

Э. Дюркгейм выделяет две важнейшие разновидности социальных фактов. Таковы факты морфологические и факты, относящиеся к сфере коллективного сознания (последние он называет коллективными представлениями). К области социально-морфологических явлений ученый относит весь комплекс объективированных продуктов ассоциированной деятельности человеческого рода. Иначе говоря, речь в данном случае идет о структурно-вещественном компоненте социальной жизни. Сюда относятся, в частности, демографические параметры общества (рождаемость и смертность, половозрастная структура), миг-

рациональные потоки, процессы урбанизации и их последствия, территориальное распределение людских и материальных ресурсов, интенсивность социальных контактов и т.п.

Но общество существует не только вне, но и внутри нас. И это внутреннее, «духовное» измерение общества состоит из особого рода фактов – фактов ментально-психологических, которые Дюркгейм называет коллективными представлениями. «В любом обществе, – пишет он, – существует некоторое множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни. Таковы народные легенды, религиозные традиции, политические верования, язык и т.п. Все это явления психологического порядка, но они не относятся к индивидуальной психологии, поскольку выходят далеко за пределы индивида» [2, с. 190]. Они всегда существуют в конкретных индивидах, но эти самые индивиды никогда не являются их действительными создателями. Они присутствуют в сознании людей в интернализированном виде, поэтому люди считают их «своими» («своей собственностью», своим духовным достоянием). На самом же деле в роли их источника выступает общество как особая интерментальная среда жизни человека и человечества. Люди верят в Бога или богов, разделяют некие убеждения, у них есть определенное мировоззрение, формирующее их жизненную позицию, они высказывают те или иные суждения относительно тех или иных вопросов, имеют собственные политические взгляды, являются носителями определенного образа мыслей и чувств. Они воспроизводят в своем поведении конкретные обычаи и традиции. Однако они не являются свободными творцами упомянутых культурных форм. Индивидуальные новации в их производстве не играют почти никакой роли. В этом процессе и через этот процесс общество творит самое себя, оставляя за индивидом скромное право (и «привилегию») на реализацию и исполнение могущественной, онтологической суверенной общественной воли.

Правила наблюдения социальных фактов

Дюркгейму, бывшему по стилю своего мышления «завзятым рационалистом», как автору, работавшему в картезианско-кантианской манере, излагавшему свои идеи в жанре систематического трактата, представлялось совершенно очевидным, что определение предмета любой науки подразумевает в качестве необходимого к себе дополнения формулировку ряда методологических требований – требований, обеспечивающих соответствие конкретного исследовательского процесса предварительно определенному стандарту научности. Рассуждения Дюркгейма о такого рода «познавательных принципах» содержатся в его знаменитых «Правилах социологического метода». В этой работе описывается несколько разновидностей указанных методологических правил и, в частности, правила, относящиеся к наблюдению социальных фактов.

Основным императивом для ученого-социолога, приступающего к изучению некоего общественного явления или процесса, должно стать правило, гласящее: «социальные факты нужно рассматривать как вещи» [1, с. 421]. Разъясняя свою мысль, Дюркгейм пишет: «...социальные явления суть вещи, и о них нужно рассуждать как о вещах. Для того чтобы доказать это положение, не обязательно философствовать об их природе, разбирать их аналогии с явлениями низших миров. Достаточно указать, что для социолога они составляют единственное datum. Вещью же является все то, что дано, представлено или, точнее, навязано наблюдению. Рассуждать о явлениях как о вещах – значит рассуждать о них как о данных, составляющих отправной пункт науки. Социальные явления бесспорно обладают этим признаком» [1, с. 432].

Действительно, если социальные факты являются настоящими фактами, т.е. если они рассматриваются как существующие вне индивидуального сознания, то это означает, что они могут исследоваться так же, как явления природы, как некие данные нам в наблюдении эмпирические объекты. Все, что существует вне нас, в гносеологическом смысле может быть названо вещью, и это означает, что на данную вещь может быть направлен отвлеченный (этически и мировоззренчески индифферентный) исследовательский интерес познающего субъекта.

Правда, в исследовательской практике социальных наук процедура соблюдения обозначенного правила осложняется одним немаловажным обстоятельством: социолог сам является членом общества, т.е. частью того самого объекта, который ему предстоит изучать. Здесь субъект включен в объект, погружен в него. В связи с этим возникает естественный вопрос: способен ли социолог сохранить объективность собственного взгляда в процессе исследования общественно-исторических явлений (среди которых многие неизбежно будут задевать в том или ином, положительном или отрицательном смысле его человеческие чувства)? Про социолога, как и про всех прочих людей, живущих на земле, можно сказать *homo sum, humani nihil a me alienum puto*. Сможет ли социолог, изучающий общество, превратить свой разум в неприступную крепость для обуревающих его (как его собственных, так и посторонних) страстей и эмоций?

Дюркгейм, нимало не колеблясь, отвечает на эти вопросы утвердительно. Социолог по отношению к изучаемому им факту должен занять позицию, подобную позиции инопланетянина – смотреть на мир со стороны, не огорчаться, не радоваться, но объяснять течение событий в их законосообразной определенности. Для этого необходимо отвлечься от любых вненаучных соображений, отказаться от всевозможных апелляций типа *ad hominem*, внутренне преодолеть давление этики, идеологии, стереотипов обыденного сознания и прочих глашатаев разного рода «ненадежных истин». В своей исследовательской деятельности социолог обязан «систематически устранять все предположения... Нужно... чтобы социолог, и определяя предмет своих изысканий, и в ходе своих доказательств, категорически отказался от употребления таких понятий,

которые образовались вне науки, для потребностей, не имеющих ничего общего с наукой. Нужно, чтобы он освободился от этих ложных очевидностей, которые тяготеют над умом толпы, чтобы он поколебал раз и навсегда иго эмпирических категорий, которое привычка часто делает тираническим. И если все же иногда необходимость вынудит его прибегнуть к ним, то пусть, по крайней мере, он сделает это с сознанием их малой ценности, для того чтобы не отводить им в доктрине роли, которой они недостойны» [1, с. 435–436].

В начале исследования социальный факт должен представляться социологу как своего рода *terra incognita*. Данная точка зрения возникает как результат систематического элиминирования предпонятий. Тогда реальность факта предстанет перед нами в незамутненном виде – такой, какова она есть на самом деле. Лишь в случае принятия обозначенной позиции выводы, которые сделает социолог из своих наблюдений, будут удовлетворять требованиям подлинной научной объективности.

Социальные факты, в отличие от фактов, изучаемых в разных областях естествознания, являются фактами «по человечески значимыми» для социолога, как и для всех остальных людей. Но это обстоятельство, по мнению Дюркгейма, ровным счетом ничего не меняет в отношении исследователя-социолога к своему объекту. Эмпатия, интроспекция и прочие альтернативные естественнонаучной формы методологии – плохие помощники для социолога. Они «сбивают его с пути истинного», направляют его исследовательский поиск по тупиковому маршруту. Наука перестает быть наукой, подпадая под влияние чар субъективизма. От этого искушения, везде и всюду преследующего социолога, можно предохраниться одним единственным способом, а именно, как уже было сказано, рассматривать социальные факты как вещи. Метод естественных наук по сути своей универсален, и социология в ряду других эмпирических научных дисциплин в этом отношении не может и не должна быть исключением. У нас есть факты, данные нам в наблюдении. Они включены в определенные естественные причинно-следственные ряды, описание и теоретическая артикуляция которых собственно и является основной задачей ученого. Поэтому социолог по возможности стремится абстрагироваться от смысловой нагруженности собственного предмета, максимально сосредоточивая свое внимание на установлении объективных каузальных связей и зависимостей, характеризующих внутреннюю структуру изучаемого им сегмента эмпирической действительности.

Типы солидарности и разделение общественного труда

Дюркгейм был, конечно, не только методологом социологии, но и социологом в собственном смысле. В его работах мы находим постановку и разрешение значительного числа проблем, относящихся к содержательной составляющей общественно-научного знания. Так, свою докторскую диссертацию «О разделении общественного труда» французский ученый посвящает одной из ключе-

вых для новоевропейской традиции социальной теории тем – теме социального порядка и условий его поддержания и воспроизводства. Речь здесь идет о комплексе базовых теоретических вопросов, который получил впоследствии обобщающее наименование гоббсовской проблемы.

Как возможно общество? Почему люди, увлекаемые в своей жизни столь различными устремлениями и интересами, все же продолжают «жить вместе» и сотрудничать в рамках тех или иных форм ассоциации. Почему общества не распадаются на локальные и атомарные компоненты? Как поддерживается социальное единство в масштабах группы и общества в целом? В своей концепции разделения общественного труда Дюркгейм пытается ответить на все эти тесно связанные между собой вопросы. Ход его рассуждений (если рассматривать только уровень общей стратегии мысли) довольно прост и может быть легко реконструирован в нескольких последовательных формулировках.

Социальный порядок цементируется изнутри благодаря существованию межчеловеческой солидарности. Солидарность есть элементарное условие и предпосылка всякой социальной связи; узы солидарности скрепляют социальные единства большого и малого объема, обеспечивая историческое воспроизводство их структур. Солидарность, по Дюркгейму, бывает двух видов – механическая и органическая. Эти типы солидарности в их отношении к востребуемым ими свойствам индивидов характеризуются автором разбираемой концепции следующим образом: «...Эта (механическая. – Д.П.) солидарность возрастает в обратном отношении к индивидуальности. В каждом из нас... есть два сознания: одно, общее нам со всей нашей группой, которое, следовательно, представляет собой не нас самих, а общество, живущее и действующее в нас; другое, наоборот, представляет собой то, что в нас есть личного и отличного, что делает из нас индивида. Солидарность, вытекающая из сходств, достигает своего максимума тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю... Совсем иначе обстоит дело с солидарностью, производимой разделением труда (органической. – Д.П.). В то время как первая требует, чтобы индивиды походили друг на друга, последняя предполагает, что они друг от друга отличаются. Первая возможна лишь постольку, поскольку индивидуальная личность поглощена коллективной; вторая возможна только при условии, если всякий имеет свою собственную сферу действия, а следовательно, и личность» [1, с. 126–127].

Данный отрывок заключает в себе простую мысль: человеческие индивидуумы объединяются между собой, создают определенные формы ассоциации либо потому, что они походят друг на друга, либо потому, что они друг от друга отличаются. Иначе говоря, во вселенских масштабах социального космоса притягиваются друг к другу не только подобные, но и различные элементарные частицы. Механическая солидарность – более ранняя и более примитивная форма солидарности. Она основана на сходствах. Органическая солидарность порождается разделением труда (последний термин употребля-

ется Дюркгеймом в расширительном, не узко экономическом значении). Эта разновидность социальной солидарности появляется лишь в относительно развитых обществах и по ходу исторического развития все более вытесняет солидарность механическую. Социальные единства, основанные на сходствах, с течением времени уступают место социальным единствам, основанным на разнообразии. Органическая солидарность базируется на принципе комплиментарной связи, утверждающем приоритет отношений гармонической взаимодополнительности между частями в рамках некоего составного целого. Органическая солидарность порождает более прочные и устойчивые социальные образования, поскольку добровольное и сознательное «согласие разногласного» интегрирует общественную систему лучше, чем принудительное и искусственное «согласие однородного». Связь двух (и более) цивилизованных индивидов, вовлеченных в разные профессиональные сферы, организуемая в соответствии с принципом «я заинтересован в продуктах деятельности другого, он заинтересован в продуктах моей деятельности», есть связь более сильная и надежная, нежели связь двух (и более) самодостаточных в своей архаической «житейской универсальности» дикарей.

Органическая солидарность является более предпочтительной и более прогрессивной формой социальной связи, поскольку она способствует развитию индивидуальности, реализации творческих потенций человека как субъекта общественных отношений. Примитивные общества подавляли человеческую свободу, современные же общества, напротив, благоприятствуют всевозможным ее проявлениям. Каждый индивид реализует себя в современном обществе, утверждая свою принципиальную личностную самобытность через выбор определенной профессии, политических убеждений, мировоззрения, эстетических вкусов, формы проведения досуга и т.д. Современное общество оставляет за человеком право «быть непохожим на других». То есть речь здесь идет именно о социально санкционированной свободе – свободе благодаря обществу, а не вопреки ему.

Дюркгеймовское понятие «разделения труда» фактически имеет то же значение, что и (более употребляемое в социологической литературе) понятие социальной дифференциации. При этом ученый задается вопросом, почему в реальной эмпирической истории наблюдались и наблюдаются обозначенные процессы, откуда и при каких обстоятельствах появился сам прецедент органической солидарности, почему люди вдруг, ни с того ни с сего, стали развивать специализацию собственной деятельности. Дюркгейму нужно было найти какую-то значительную (непреренно объективную) причину, которая была бы способна объяснить указанную историческую тенденцию, причем причину именно социального происхождения. В данном пункте своих рассуждений Дюркгейм вводит вспомогательные понятия материальной и моральной плотности. Материальная плотность есть не что иное, как физическая плотность населения, характеристика количества индивидов, проживающих на определенной территории. Моральная же плотность есть «величина», фиксирующая

частоту и интенсивность социальных контактов, в которые вступают данные индивиды на данной территории.

Дюркгейм утверждает, что и материальная, и моральная плотность по ходу исторического развития обнаруживают тенденцию к росту. Это означает, что численность населения в очагах цивилизации растет, люди живут «кучнее», вступают во взаимодействие (в том числе и по поводу дефицитных ресурсов) чаще, потенциальное и актуальное конкурентное давление внутри общества усиливается, и как итог – люди сталкиваются с необходимостью выработки и освоения новой модели социальной адаптации. Борьба за место под солнцем на определенном этапе социальной эволюции приобретает качественно новую форму: чтобы выживать и преуспевать, нужно совершенствоваться в том или ином практическом искусстве, нужно научиться удовлетворять своей специализированной (профессиональной и т.п.) деятельностью ту или иную общественно значимую потребность. Конкуренция навыков и умений как принцип функционирования систем человеческого общежития берет верх над конкуренцией силы. От этой воображаемой точки, собственно, и берет свое начало историческая генеалогия феноменов разделения труда и органической солидарности.

Нормативный порядок и аномия

Как видно из предшествующего изложения, для Дюркгейма проблема поддержания и воспроизводства социального порядка отнюдь не сводилась к проблеме обеспечения принудительной гомогенизации составляющих общество индивидуальных человеческих единиц. Социальный порядок и развитая личность вовсе не являются какими-то смысловыми противоположностями, во всяком случае, если мы говорим о современных цивилизованных обществах. Реализация права и возможности индивидуального выбора обеспечивается фактом сильнейшей структурно-функциональной дифференцированности исторически развитых обществ.

Однако социальная гетерогенность может приносить достойные с точки зрения прогресса плоды, выступать в качестве силы созидания общественных форм только в том случае, если в масштабах общества в целом будет достигнут и гарантирован известный уровень социально-культурной интеграции. Социальное многоголосие должно образовывать симфонию, а не какофонию. Сложно дифференцированные общества так же, как и общества примитивные (а может быть, даже в большей степени), нуждаются во внутреннем ценностно-нормативном консенсусе, который поддерживался бы через посредство воспроизводства особых (социально регламентированных) форм поведенческой активности индивидов. В обществе должны существовать и действовать определенные правила игры. Эти правила могут быть как формальными (кодексы юридических законов), так и неформальными (мораль, обычаи, традиции, этикет). И в том, и в другом случае общество устанавливает определенный обра-

зец, позитивная ориентация на который вменяется в обязанность индивиду. Поведенческий стандарт воспроизводится в поступках, ментальный – в сознании. В результате нормативный порядок функционирует как своего рода отлаженный механизм, что позволяет обществу сохранять единство собственных структур и компонентов в каждый конкретный момент его истории.

Но может иметь место и иная ситуация – ситуация, характеризующаяся хроническим дефицитом социальной солидарности. Если в обществе нормативный порядок по тем или иным причинам разрушается (или, по меньшей мере, вступает в полосу кризиса), то тогда социальная система погружается в особое патологическое состояние. Такое состояние Дюркгейм называет аномией.

Общество в состоянии аномии – это общество без правил. В данном обществе люди утрачивают веру в истинность традиционных этических и мировоззренческих доктрин, пренебрегают представлениями о должном поведении, нарушают нравственные и юридические предписания, теряют ощущение естественности уз социальной солидарности и вместе с этим ощущением – смысл жизни и «самих себя». Подобное состояние ценностно-нормативного вакуума сказывается крайне негативно на моральном и физическом здоровье людей. Крах систем традиционных социальных и политических институтов, утрата господствовавших некогда в течение длительных исторических периодов и утверждавших в обозначенное время свою исключительную культурную значимость моделей миропонимания и комплексов коллективных верований – все это симптомы глобального социального недуга, который может и должен быть преодолен обществом (не без участия в необходимом в данной ситуации процессе «социального врачевания» морально ответственной и компетентной социологической экспертизы).

Однако в любом случае следует иметь в виду, полагает Дюркгейм, что именно социальный порядок (а не аномия) характеризует нормальное состояние общественного организма. Аномия же по сути своей есть лишь преходящая патология общества. Болезнь общества не может обернуться для него летальным исходом, ибо общество обладает завидным качеством физического бессмертия. Поэтому-то подобная болезнь рано или поздно заканчивается, причем заканчивается выздоровлением.

Социологическое исследование феномена самоубийства.

Типы самоубийств

Социологический этюд «Самоубийство» среди прочих произведений Дюркгейма занимает смысловую нишу, в общих чертах сходную с той, которую занимает в ряду работ М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». И в том, и в другом случае мы имеем дело как бы с эмпирическим исследованием, однако с таким, значение которого по многим параметрам «перевешивает» значение работ, посвященных собственно теоретико-методологической

проблематике. В этих исследованиях содержится опыт «верифицирующего тестирования» фундаментальных методологических концепций, созданных упомянутыми теоретиками. Так, на примере «Протестантской этики...» Вебер демонстрирует работоспособность собственного проекта «понимающей социологии». Дюркгейм же в своем «Самоубийстве» иллюстрирует действенность и эвристическую продуктивность своей концепции социологизма.

Дюркгейм проблематизирует тему самоубийства в точном соответствии со своими теоретическими установками. Люди совершали самоубийства всегда: они делали это в прошлом, делают в настоящем и будут продолжать делать в будущем. Известный процент смертных случаев, наступающих вследствие суицидальных актов, имеет место в любом обществе. Этот процент (с незначительными колебаниями относительно его среднего значения) можно рассматривать как некую константу, являющуюся характеристикой нормального состояния социальной системы. В свою очередь в качестве патологического будет рассматриваться лишь отклонение (причем существенное) от такой эмпирически устанавливаемой нормы. Но как бы то ни было, частота совершения самоубийств всегда и всюду представляет собой именно характеристику общества (а не отдельных личностей), поэтому-то она может и должна быть исследуема как некий специфический социальный факт.

Основная гипотеза, выдвигаемая Дюркгеймом в разбираемом исследовании, может быть сформулирована так: акты самоубийства всегда совершают конкретные индивиды, однако причины большинства из этих самоубийств заключены не в них самих, а в обществе, членами которого они являются. Иначе говоря, самоубийство может быть определено как убийство обществом некоторых своих членов их же собственными руками. Почему, как, при каких обстоятельствах? На эти вопросы социолог пытается найти удовлетворяющие его ответы.

В данном проблемном контексте (так же, как и в других сферах) точка зрения Дюркгейма сталкивалась с точкой зрения индивидуалистического психологизма. И здесь Дюркгейм, увлекаемый стремлением доказать научному сообществу правоту своей теоретической позиции, решительно ввязывается в бой. Прежде чем перейти к конкретно-содержательной верификации тезиса о том, что самоубийство есть социальный факт, он принимается за предварительную «расчистку» интеллектуального пространства избранной темы. В процессе такой «расчистки» Дюркгейм последовательно элиминирует доводы своих идейных противников, указывающих на несоциальный характер феномена самоубийства.

Комплекс природно-географических условий, биологические и физиологические особенности организма, наконец, специфика психологии индивида – все эти факторы, по мнению Дюркгейма, не объясняют большинства совершающихся в обществе самоубийств. Их влияние не является универсальным и однозначно определенным по своей направленности. В некоторых случаях

можно говорить об их косвенном, неавтономном воздействии, поэтому часто мы сталкиваемся с ситуацией, когда некоему фактору (в его влиянии на совершение самоубийства) приписывается исключительное значение, в то время как в действительности имеет место влияние промежуточное и второстепенное, либо таковое вовсе отсутствует.

С психологией индивида как с «фактором» Дюркгейму приходится разбираться особо. И действительно, едва ли подлежит сомнению тот факт, что человек, покушающийся на самоубийство, в момент совершения суицидального акта и какое-то время до этого должен, по всей вероятности, находиться в состоянии глубочайшей депрессии, при этом его переживания в целом могут быть квалифицированы как сильно отклоняющиеся от того, что принято называть нормой психического самочувствия. Однако все это, по мнению Дюркгейма, не меняет дела. Психическое состояние в большинстве случаев не может рассматриваться в качестве истинной, автономной причины самоубийства. Дело в том, что именно в большинстве случаев за этим психическим состоянием скрывается определенное социальное влияние, собственно и порождающее указанное состояние. Неврастеники и душевнобольные люди, конечно, оказываются более предрасположенными к совершению самоубийства в сравнении с психически здоровыми индивидами. Однако из этого вовсе не следует, что самоубийство как массовое явление может быть описываемо и объясняемо исключительно при посредстве терминов психопатологии. Ведь подавляющее большинство самоубийств совершается психически здоровыми людьми. В целом же представляется очевидным, что психологический компонент детерминации, присутствующий в той или иной мере во всяком самоубийстве, все же не может приниматься за точку отсчета в процессе изыскания подлинных причин указанного печального явления.

С точки зрения социолога, самоубийство совершает не человек как таковой, но человек как член общества (как представитель определенной социальной группы, как носитель определенных социально значимых качеств). Дюркгейм основательно изучил современную ему западноевропейскую статистику самоубийств и пришел к выводу, что частота совершения самоубийств в различных сегментах общества неодинакова. Групповые и социально-демографические характеристики четко коррелируют с данной частотой, уменьшая или увеличивая ее числовое значение. Так, например, мужчины совершают самоубийства чаще, чем женщины, протестанты чаще, чем католики, жители городов чаще, чем жители деревень, и т.д. О чем же свидетельствуют установленные эмпирические зависимости? – задается вопросом Дюркгейм. А ответ оказывается таким: каждая о своем, хотя во всех случаях явным образом обнаруживается влияние тех или иных объективных общественных условий.

Это общество подводит людей к роковой черте, это оно «вынуждает» их расставаться с жизнью. Конкретные же причины могут быть разными. И здесь Дюркгейм, реагируя на указанное обстоятельство, вводит свою типологию суицидальных поступков. Он выделяет четыре разновидности самоубийств:

эгоистическое, аномическое, альтруистическое и фаталистическое. Причем его внимание к перечисленным типам распределяется неравномерно: так, первые два из названных типов притягивают его исследовательский интерес в гораздо большей степени, чем третий и четвертый.

Эгоистическое и аномическое самоубийство суть формы самоубийства специфически современного типа, мало знакомые людям традиционных эпох. Эти формы порождаются «недостатком социальности» и распространяются преимущественно в тех социальных средах, где влияние общества на индивида довольно слабое. Эгоистическое самоубийство есть самоубийство «особи, отбившейся от стада». Оставленность обществом воспринимается человеком как богооставленность. Индивид утрачивает связь со своим ближним и дальним кругом, разочаровывается в жизни, теряет смысл собственного существования. Он остается наедине с самим собой, и уже ничто не удерживает его в этом мире.

Человек есть социальное существо, он не может жить сам по себе и для одного себя. Что-то должно наполнять его жизнь смыслом, и этот смысл для абсолютного большинства людей заключен не в них самих, а где-то вовне. Семейный очаг, дружеская компания, церковная или соседская община, профессиональное community, клубы единомышленников – только в этих или подобных им средах может протекать жизнь «нормального» социализированного индивида. Разрыв невидимых нитей солидарности, связывающих человека с группой, как правило, переживается им как моральная катастрофа. Последняя же в отдельных случаях оборачивается катастрофой физической, когда человек не находит никакого разумного выхода из сложившейся критической ситуации и принимает сознательное решение свести счеты с окончательно опротивевшей ему жизнью.

Таким образом, в отношении эгоистических самоубийств может быть установлена следующая закономерность: их число тем больше, чем меньше степень вовлеченности индивида в тот или иной коллектив, т. е. их количество находится в обратно пропорциональной зависимости от степени интегрированности группы.

Аномическое самоубийство отличается от эгоистического по ряду признаков. Здесь также имеет место утрата связи с обществом, но не вследствие того, что общество отворачивается от индивида (или наоборот), а вследствие того, что общество как бы прекращает свое существование (и не только для данного индивида, но и для всех индивидов, в нем живущих). Общество, находящееся в состоянии аномии, не способно предложить индивиду устойчивую систему жизненной ориентации. Правовые установления теряют свою силу, нормы морали релятивизируются. Человек утрачивает понимание того, как себя следует вести в конкретных ситуациях, во что следует верить, к каким целям стремиться. Устоявшиеся системы статусной иерархии разрушаются: чье-то социальное положение резко ухудшается, чье-то, напротив, улучшается. Старый социаль-

ный опыт в новых условиях оказывается неприменимым. Некоторые не выдерживают такого удара судьбы, кто-то предпочитает такой жизни смерть.

Два других типа самоубийства суть полная противоположность описанным выше. Они являются производными не от недостатка, но от избытка социальности. Порой общество слишком сильно давит на индивида, навязывая ему свою волю. Оно жестко регламентирует распорядок жизни человека, расписывая буквально каждый его шаг. За любым мало-мальским отклонением от определенного обществом для каждого конкретного индивида курса незамедлительно следуют суровые негативные санкции. Совершенно естественно, что в такой ситуации некоторые «особо свободолюбивые» индивиды от чувства глубочайшей безысходности накладывают на себя руки. Такова этиология фаталистического типа самоубийства.

И наконец, самоубийство альтруистическое представляет собой самоубийство, совершаемое во имя и во славу общества. Данный тип наиболее распространен в традиционных обществах, где ритуальное самоубийство и самоубийство с целью исполнения долга (сохранения чести) воспринимаются коллективным сознанием как добродетельные и поэтому вменяются в обязанность определенным категориям людей в определенных ситуациях.

Полученные Дюркгеймом в ходе исследования феномена самоубийства научные результаты вошли в золотой фонд мировой суицидологии. При этом основной его заслугой явилось то, что ему удалось показать (причем показать на конкретном примере), какое огромное влияние на индивидуальные судьбы людей оказывает «неуловимая» и вместе с тем «вездесущая» реальность социального факта.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

О ФИНАНСОВОМ КОНТРОЛЕ ЗА БЮДЖЕТНЫМИ СРЕДСТВАМИ ОРГАНАМИ ФЕДЕРАЛЬНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА

.....

Кочурина Р.А.*

Макроэкономическая ситуация в стране во многом зависит от реформирования бюджетного процесса. Первые наработки реформирования предполагается учесть в бюджете 2005 г. Одним из основных принципов бюджетной реформы должен стать переход от управления бюджетными затратами к управлению результатами: правительство формирует систему оценки планов и показателей работы всех органов исполнительной власти и только на этой основе подводит итоги, делает выводы и корректирует политику по отдельным направлениям. Достижение оптимального уровня государственных расходов становится, таким образом, базовым принципом экономической политики. Предстоит подготовиться к введению нового разграничения доходных полномочий и расходных обязательств между уровнями бюджетной системы страны. И субъекты Федерации, и муниципалитеты должны знать, за исполнение каких функций они отвечают и из каких источников их будут финансировать.

Экономика общественного сектора представляет новую систему взглядов на роль государства в реформировании экономических отношений и теорию государственных финансов. Общественный сектор представляет собой совокупность всех ресурсов экономики, всей собственности, всех денежных средств, находящихся в распоряжении государства. Любые действия государства в условиях рыночной экономики опосредуются финансовыми инструментами. Наиболее универсальным инструментом воздействия признается бюджет. Поэтому в центре внимания всех структур власти находятся государственные финансы, в том числе направляемые на развитие регионов.

Переход экономики, сложившейся к началу 1990-х гг., к рыночным отношениям сопровождался разрушением централизованной государственной бан-

* Кочурина Раиса Абдулхалимовна, проректор по экономическим вопросам Армавирского лингвистического университета.

ковской системы, образованием многочисленных коммерческих банков, значительным снижением бюджетной и исполнительской дисциплины.

В бюджетной системе России сложилась очень тяжелая ситуация, вызванная задержкой в зачислении налогов и сборов на счета федерального и местного бюджетов, потерей контроля за движением бюджетных средств, целевым их использованием. Выход из ситуации, при которой исполнение бюджета практически вышло из-под контроля Правительства Российской Федерации, стал возможным при переходе на казначейскую систему исполнения бюджета, а также при формировании новой структуры финансового контроля.

Успешное развитие экономики любой страны во многом зависит от достоверности и оперативности получения органами власти информации о состоянии государственных финансовых и материальных ресурсов, возможности оперативно и эффективно управлять ими.

Изучение международного опыта и практика функционирования дореволюционной отечественной финансовой системы дали безальтернативное решение – перевод федерального бюджета на казначейскую систему исполнения.

Это позволило не только консолидировать на счетах казначейства все государственные финансовые ресурсы, оперативно представлять Правительству информацию о финансовых возможностях государства, но и обеспечить целевое использование бюджетных средств.

Одной из важнейших задач и функций органов федерального казначейства является осуществление оперативного управления государственными финансовыми ресурсами, организация движения денежных средств, в том числе финансирование из федерального бюджета. Финансирование поступает на счета конечных получателей, минуя счета распорядителей и получателей бюджетных средств.

Банковская система обслуживания бюджетов длительна и многоступенчата. Сначала бюджетные средства в соответствии с поручениями органа, исполняющего бюджет, зачисляются на счета распорядителей кредитов. Затем последние перечисляют полученные средства на счета подведомственных бюджетных организаций. И только на последнем этапе в соответствии с платежными поручениями средства поступают от бюджетных организаций к конечным получателям в качестве оплаты за выполненные работы или услуги. Такая схема прохождения бюджетных средств приводила к длительному движению до момента перечисления их на счета поставщиков товаров и услуг. Период прохождения достигал 15 дней, что вполне устраивало большинство кредитных учреждений, поскольку банки на некоторое время получали бесплатные кредитные ресурсы. Кроме того, органы исполнительной власти, ответственные за исполнение соответствующих бюджетов, лишались возможности целевого контроля бюджетных средств. Последующий контроль только фиксировал факты нарушения, но не предотвращал его.

В отличие от банковской системы обслуживания бюджетных счетов, при казначейской системе исполнения бюджетов исключены операции по перечислению средств на счета главных распорядителей и распорядителей бюджетных средств, так как движение бюджетных средств с одного уровня на другой отражается лишь на их лицевых счетах в органах федерального казначейства, где они открыты. Учет финансирования при исполнении бюджета по расходам ведется в разрезе лицевых счетов, открытых для каждого главного распорядителя, распорядителя и получателя средств соответствующего бюджета в едином учетном регистре казначейства.

На открытых лицевых счетах отражаются объемы бюджетных средств, которыми владельцы располагают в процессе санкционирования и финансирования расходов бюджета. Бюджетное учреждение вправе распоряжаться средствами, зачисленными на его лицевой счет, только в размере, отраженном на счете.

Фактически же денежные средства остаются на едином счете бюджета, что позволяет значительно сократить объем задействованных государственных средств. Более того, в обязательном порядке осуществляется предварительный и текущий контроль расходования через процедуру подтверждения платежных поручений, разрешающих совершение платежа. Следует подчеркнуть, что предварительный контроль может проводиться только при казначейском исполнении бюджета.

Бюджетным кодексом РФ разграничен перечень и виды расходов по уровням бюджетов. К расходам, финансируемым исключительно из федерального бюджета, относятся и расходы, связанные с ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций и бедствий федерального масштаба. Порядок финансирования определяется соответствующими законодательными и нормативными актами и осуществляется только через органы федерального казначейства.

Одним из этапов бюджетного процесса является государственный финансовый контроль, главное назначение которого – проверка обязательного выполнения всех бюджетных заданий, предусмотренных законодательными и нормативными актами. Конкретно-адресный характер бюджетных показателей отражает многообразие связей бюджета с отраслями экономики и создает основу для их использования в целях контроля за состоянием дел в отраслях народного хозяйства.

В современной России необходимость усиления контроля государства в финансовой сфере определяется недостаточным уровнем финансовой, бюджетной, налоговой дисциплины, многочисленными фактами нецелевого использования средств федерального бюджета. Экономическая функция финансового контроля состоит в обеспечении целевого и эффективного использования государственных финансовых ресурсов: целевых бюджетных фондов, дотаций, субсидий, трансфертов и т. д.

На сегодняшний день в России главные функции контроля за целевым использованием средств, выделяемых из федерального бюджета, осуществляют:

- Счетная палата Российской Федерации;
- Главное контрольное управление Президента Российской Федерации;
- Министерство финансов Российской Федерации.

В части контрольных функций, возложенных непосредственно на Министерство финансов РФ, контроль за целевым использованием средств федерального бюджета осуществляют территориальные органы федерального казначейства и контрольно-ревизионные управления Министерства финансов России в субъектах РФ.

Контрольно-экономическая работа территориальных органов федерального казначейства по субъектам РФ регламентируется п. 3 Указа Президента РФ № 1556 от 8 декабря 1992 г. «О Федеральном казначействе», а именно: проведение проверок в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях, в банках и иных финансово-кредитных учреждениях, основанных на любых формах собственности, проверки денежных документов, регистров бухгалтерского учета, отчетов, планов, смет и иных документов, связанных с зачислением, перечислением и использованием средств федерального бюджета Российской Федерации.

Для усиления финансового контроля за денежными средствами целевого назначения из федерального бюджета в органах казначейства устанавливается определенный порядок совершения операций по осуществлению контроля и финансирования.

При выделении средств из федерального бюджета на ликвидацию последствий стихийного бедствия — наводнения на территории Краснодарского края – финансирование осуществлялось только через счета органов федерального казначейства.

Постановлением Правительства РФ от 26 сентября 2002 г. № 709 «О мерах по ликвидации последствий стихийного бедствия, произошедшего в августе 2002 года на территории Краснодарского края» были определены виды и размеры государственной помощи пострадавшим:

- единовременные выплаты по 2 тыс. р. на каждого пострадавшего (в г. Армавире их число превысило 15 тыс. чел.);
- за потерю и порчу имущества единовременные выплаты от 20 до 50 тыс. р. на каждую семью;
- единовременные выплаты на проведение ремонта жилья, получившего частичное повреждение, до 30 тыс. р.;
- безвозмездные субсидии на строительство и приобретение жилья взамен полностью разрушенного; размер субсидии исчислялся исходя из норматива 18 м² на каждого члена семьи и установленной для Краснодарского края стоимости 1 м² в 7860 р.

Для обеспечения оперативного финансирования, предварительного и текущего контроля за целевым расходованием выделенных денежных средств из федерального бюджета в казначействе были разработаны модели порядка финансирования и подготовки необходимой документации, подтверждающей законность выплат и перечислений на счета получателей.

Согласно утвержденному порядку пострадавший получает в администрации города сертификат (документ, подтверждающий право на получение жилья семьей пострадавшего подрядным способом с указанием общей площади и размера субсидии) и сдает его в отделение Сбербанка для открытия заблокированного счета на имя владельца сертификата.

Отделение Сбербанка (уполномоченного Правительством РФ на участие в расчетах по выделенным из бюджета средств) открывает заблокированный счет и направляет уведомления в администрацию города и отделение Федерального казначейства, в которых указывает:

- номер заблокированного счета;
- номер сертификата;
- фамилию, имя, отчество владельца сертификата;
- размер субсидии.

Администрация города и ее службы готовят и представляют в казначейство необходимый пакет документов, в который входят:

- сводный список семей, лишившихся жилья (по форме № 2);
- список семей, согласившихся на строительство жилья подрядным способом;
- реестр выданных сертификатов (по форме № 7).

Затем на каждую пострадавшую семью представляется:

- ксерокопия сертификата, заверенная юридической службой администрации;
- копия договора подряда на строительство жилья;
- график этапов строительства указанного жилья;
- акт приемки этапов строительства, подписанный владельцем сертификата и отделом капитального строительства администрации, осуществляющим технический надзор за ходом выполнения работ;
- платежное поручение на перечисление денежных средств на заблокированный счет в отделении Сбербанка с последующим зачислением на банковский счет подрядчика.

Казначейство, получив указанный пакет документов, осуществляет предварительный и текущий контроль, который заключается в следующем:

- сверяются реквизиты всей представленной документации на соответствие, наличие необходимых подписей и печатей;

– сверяется правильность оформления договоров подряда и актов приемки этапов выполненных работ, наличие виз и подписей заинтересованных служб и печатей подрядчика и технадзора.

При правильном оформлении всех документов бюджетные средства перечисляются со счета казначейства на блокированный счет в размере, указанном в платежном поручении.

При установлении несоответствия или нарушения в представленной документации она возвращается администрации без исполнения с сопроводительным письмом. В нём указывается характер нарушений.

Вот некоторые случаи возврата представленной для оплаты документации без исполнения:

- угловые адреса домов, разрушенных стихией, указаны дважды: документация оформлена на разных членов семьи, пострадавшей от стихии;
- одно и то же домовладение проходит в двух списках – как разрушенное и как требующее капитального ремонта;
- прописка одного из членов семьи постфактум, после периода стихии, попадались случаи и нестандартные (например, степень родства: племянник зятя тещи сына);
- представляется подрядчиком к оплате еще не выполненного этапа строительства и др.

Аналогичные модели были составлены и для порядков осуществления финансирования покупки жилья на вторичном рынке жилья, и для строительства жилья хозяйственным способом или проведения его ремонта.

Тщательная разработка моделей по всем видам выделения государственной помощи пострадавшим позволила заранее предусмотреть ситуации, которые могут возникать при осуществлении контроля за представляемой документацией, и своевременно проинструктировать исполнителей. Такой подход обеспечил эффективность работы и исключил случаи нецелевого использования бюджетных средств. Как показали результаты проверок Счетной комиссии РФ и Прокуратуры РФ, не установивших случаев нарушений в финансировании, осуществляемый порядок и формы казначейского финансового контроля себя оправдывают и обеспечивают целевое использование государственных средств.

SUMMARY

.....

Professor **Vladimir N. Panin** pictures pendular oscillations of centripetal and centrifugal tendencies in interstate relations in Arabic world with transit from declarative “gathering Arabic nations” sub aegis of the Grand Idea of pan-Arabism to more realistic projects of subregional unions, promoted by the states which pretend to be leaders among the Arabic world. The author states a “static stagnation” character of the interstate political process in the region.

Anna A. Gnedash in her “Institutionalisation of the gender perspective on politics in European countries” reviews legislative mechanisms and related political discourses of empowering women to fill leading posts in parties, legislative and executive branches of local and national levels in the “old members” of the EU.

Maria I. San’kova analyses semantics and uses of the “burnout” concept, related to the profession of social worker, cites lists of symptoms, conditions and factor of the phenomenon. The author hopes that clearing the meaning of the concept makes possible social workers to develop practices and skills of coping professional risks.

Mikhail M. Kirichenko, using quantitative and qualitative data, depicts tendencies in economic policy in agrarian sector and probable consequences of the Law of Krasnodar Krai “On State supporting individual parcel economies” (adopted on March 24, 2004), which became the first and risky trial to approve an articulate regulative norm in the sphere.

Having processed raw data of 45 semi-structured interviews with leaders of youth NGOs in Moscow, **Dmitri M. Rogozin** selects 259 key nouns and 376 emotive adjectives; some topics, denoted by key and related words, such as organisation, work (activities), people (individuals, guys), money, and mission, are systematically represented and interpreted. A vocabulary of emotive words with their empirically found combinations is attached.

Ekaterina A. Shestak outlines some recommendations on how to pick up personnel and volunteers to build a viable non-governmental organization.

Abridged version of a chapter on E. Durkheim’s doctrine of the “social fact” by **Denis G. Podvoiskiy** represents a course written with **Gennady S. Batygin** on the History of sociology, being in print.

Raisa A. Kochourina persists on the necessity of making tougher the control of spending budget funds; she gives some examples of tricks, resorted by victims of the flood, happened in August 2002 in Krasnodar krai.